BECTHIK MITHY.

СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ».

MCU JOURNAL OF LEGAL STUDIES

№ 2 (46)

Научный журнал / Scientific Journal

Издается с 2008 года Выходит 4 раза в год Published since 2008 Quarterly

Москва 2022

Редакционный совет:

ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, Реморенко И. М. председатель

почетный работник общего образования Российской Федерации,

член-корреспондент РАО

Рябов В. В. президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук,

заместитель председателя профессор, член-корреспондент РАО Геворкян Е. Н. первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,

заместитель председателя доктор экономических наук, профессор, академик РАО

Агранат Д. Л. проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,

заместитель председателя доктор социологических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Пашенцев Д. А. доктор юридических наук, профессор, почетный работник главный редактор высшего профессионального образования РФ (МГПУ)

кандидат юридических наук, профессор, Северухин В. А. зам. главного редактора заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)

Борисова Н. Е. доктор юридических наук, профессор (МГПУ)

Диноршоев А. М. доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)

доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена) Дорская А. А

кандидат юридических наук, доцент (МГПУ) Ефимова О. В.

Илариа Претелли доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)

Мартыненко И. Э. доктор юридических наук, профессор

(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)

Мкртумян А. Ю. доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики

Армения (Кассационный суд Республики Армения)

Ростокинский А. В. доктор юридических наук, профессор (МГПУ)

Рыбаков О. Ю. доктор юридических наук, доктор философских наук,

профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)

доктор юридических наук, профессор (МГПУ) Сауляк О. П.

доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена) Смирнов Л. Б.

Черногор Н. Н. доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)

Честнов И.Л. доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

 $(СПбЮИ(<math>\phi$)АГП)

Чурилов С. Н. доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

(МГПУ)

Безносикова О. И. ответственный редактор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2076-9113

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты	
Грахоцкий А. П. Загадки судебного процесса в Ганновере: подсудимый Франц Вирт и расстрел евреев в районе Крупок	.7
Дорская А. А., Дорский А. Ю. Кризисные явления в праве: понятие, причины, виды и признаки	22
Попова Н. Н. Правосознание в условиях формирования цифрового общества	4
Частное право	
Алешина А. В., Косовская В. А. Разрешение российскими судами частноправовых споров, осложненных иностранным элементом: проблемы применения иностранного права	Ю
Трибуна молодых ученых	
Белова И. А. Финансирование научных исследований в дореволюционной России: правовые аспекты4	19
Гуляева П. С. Квазиправосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовые аспекты	58
Кононов В. С. Правовые средства обеспечения публичных интересов в отношениях собственности	'O
Крупнова Т. Б. Свобода волеизъявления как фактор правотворчества народа	30
Пашенцева Д. Д. Нормотворческие полномочия органов городского общественного управления Российской империи после реформы 1870 года	39

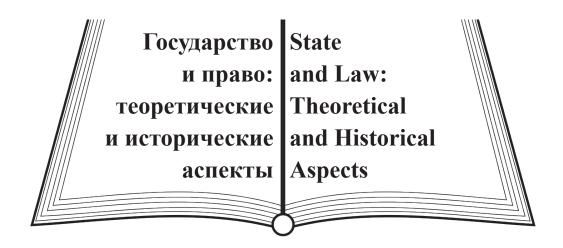
Научная жизнь
Азиззода У. А. Цифровые императивы развития законодательства в постиндустриальном обществе: обзор секции, проведенной в рамках Общероссийского годового собрания теоретиков права96
Антонова Н. В. Правовое регулирование образования в современных условиях (обзор всероссийского круглого стола «Образовательное право и правовое воспитание в условиях цифровизации и пандемических ограничений», прошедшего 23 марта 2022 года в Московском городском педагогическом университете)
Малкин О. Ю., Низамова Е. А., Сварчевский К. Г. Правовое регулирование наследственных отношений (к 20-летию принятия части III Гражданского кодекса Российской Федерации): обзор международной научно-практической конференции
Наши юбиляры   К юбилею ученого-правоведа и философа права, профессора   Олега Юрьевича Рыбакова
Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки»,   2022, № 2 (46)
Требования к оформлению статей

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects	
Grahotsky A. P. Mysteries of the Hannover Trial: Defendant Franz Wirth and the Execution of Jews in Krupok District	7
Dorskaya A. A., Dorsky A. Yu. Crisis Phenomena in Law: Concept, Causes, Types and Signs	22
Popova N. N. Legal Awareness in the Context of the Formation of Digital Society	34
Private Law	
Aleshina A. V., Kosovskaya V. A. Resolution by Russian Courts of Private Law Disputes Complicated by a Foreign Element: Problems of Application of Foreign Law	40
Tribune of Young Scientists	
Belova I. A. Funding Scientific Research in the Pre-Revolutionary Russia: Legal Aspects	49
Gulyaeva P. S. Quasi-Legal Personality of Artificial Intelligence: Theoretical and Legal Aspects	58
Kononov V. S. Legal Means to Ensure Public Interests in Property Relations	70
Krupnova T. B. Freedom of Expression as a Factor in Law-Making of the Nation	80
Pashentseva D. D. Rule-Making Powers of Urban Public Administration Bodies of the Russian Empire after the Reform of 1870	89

Scientific Life

Azizzoda U. A. Digital Imperatives of the Development of Legislation in a Post-Industrial Society: a Review
of the Section Held Within the Framework of the All-Russian
Annual Meeting of Legal Theorists96
Antonova N. V. Legal Regulation of Education in Modern Conditions (Review of the All-Russian Round Table «Educational Law and Legal Education in the Context of Digitalization and Pandemic Restrictions» on March 23, 2022 at Moscow City Pedagogical University)
Malkin O. Yu., Nizamova E. A., Svarchevsky K. G. Legal Regulation of Inheritance Relations (on the Occasion of the 20th Anniversary of the Adoption of Part III of the Civil Code of the Russian Federation): a Review of the International Scientific and Practical Conference
Our Anniversaries
Devoted to the Anniversary of the Legal Scholar and Philosopher of Law, Professor Oleg Yurievich Rybakov
Authors of the MCU Journal of Legal Sciences, 2022, № 2 (46)   121
Requirements for Style Articles

УДК 344.22

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.46.2.01

А. П. Грахоцкий

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, Гомель, Республика Беларусь

E-mail: grahotsky@gsu.by

ЗАГАДКИ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА В ГАННОВЕРЕ: ПОДСУДИМЫЙ ФРАНЦ ВИРТ И РАССТРЕЛ ЕВРЕЕВ В РАЙОНЕ КРУПОК

Анномация. В статье рассматривается попытка правоохранительных органов ФРГ расследовать преступления, совершенные нацистами в 1942 году в белорусских деревнях Обчуга и Ухвала Крупского района Минской области. По делу об организации расстрела еврейского населениях этих деревень в 1964 году был задержан бывший член айнзатцкоманды 8 Франц Вирт. Автором поставлена цель на примере дела Ф. Вирта с помощью исторического метода раскрыть специфику западногерманских судебных процессов против преступников, совершавших свои злодеяния на территории СССР. Опираясь на концептуальные подходы немецких ученых, призванные минимизировать наказания для нацистских преступников, суд присяжных в Ганновере приговорил бывшего карателя к 2 годам тюрьмы. Автор приходит к выводу, что приговор, вынесенный Ф. Вирту, демонстрировал пренебрежение к памяти о жертвах Холокоста, указывал на то, что органы немецкого правосудия не были заинтересованы в восстановлении справедливости и наказании нацистских преступников.

Ключевые слова: судебный процесс; расследование; правосудие; нацистские преступники; Франц Вирт; приговор; наказание.

Введение

а официальной церемонии открытия «Кристальной стены плача», состоявшейся в Мемориальном центре Холокоста «Бабий Яр» 6 октября 2021 года, президент ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер задался вопросом: кто сегодня в Германии знает о Холокосте в Киеве, Одессе, Бердичеве, Черновцах, Мизоче и многих других местах? Далее политик резюмировал: «Все эти города не имеют надлежащего места в наших воспоминаниях». С уверенностью можно утверждать, что это заявление немецкого президента можно распространить и на сотни больших и малых городов Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии и оккупированных нацистами районов России, которые стали эпицентром так называемого Холокоста от пуль [16; 24].

Ф.-В. Штайнмайер отметил, что катастрофа европейских евреев началась не с фабрик смерти в Аушвице, Треблинке, Собиборе и Майданеке, трагедия разразилась в лесах, на окраинах городов и сел бывшего Советского Союза, где преступники из айнзатцгрупп, формирований СС, СД, полиции и подразделений вермахта расстреливали еврейских женщин, мужчин, стариков и детей.

Сегодня принципиально важным является стремление увековечить имя каждого еврея, уничтоженного в годы Холокоста. Не менее значимыми представляются попытки установить личности и привлечь к ответственности преступников, совершивших беспрецедентный в истории человечества геноцид. Уголовное преследование бывших нацистов в Германии продолжается по сей день [9; 21, S. 197–198]. Так, 7 октября 2021 года перед судом в г. Нойруппен предстал 100-летний Йозеф Ф., охранник концентрационного лагеря Заксенхаузен. Подсудимый обвиняется в сознательном и добровольном соучастии в убийствах более 3500 заключенных.

В данной статье рассматривается попытка правоохранительных органов ФРГ расследовать два конкретных преступления, совершенных нацистами в белорусских деревнях Обчуга и Ухвала Крупского района Минской области. По делу об организации расстрела еврейского населения этих деревень был задержан в 1964 году бывший член айнзатцкоманды 8 Франц Вирт. Автором поставлена цель: на примере дела Ф. Вирта раскрыть специфику западногерманских судебных процессов против преступников, совершавших свои злодеяния на территории Советского Союза.

Основное исследование

Холокост в Крупском районе. Массовое уничтожение евреев, проживавших в Крупках и окрестных населенных пунктах, началось осенью 1941 года. На территории района действовало одно из карательных подразделений айнзатцкоманды 8. Преступники на постоянной основе размещались в Борисове и отвечали за поиск и ликвидацию «врагов Третьего рейха» в радиусе 60 км от города. С июля по конец сентября 1941 года подразделением руководил Вернер Шенеман [25, S. 43].

18 сентября 1941 года каратели во главе с В. Шенеманом при поддержке военнослужащих 3-го батальона 354-го пехотного полка вермахта уничтожили еврейскую общину Крупок. Более 900 евреев были расстреляны вблизи города, в двух торфяных ямах на заболоченном берегу реки Стражница [11, р. 87–116]. Данное злодеяние являлось центральным пунктом обвинения на уголовном процессе против В. Шенемана. Судебное разбирательство проходило в 1964 году в Кельне. Преступник был признан виновным в пособничестве убийствам как минимум 2170 евреев и приговорен к 6 годам лишения свободы [15, S. 165, 170–178, 183].

Кроме того, в сентябре 1941 года члены айнзатцкоманды 8 провели расстрелы еврейского населения в городском поселке Холопеничи (822 жертвы) и деревне Шамки (около 800 убитых) [18, S. 586]. В октябре преступники уничтожили 961 еврея в поселке Бобр [7].

В начале 1942 года экзекуции продолжило подразделение айнзатцкоманды 8 под руководством Вильгельма Деринга. Каратели осуществляли рейды по деревням в поисках уцелевших евреев. Некоторые подробности преступлений В. Деринга в Крупском районе стали известны в ходе судебного процесса, состоявшегося в 1962 году в Бонне. В результате этого судебного разбирательства В. Деринг был признан виновным в пособничестве тяжким убийствам 187 человек и приговорен к 6 годам тюрьмы. Однако Верховный суд ФРГ отменил решение первой инстанции. В 1964 году в Бонне состоялся новый процесс, по итогам которого Деринг получил 4 года лишения свободы [4].

Среди прочего В. Дерингу вменялась в вину организация расстрела евреев в деревне неподалеку от городского поселка Холопеничи, а также в двух деревнях, расположенных в районе Крупок [13, S. 712–715, 718]. В ходе следствия обвиняемый заявлял, что, для того чтобы избежать участия в расстрелах евреев, его подразделение стремилось сконцентрироваться на борьбе с партизанами. В феврале 1942 года в штаб Деринга поступила информация о том, что одна из деревень неподалеку от Холопеничей стала опорным пунктом партизан. При поддержке роты солдат вермахта и местных полицаев члены айнзатцкоманды 8 вошли в деревню. Один из жителей деревни заметил карателей и бросился бежать. Нацисты открыли огонь. По словам подсудимого, раздавшиеся выстрелы стали для партизан сигналом к бегству. В итоге каратели не нашли ни одного народного мстителя, однако «обнаружили», что в центре поселения проживают евреи. Обвиняемый обсудил сложившуюся ситуацию с командиром роты и пришел к выводу, что у него нет другого выхода, кроме как приступить к расстрелу евреев. На окраине деревни с помощью взрывного вещества солдаты подготовили могилу, к которой и привели жертв. Около 50 или 60 еврейских мужчин и женщин были убиты выстрелами в затылок [Там же, S. 714].

Затем в марте 1942 года В. Деринг получил приказ командира айнзатцкоманды 8 Отто Брадфиша уничтожить еврейское население в двух деревнях,

одна из которых была расположена севернее, а другая — южнее Крупок. Обе деревни находились на расстоянии примерно 60 км от Борисова. Обвиняемый заявлял, что постоянно откладывал выполнение данного приказа, так как начавшаяся оттепель сделала подступы к деревням непроходимыми. Однако, когда распоряжение О. Брадфиша поступило повторно, В. Деринг решил направить в деревню севернее Крупок автомобиль с тремя своими подчиненными. Среди последних был гауптшарфюрер Франц Вирт и переводчик Дык. Им надлежало проверить, являются ли дороги к деревням проходимыми [13, S. 714].

- Ф. Вирт выступил на судебном процессе в Бонне в качестве свидетеля. По словам Вирта, каратели с трудом добрались до места назначения. Для того чтобы им не пришлось повторно пробираться в глухую местность, преступники решили в тот же день провести расстрел местных евреев. По возвращении в Борисов Ф. Вирт отчитался перед Дерингом о расстреле 15 евреев. На следующий день в том же составе каратели отправились в деревню южнее Крупок. Прибыв туда, преступники расстреляли около 15 еврейских жителей [Там же, S. 714]. Обстоятельства, открывшиеся в ходе судебного процесса против В. Деринга, привели к аресту Ф. Вирта.
- Ф. Вирт родился в 1902 году в городе Бернбург (земля Саксония-Анхальт). В 1920 году он получил профессию типографщика. Однако уже в 1921 году Вирт поступил на службу в вооруженные силы Германии, где прослужил 12 лет и получил звание унтер-офицера. В 1934 году Вирт перешел на работу в полицию. Еще через 6 лет подсудимый был переведен в гестапо. В мае 1941 года он был направлен в г. Дюбен, где осуществлялась подготовка будущих членов айнзатцкоманд. Летом 1941 года обвиняемый оказался на территории Советского Союза. Ф. Вирт служил в подразделении под руководством В. Деринга [14, S. 535–536]. До января 1942 года каратели находились в Рославле, затем в Борисове (январь май 1942 года) и Клинцах (по апрель 1943 года) [Там же, S. 541].

В марте 1943 года Вирт вернулся на родину, там он служил в гестапо города Дессау. Незадолго до капитуляции Германии он попал в американский плен. Однако вскоре был передан в советскую зону оккупации, где преступнику удалось получить новый паспорт с вымышленными датой и местом рождения. Это удостоверение личности Ф. Вирт использовал вплоть до момента задержания в 1964 году [Там же, S. 536].

С конца 1945 по 1947 год бывший нацист проживал в районе Зальцведеля, где занимался сельским хозяйством. Затем ему удалось перебраться в Западную Германию. Ф. Вирт получил работу на предприятии по производству муки в Данненберге. В 1953 году из Германской Демократической Республики (ГДР) к подсудимому переехали его супруга и трое детей. Семья поселилась в Ганновере. До 1964 года Вирт занимался типографской деятельностью. После того как на преступника было заведено уголовное дело, у бывшего карателя случился инфаркт и обнаружился диабет. В связи с болезнью Ф. Вирт был признан неспособным к участию в следственных действиях. Только в 1968 году ввиду

заметного улучшения состояния здоровья обвиняемого прокуратура Ганновера продолжила расследование уголовного дела [Там же, S. 536].

Судебный процесс против Ф. Вирта начался в Ганновере в апреле 1969 года В вину подсудимому вменялось участие весной 1942 года в расстрелах еврейского населения в двух деревнях, расположенных неподалеку от города Крупки [Там же, S. 542–544].

Картина произошедшего в этих деревнях Крупского района, восстановленная ганноверскими правоохранителями, несколько отличалась от той, что была представлена на процессе по обвинению В. Деринга в 1962 году. Во-первых, изменилась информация относительно времени совершения преступления. Если в ходе судебного разбирательства в Бонне отмечалось, что расстрелы проводились в марте 1942 года, то на процессе в Ганновере речь шла о весне 1942 года. Следственные органы подчеркивали, что установить точную дату экзекуций не представлялось возможным [Там же, S. 542]. Во-вторых, на суде в Ганновере упоминался третий соучастник преступлений. Обвиняемый Вирт заявил, что вместе с ним и переводчиком Дыком в упомянутые деревни был направлен некий фельдфебель одной из частей вермахта. Подсудимый затруднился вспомнить фамилию военнослужащего. По словам Ф. Вирта, в распоряжении унтер-офицера находился военный автомобиль повышенной проходимости Volkswagen Тур 82 (так называемый кюбельваген). Узнав о том, что перед карателями стоит задача добраться до двух труднодоступных деревень, фельдфебель предложил командиру подразделения свою помощь [14, S. 542]. В-третьих, подсудимый Ф. Вирт уже не упоминал о том, что В. Деринг поручал ему лишь проверить проходимость дорог. На процессе в Ганновере обвиняемый заявлял, что от командира подразделения поступил четкий приказ добраться до деревень и уничтожить находившихся там евреев [Там же]. В-четвертых, в ходе следствия по делу Ф. Вирта увеличилось число жертв расстрелов. Если на суде в Бонне фигурировали данные о 30 убитых (по 15 человек в каждом из поселений), то в Ганновере речь шла уже о 40 расстрелянных [Там же, S. 543].

Согласно показаниям подсудимого, сначала преступники направились в деревню, расположенную примерно в 20 километрах на север от Крупок. Там в одном или двух домах, обнесенных колючей проволокой, проживали порядка 20 евреев. По прибытии в населенный пункт каратели встретились с офицером одной из частей вермахта, которая квартировалась неподалеку, и местным бургомистром. Последние пообещали Ф. Вирту полную поддержку при проведении акции уничтожения. Вместе с бургомистром и переводчиком обвиняемый направился в лес, где нацисты выбрали место для экзекуции. После чего солдаты и полицаи выгнали евреев из домов и пригнали на казнь. В глубине соснового леса подсудимый указал на овраг, который и послужил могилой. Жертв укладывали лицом вниз и расстреливали из ружей. Убийства продолжались около получаса. Затем Ф. Вирт приказал коллаборантам прикопать трупы. К вечеру каратели вернулись в Борисов [Там же].

По словам обвиняемого, в один из ближайших дней в том же составе они совершили поездку в деревню, расположенную южнее Крупок. В этом населенном пункте также существовало небольшое гетто. При помощи солдат вермахта и местных полицаев каратели вывели около 20 еврейских женщин и пожилых мужчин в лес и расстреляли их [14, S. 543–544].

В ходе судебного разбирательства сторона обвинения доказывала, что двумя неизвестными поселениями в Крупском районе являлись деревни Обчуга и Ухвала [Там же, S. 544—545]. Эти белорусские деревни действительно подходили под описание населенных пунктов, о которых говорил подсудимый. Оба поселка находились на расстоянии в 20—30 километров от Крупок: Обуга была расположена на севере от райцентра, Ухвала — на юге. Весной 1942 года здесь были расстрелы еврейского населения. Память о трагических событиях увековечена в мемориалах. На обелиске в Обчуге указано, что 5 мая 1942 года нацисты убили 440 еврейских жителей деревни [6]. Согласно информации, размещенной на памятнике в Ухвале, расстрел местных евреев состоялся в марте 1942 года, в ходе экзекуции было убито 150 человек. Однако жительница деревни Р. Е. Лившиц, которой удалось спастись от расстрела, в своих воспоминаниях отмечает, что трагедия в Ухвале произошла в мае 1942 года [8].

Во время процесса состоялся выезд членов суда в Белорусскую ССР. Представители немецкого правосудия посетили предполагаемые места преступления, провели допросы свидетелей [14, S. 544]. В результате была собрана следующая информация о нацистских злодеяниях в Обчуге и Ухвале. Согласно показаниям жителей Обчуги, осенью 1941 года в деревне было создано гетто. Местных евреев, а также евреев из окрестных поселений, разместили в 3 или 4 домах по улице Луговская. Местность обнесли колючей проволокой. Весной 1942 года, предположительно в первые дни мая, в 5 часов утра бургомистр деревни вызвал к себе нескольких крестьян. В сопровождении немецкого офицера, который говорил на русском языке и был одет в кожаный плащ, сельчане отправились в сторону кладбища. Позже к ним присоединились еще два немца, вооруженных автоматами. По словам свидетелей, они впервые видели этих нацистов у себя в деревне, никто из них не принадлежал к располагавшемуся в Обчуге гарнизону вермахта. На пригорке между сосновыми деревьями каратели приказали местным жителям выкопать две могилы размером 4 на 4 метра [14, S. 544–545].

Затем в районе 8 часов утра немецкие солдаты совместно с местными полицаями начали выгонять евреев из домов. Жертв гнали березовыми прутьями. По пути преступники убили двух стариков, которые не могли самостоятельно передвигаться. На месте казни евреев разделили на две группы: в первую попали мужчины, во вторую — женщины и дети. Для каждой из групп была подготовлена отдельная могила. Перед смертью жертвам надлежало раздеться до нижнего белья. Экзекуция длилась около 3 часов. Согласно показаниям свидетелей, расстрел осуществляли немцы, полицаи охраняли местность. Крестьянам было приказано закопать могилы. Свидетели Мац., Кук. и Пас.

заявили: от полицаев им стало известно, что акцию уничтожения проводили каратели из Борисова [Там же, S. 545].

Кроме того, жительница деревни Обчуга Сал. в ходе допроса отметила, что один из полицаев рассказывал ей о расстреле евреев. Ссылаясь на слова коллаборанта, женщина указала, что экзекуцией руководил начальник по фамилии Мирт или Вирт. Полицай характеризовал последнего как «человека, беспощадного к русским, коммунистам и евреям». Далее свидетель Сал. добавила: «Приехал ли он из Крупок, я не знаю. Жил ли он там или нет, этого я тоже не знаю. Но я знаю, что по его приказу расстреляли людей. Это было в 1942 году. Эту фамилию Мирт или Вирт я слышала в 1942 году, когда еврейское население собирали на расстрел» [Там же, S. 549].

Свидетели Обц. и Пас., принимавшие участие в подготовке могил, описали внешность трех карателей, прибывших в деревню. По словам свидетелей, преступник в кожаном плаще был среднего возраста, несколько старше, чем его подчиненные. На фуражке карателя был изображен череп с перекрещенными костями, что указывало на принадлежность нациста к СС и айнзатцкоманде. Описанное свидетелями телосложение преступника в целом соответствовало комплекции подсудимого. Однако мужчины заявили, что спустя 27 лет после трагедии они не могут с уверенностью утверждать, что именно Ф. Вирт является тем самым нацистом в кожаном плаще [14, S. 549].

Относительно расстрела в Ухвале в распоряжении суда были показания лишь одного свидетеля Лив. Вероятно, этим свидетелем являлась Лариса Ефимовна Лившиц. В ходе допроса Лариса Ефимовна указала, что в деревне было расстреляно около 60 еврейских женщин, детей и стариков. По ее словам, работоспособные еврейские мужчины были уничтожены еще осенью 1941 года. Женщины, старики и дети проживали в гетто. Нацисты использовали женский труд для обслуживания гарнизона вермахта. Л. Е. Лившиц отметила, что каратели были одеты в маскировочные костюмы, прибыли они в Ухвалу со стороны города Березино [Там же, S. 544—545].

Оценив показания свидетелей, судьи пришли к выводу, что в их распоряжении нет достаточных доказательств, для того чтобы признать Ф. Вирта виновным в организации расстрелов еврейского населения деревень Обчуга и Ухвала [Там же, S. 550].

Во-первых, судьи усомнились в объективности показаний свидетеля Сал., которая назвала фамилию подсудимого. Членов суда насторожило то, что только данный свидетель смогла вспомнить фамилию организатора расстрела в Обчуге. По мнению присяжных, на слуху у местного населения мог быть командир подразделения В. Деринг, но никак не член его команды Ф. Вирт [Там же, S. 549].

Во-вторых, представители правосудия обратили внимание на свидетельские показания, согласно которым каратель в кожаном плаще говорил по-русски. Ф. Вирт утверждал, что не владеет русским языком [Там же, S. 549]. Тот факт, что на русском языке говорил переводчик Дык, присяжные проигнорировали.

В-третьих, судьи указывали на то, что, по словам белорусских сельчан, расстрелы евреев проводились в мае. Но сам обвиняемый говорил, что экзекуции были организованы в период оттепели. Как было установлено в ходе следствия, в 1942 году оттепель наблюдалась в апреле [14, S. 547].

В-четвертых, служители Фемиды отметили, что место преступления в Обчуге действительно имело сходство с местностью, описанной подсудимым. Однако далее судьи заключили: сосновые леса с возвышенностями и оврагами являлись типичным ландшафтом для Белоруссии [Там же].

В-пятых, члены суда допустили, что расстрелы в Обчуге и Ухвале могли быть совершены членами айнзатцкоманды 9, штаб которой располагался в Витебске. Один из бывших членов данной айнзатцкоманды, выступавший на процессе в качестве свидетеля, подтвердил, что ему были известны случаи, когда каратели из Витебска организовывали экзекуции на территории, подконтрольной подразделению В. Деринга. В частности, свидетель Ка. заявил, что именно айнзатцкоманда 9 провела массовые расстрелы евреев в Березино и Червене 31 января — 1 февраля 1942 года [14, S. 547]. Нужно отметить, что показания Ка. не соответствовали действительности. Как указал в своем исследовании Х. Герлах, вышеуказанные экзекуции были проведены одним из подразделений айнзатцкоманды 8 (вероятнее всего, это была группа В. Деринга): в Березино каратели расстреляли 962 еврея, в Червене — 1342 [18, S. 684].

В-шестых, судьи предположили, что организаторами расстрелов в Обчуге и Ухвале могли быть подразделения полевой жандармерии или охранной полиции (так называемые шупо). На процессе выступал бывший служащий местной комендатуры г. Крупки Кре. Последний утверждал, что весной и летом 1942 года полевая жандармерия неоднократно проводила расстрелы евреев в окрестностях Крупок. Также свидетель Бра., унтер-офицер одной из санитарных частей вермахта, заявил, что весной 1942 года он являлся очевидцем расстрела 25 евреев в лесном массиве на северо-востоке от Крупок. По словам Бра., расстрел проводили служащие охранной полиции [14, S. 548].

В-седьмых, опираясь на показания В. Деринга и других свидетелей из числа бывших членов айнзатцкоманды 8, судьи отметили, что подразделение Деринга при проведении акций уничтожения никогда не разделяло жертв по половому признаку, мужчин и женщин преступники расстреливали в общей могиле. Кроме того, суд усомнился в том, что для реализации таких масштабных экзекуций В. Деринг направил только трех карателей. По словам свидетелей, обычно в массовых расстрелах принимали участие все члены подразделения [Там же, S. 550]. Однако, как видно из материалов дела, Ф. Вирт не испытывал недостатка в помощниках: в преступлениях были задействованы военнослужащие вермахта и местные полицаи.

Анализ свидетельских показаний позволяет сделать следующий вывод. Информация, представленная суду гражданами БССР, в целом подтверждала причастность Ф. Вирта к расстрелам в Обчуге и Ухвале. В свою очередь, немецкие свидетели говорили об обратном. Подобная ситуация являлась типичной

для процессов против нацистских преступников, свидетели из числа сослуживцев обвиняемого, как правило, стремились поддержать своего товарища (см., например, [3, с. 73–74]). В итоге судьи решили ориентироваться на показания самого подсудимого. Члены суда подчеркнули, что у них «не было оснований не доверять» Ф. Вирту: если бы обвиняемый был причастен к преступлениям в Обчуге и Ухвале, то он рассказал бы об этом суду [14, S. 550]. Таким образом, подсудимый был признан виновным в пособничестве убийствам 40 еврейских жителей двух неизвестных деревень в Крупском районе [Там же, S. 563].

Судьи не приняли во внимание тот факт, что Ф. Вирт существенным образом изменил свои показания. Как отмечалось выше, на Боннском процессе по делу В. Деринга преступник заявлял, что от командира подразделения ему поступил приказ выяснить, доступна ли в условиях оттепели дорога к двум сельским населенным пунктам. По словам Вирта, каратели совершили расстрелы по собственной инициативе, чтобы исключить необходимость повторного приезда в деревни [13, S. 714]. Фактически своими показаниями Ф. Вирт снимал ответственность с бывшего командира.

Однако, оказавшись под следствием, Вирт осознал, что его показания будут интерпретированы судом как эксцесс исполнителя: обвиняемый совершил деяние, не охваченное умыслом приказодателя. В соответствии с немецким уголовным законодательством лицо, которое совершило преступление по собственной воле и при этом преследовало личный интерес, признавалось исполнителем преступления [22, S. 638]. Для исполнителя тяжкого убийства Уголовный кодекс ФРГ предусматривал пожизненный срок лишения свободы [1, с. 16–17]. В таких условиях обвиняемый заявил, что от В. Деринга он получил приказ расстрелять еврейских жителей двух деревень. При этом Ф. Вирт подчеркивал, что приказ командира подразделения был обусловлен волей высшего руководства Третьего рейха и айнзатцкоманда 8 реализовывала планы фюрера «по окончательному решению еврейского вопроса» [14, S. 536–539, 552–555, 559].

Как ни странно, судьи не задались вопросом, чем была вызвана смена показаний подсудимого. Суд пришел к выводу, что обвиняемый являлся не исполнителем, а лишь пособником вменяемых ему преступлений: при проведении расстрелов еврейского населения Ф. Вирт не преследовал личных целей, он лишь выполнял приказ начальства [Там же, S. 563]. Далее члены суда заключили: для подсудимого приказы фюрера имели «священный характер», за годы службы в вермахте, полиции и гестапо обвиняемый был приучен к «безукоризненной покорности», в своих действиях преступник руководствовался «чувством долга», он не мог и помыслить о возможности отказа от выполнения приказов Гитлера [Там же, S. 559–560]

В данном случае судьи опирались на концепцию известного немецкого историка Ганса Бухгейма. Последний являлся одним из соавторов знаменитого двухтомника «Анатомия государства СС» [12]. В 1963–1965 годах Г. Бухгейм был задействован в качестве эксперта на Франкфуртском процессе против

преступников лагеря смерти Аушвиц [23]. В своих экспертных заключениях ученый обращал внимание на специфику восприятия членами СС приказов А. Гитлера. Историк считал, что власть фюрера над структурами СС базировалась не на нормах позитивного права, а на «добровольном идеологическом консенсусе», подразумевавшем «безукоризненную покорность» эсэсовцев. Соответственно, приказы Гитлера, отданные членам айнзатцкоманд, персоналу концентрационных лагерей и лагерей смерти, носили «мировоззренческий» характер: их легитимность обусловливалась не нормами национального законодательства, а «законами истории». По словам Г. Бухгейма, членам СС было присуще «временное неправовое сознание», они осознанно и добровольно выполняли преступные приказы «во имя реализации священной цели» — «служения фюреру, нации и Рейху» [10, S. 471–474]. Исходя из этого, представители правосудия ФРГ отмечали, что приверженность идеологии националсоциализма свидетельствовала об «идеологическим помутнении сознания» преступника и признавалась обстоятельством, смягчающим вину подсудимого [17, S. 328–406; 20].

Концепция Г. Бухгейма получила свое развитие в трудах ученого-криминалиста Эрнста-Вальтера Ханака. Правовед предлагал немецким судьям отделять нацистских преступников от общей массы «нормальных уголовников». Основаниями для такого разграничения Э.-В. Ханак называл «особые социально-психологические причины», которые вынуждали бывших нацистов совершать свои злодеяния. По мнению автора, преступники, которые были вынуждены выполнять приказы фюрера, заслуживали назначения наказания ниже низшего предела [10, S. 480; 19, S. 59–61].

Суд присяжных в Ганновере последовал логике Г. Бухгейма и Э.-В. Ханака: подсудимому Ф. Вирту было назначено наказание ниже низшего предела. В соответствии с уголовным законодательством ФРГ за пособничество тяжкому убийству предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок не менее 3 лет [2, с. 275]. Ф. Вирт был приговорен к 2 годам лишения свободы [14, S. 565]. Стоит отметить, что приговор Вирту не являлся досадным исключением. По подсчетам Б. Немер, из 97 бывших членов айнзатцкоманд, представших пред судом в ФРГ в 1960–1970-е годы, 72 преступника (около 70 %) получили от 1 до 5 лет лишения свободы [22, S. 646–647].

Текст судебного приговора был наполнен сочувственными сентенциями по отношению к Ф. Вирту. Судьи отмечали, что до войны и после ее окончания обвиняемый вел законопослушный образ жизни, лишь общественно-политические условия, в которых оказался Вирт, привели к тому, что подсудимый «был вынужден» пойти на совершение преступлений, у него не было «ни сил, ни смелости», для того чтобы отказаться от выполнения приказов начальства. Присяжные высказали уверенность, что 67-летний тяжелобольной пенсионер, который проживал в скромных условиях со своей больной супругой, не представлял угрозы для немецкого общества, он был «глубоко подавлен», «стремился к покою» и «желал разобраться со своим прошлым» [14, S. 565]. Члены

суда отметили, что число жертв преступлений Ф. Вирта (40 евреев) не должно повлиять на меру наказания, так как количество расстрелянных «не зависело от воли подсудимого» [Там же, S. 564].

Выводы

Судебный процесс в Ганновере продемонстрировал сложности расследования правоохранительными органами ФРГ нацистских преступлений, совершенных на территории бывшего Советского Союза. В ходе судебного разбирательства так и не удалось до конца выяснить, принимал ли участие подсудимый Ф. Вирт в массовых расстрелах еврейского населения в деревнях Обчуга и Ухвала.

Свидетели из числа сослуживцев обвиняемого стремились оправдать своего товарища. Показания же белорусских свидетелей позволяли сделать вывод о причастности Ф. Вирта к экзекуциям в вышеупомянутых населенных пунктах. Однако к свидетельствам граждан Советского Союза немецкие суды относились скептически. Представители правосудия ФРГ считали, что свидетели из стран социалистического лагеря являлись идеологически заангажированными людьми, а сказанное ими было продиктовано кураторами из советских спецслужб [5, с. 150–151]. Сам же обвиняемый неоднократно менял свои показания, и данный факт свидетельствует о том, что Ф. Вирт не был заинтересован в установлении правды.

Однако с полной уверенностью можно утверждать, что Ф. Вирт был напрямую причастен к организации Холокоста в Крупском районе. По вине преступника были убиты по меньшей мере 40 ни в чем не повинных еврейских женщин, мужчин, стариков и детей. Более того, в ходе следствия по делу Ф. Вирта было выяснено, что преступник, находившийся в составе айнзатцкоманды 8 почти 2 года, был причастен к двум расстрелам евреев в Минске и как минимум к одной экзекуции в Борисове [14, S. 542]. Однако по непонятным причинам данные факты так и не вошли в обвинительное заключение.

В итоге суд присяжных в Ганновере, опираясь на концептуальные подходы немецких ученых, призванные минимизировать наказания для нацистских преступников, приговорил бывшего карателя к 2 годам тюрьмы. В тексте судебного приговора Ф. Вирт предстал жертвой гитлеровского режима. Судьи выражали сочувствие тяжелобольному пенсионеру, который «волей судьбы» был вынужден выполнять преступные приказы фюрера. Подобного сочувствия к жертвам преступлений Ф. Вирта служители немецкой Фемиды не выразили. Судебный процесс не оправдал надежд родственников и односельчан расстрелянных евреев. Выводы суда о преступных деяниях подсудимого демонстрировали пренебрежение к памяти о жертвах Холокоста, указывали на то, что органы немецкого правосудия в 1960–1970-е годы не были заинтересованы в восстановлении справедливости и наказании нацистских преступников.

Литература

- 1. Аистов Л. С., Краев Д. Ю. Уголовное право зарубежных стран. СПб.: СПЮИ (ф-л) Академии Ген. прокуратуры РФ, 2013. 132 с.
- 2. Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие: преступления против человечества. М.: Юрид. лит., 1986. 400 с.
- 3. Грахоцкий А. П. Место преступления деревня Круча: правосудие ФРГ, «незапятнанный» вермахт и Холокост // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 2. С. 64–79.
- 4. Грахоцкий А. П. Процесс против Вильгельма Деринга: «общественный интерес» и расстрел душевнобольных детей в Шумячах // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 1. С. 11–22.
- 5. Грахоцкий А. П. Франкфуртский процесс (1963–1965 гг.) и преодоление прошлого в Германии // Lex Russica. 2019. № 3. С. 146–158.
- 6. Скумс А. Время тяжелейших испытаний // Мое местечко: проект «Голоса еврейских местечек. Минская область». URL: http://shtetle.com/shtetls_minsk/obchuga/obchuga.html (дата обращения: 10.09.2021).
- 7. Смиловицкий Л. По следам еврейских кладбищ Беларуси. Бобр // Журнал-газета «Мастерская». URL: https://club.berkovich-zametki.com/?p=47772 (дата обращения: 07.07.2021).
- 8. Шульман А. В Ухвале должен быть памятник // Мое местечко: проект «Голоса еврейских местечек. Минская область». URL: http://shtetle.com/shtetls_minsk/uhvaly/uhvaly.html (дата обращения: 11.05.2021).
- 9. Andreadis-Papadimitriou P. Assistance in Mass Murder under Systems of Ill-treatment. The Case of Oskar Gröning // Journal of International Criminal Justice. 2017. Vol. 15, iss. 1. P. 157–174.
- 10. Beeker M. «Führerbefehl» und «suspendiertes Unrechtsbewusstsein»? Das zeitgeschichtliche Gutachten Hans Buchheims im Auschwitz-Prozess und seine strafrechtswissenschaftliche Rezeption // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2016. Vol. 64, iss. 5. S. 464–483.
- 11. Beorn W. W. Genocide in a Small Place: Wehrmacht Complicity in Killing the Jews of Krupki, 1941 // Holocaust Studies. A Journal of Culture and History. 2010. Vol. 16, iss. 1–2. P. 97–128.
- 12. Buchheim H. Anatomie des SS-Staates. Band I. Die SS Das Herrschaftsinstrument. Befehl und Gehorsam. Olten: Walter-Verlag, 1965. 390 S.
- 13. Das Urteil des Landgerichts Bonn vom 19.02.1964, 8 Ks 2/62 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. 1945–1966. Band XIX. Amsterdam, 1978. № 564. S. 704–727.
- 14. Das Urteil des Landgerichts Hannover vom 01.04.1970, 2 Ks 2/68 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. 1945–1999. Band XXXIII. Amsterdam, 2004. № 727. S. 533–566.
- 15. Das Urteil des Landgerichts Köln vom 12.05.1964, 24 Ks 1/63 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. 1945–1966. Band XX. Amsterdam, 1979. № 573. S. 163–184.
- 16. Desbois P. The Holocaust by Bullets: A Priest's Journey to Uncover the Truth Behind the Murder of 1,5 Million Jews. New York: St. Martin's Griffin, 2008. 234 p.

- 17. Freudiger K. Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002. 444 S.
- 18. Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Ed., 1999. 1231 S.
- 19. Hanak E.-W. Zur Problematik der gerechten Bestrafung nationalsozialistischer Gewaltverbrecher. Tübingen: Mohr, 1967. 61 S.
- 20. Jäger H. Das Problem des Unrechtsbewusstseins // Rechtliche und politische Aspekte der NS-Verbrecherprozesse / Hg. P. Schneider, F. Bauer. Mainz: Johannes-Gutenberg-Univ., 1968. S. 50–61.
- 21. Jasch H.-Ch., Kaiser W. Der Holocaust vor deutschen Gerichten: Amnestieren, Verdrängen, Bestrafen. Ditzingen: Reclam, 2017. 263 S.
- 22. Nehmer B. Die Täter als Gehilfen? Zur Ahndung von Einsatzgruppenverbrechen // Die juristische Aufarbeitung des Unrechts-Staats / Hg. T. Blanke. Baden-Baden: Nomos-Verl.-Ges., 1998. S. 635–668.
- 23. Pendas D. O. Der Auschwitz-Prozess. Völkermord vor Gericht. München: Siedler Verlag, 2013. 431 S.
- 24. Reus A. «Holocaust by bullets» The German organization of mass murder in Belarus, 1941–1944 // Occupation, Annihilation, Forced Labour: Papers from the 20th Workshop on the History and Memory of National Socialist Concentration Camps / ed. by Frédéric Bonnesoeur. Berlin: Metropol, 2017. P. 22–55.
- 25. Ullrich Ch. «Ich fühl' mich nicht als Mörder»: die Integration von NS-Tätern in die Nachkriegsgesellschaft. Darmstadt: WBG, 2011. 354 S.

Literatura

- 1. Aistov L. S., Kraev D. Yu. Ugolovnoe pravo zarubezhny'x stran. SPb.: SPYuI (f-l) Akademii Gen. prokuratury' RF, 2013. 132 s.
- 2. Alekseev N. S. Zlodeyaniya i vozmezdie: prestupleniya protiv chelovechestva. M.: Yurid. lit., 1986. 400 s.
- 3. Graxoczkij A. P. Mesto prestupleniya derevnya Krucha: pravosudie FRG, «nezapyatnanny`j» vermaxt i Xolokost // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2020. № 2. S. 64–79.
- 4. Graxoczkij A. P. Process protiv Vil`gel`ma Deringa: «obshhestvenny`j interes» i rasstrel dushevnobol`ny`x detej v Shumyachax // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2021. № 1. S. 11–22.
- 5. Graxoczkij A. P. Frankfurtskij process (1963–1965 gg.) i preodolenie proshlogo v Germanii // Lex Russica. 2019. № 3. S. 146–158.
- 6. Skums A. Vremya tyazhelejshix ispy`tanij // Moe mestechko: proekt «Golosa evrejskix mestechek. Minskaya oblast`». URL: http://shtetle.com/shtetls_minsk/obchuga/obchuga.html (data obrashheniya: 10.09.2021).
- 7. Smiloviczkij L. Po sledam evrejskix kladbishh Belarusi. Bobr // Zhurnal-gazeta «Masterskaya». URL: https://club.berkovich-zametki.com/?p=47772 (data obrashheniya: 07.07.2021).
- 8. Shul`man A. V Uxvale dolzhen by`t` pamyatnik // Moe mestechko: proekt «Golosa evrejskix mestechek. Minskaya oblast`». URL: http://shtetle.com/shtetls_minsk/uhvaly/uhvaly.html (data obrashheniya: 11.05.2021).

- 9. Andreadis-Papadimitriou P. Assistance in Mass Murder under Systems of Ill-treatment. The Case of Oskar Gröning // Journal of International Criminal Justice. 2017. Vol. 15, iss. 1. P. 157–174.
- 10. Beeker M. «Führerbefehl» und «suspendiertes Unrechtsbewusstsein»? Das zeitgeschichtliche Gutachten Hans Buchheims im Auschwitz-Prozess und seine strafrechtswissenschaftliche Rezeption // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2016. Vol. 64, iss. 5. S. 464–483.
- 11. Beorn W. W. Genocide in a Small Place: Wehrmacht Complicity in Killing the Jews of Krupki, 1941 // Holocaust Studies. A Journal of Culture and History. 2010. Vol. 16, iss. 1–2. P. 97–128.
- 12. Buchheim H. Anatomie des SS-Staates. Band I. Die SS Das Herrschaftsinstrument. Befehl und Gehorsam. Olten: Walter-Verlag, 1965. 390 S.
- 13. Das Urteil des Landgerichts Bonn vom 19.02.1964, 8 Ks 2/62 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. 1945–1966. Band XIX. Amsterdam, 1978. № 564. S. 704–727.
- 14. Das Urteil des Landgerichts Hannover vom 01.04.1970, 2 Ks 2/68 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. 1945–1999. Band XXXIII. Amsterdam, 2004. № 727. S. 533–566.
- 15. Das Urteil des Landgerichts Köln vom 12.05.1964, 24 Ks 1/63 // Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen. 1945–1966. Band XX. Amsterdam, 1979. № 573. S. 163–184.
- 16. Desbois P. The Holocaust by Bullets: A Priest's Journey to Uncover the Truth Behind the Murder of 1,5 Million Jews. New York: St. Martin's Griffin, 2008. 234 p.
- 17. Freudiger K. Die juristische Aufarbeitung von NS-Verbrechen. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002. 444 S.
- 18. Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrussland 1941 bis 1944. Hamburg: Hamburger Ed., 1999. 1231 S.
- 19. Hanak E.-W. Zur Problematik der gerechten Bestrafung nationalsozialistischer Gewaltverbrecher. Tübingen: Mohr, 1967. 61 S.
- 20. Jäger H. Das Problem des Unrechtsbewusstseins // Rechtliche und politische Aspekte der NS-Verbrecherprozesse / Hg. P. Schneider, F. Bauer. Mainz: Johannes-Gutenberg-Univ., 1968. S. 50–61.
- 21. Jasch H.-Ch., Kaiser W. Der Holocaust vor deutschen Gerichten: Amnestieren, Verdrängen, Bestrafen. Ditzingen: Reclam, 2017. 263 S.
- 22. Nehmer B. Die Täter als Gehilfen? Zur Ahndung von Einsatzgruppenverbrechen // Die juristische Aufarbeitung des Unrechts-Staats / Hg. T. Blanke. Baden-Baden: Nomos-Verl.-Ges., 1998. S. 635–668.
- 23. Pendas D. O. Der Auschwitz-Prozess. Völkermord vor Gericht. München: Siedler Verlag, 2013. 431 S.
- 24. Reus A. «Holocaust by bullets» The German organization of mass murder in Belarus, 1941–1944 // Occupation, Annihilation, Forced Labour: Papers from the 20th Workshop on the History and Memory of National Socialist Concentration Camps / ed. by Frédéric Bonnesoeur. Berlin: Metropol, 2017. P. 22–55.
- 25. Ullrich Ch. «Ich fühl' mich nicht als Mörder»: die Integration von NS-Tätern in die Nachkriegsgesellschaft. Darmstadt: WBG, 2011. 354 S.

A. P. Grahotsky

MYSTERIES OF THE HANNOVER TRIAL: DEFENDANT FRANZ WIRTH AND THE EXECUTION OF JEWS IN KRUPOK DISTRICT

Abstract. The article discusses the attempt of law enforcement agencies of Germany to investigate the crimes committed by the Nazis in 1942 in the Belarusian villages of Obchuga and Ukhvala, Krupsky district, Minsk region. Franz Wirth, a former member of Einsatzkommando 8, was detained in 1964 in connection with the organization of the execution of the Jewish population of these villages. Using the case of F. Wirth as an example, the author set a goal, using the historical method, to reveal the specifics of West German trials against criminals who committed their atrocities in the territory of the USSR. Based on the conceptual approaches of German scientists, designed to minimize punishment for Nazi criminals, a jury in Hannover sentenced the former punisher to 2 years in prison. The conclusions of the court on the criminal acts of F. Wirth demonstrated disregard for the memory of the victims of the Holocaust, indicated that the German justice authorities were not interested in restoring justice and punishing Nazi criminals.

Keywords: trial; investigation; Nazi criminals; Franz Wirth, punishment.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2022; одобрена после рецензирования: 30.01.2022;

принята к публикации: 15.02.2022.

The article was submitted: 15.01.2022: approved after reviewing: 30.01.2022; accepted for publication: 15.02.2022.

УДК 34.047

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.46.2.02

А. А. Дорская

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: adorskaya@yandex.ru

А. Ю. Дорский

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация E-mail: dorski@yandex.ru

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРАВЕ: ПОНЯТИЕ, ПРИЧИНЫ, ВИДЫ И ПРИЗНАКИ

Анномация. В статье проводится теоретико-правовой анализ междисциплинарного понятия «кризис в праве». Данная тема стала предметом изучения еще в XIX веке, однако на современном этапе произошла ее актуализация в силу повышения интенсивности и темпа всех государственных и общественных процессов, приобретения правом значения универсального социального регулятора, усиления роли международного фактора и других факторов.

Целью исследования является комплексная характеристика кризиса в правовой сфере с опорой на достижения теоретико-правовой, отраслевой и международно-правовой наук. В соответствии с целью в статье поставлены следующие задачи: раскрыть понятие кризиса в правовой сфере; провести сравнительный анализ российских и зарубежных исследований о правовых кризисах; рассмотреть причины кризисов в праве; классифицировать кризисы в правовой сфере; выявить признаки, по которым можно судить о нарастании кризисных явлений в праве.

В результате исследований предложено авторское определение кризиса права как такого ограниченного во времени состояния правовой системы, при котором право не может регулировать значимый комплекс общественных отношений в силу того, что приоритетными являются другие социальные регуляторы или оно имеет целью сохранение устаревшего социально-экономического уклада; определены внешние и внутренние причины кризисов; разработаны классификации кризисов в праве и выделены признаки, позволяющие на ранних этапах выявлять кризисные явления в праве.

Ключевые слова: кризисные явления в праве; признаки кризиса права; кризис международного права; причины кризиса права; виды кризисов в праве; кризис правовой идеологии; кризис институтов права.

Благодарности: часть исследования, выполненная А. А. Дорской, подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта 22-28-01346 «Переживание истории как фактор самоидентификации государств и народов в XXI веке: правовое измерение».

Введение

ема кризисов представляет значительный интерес для теоретико-правовой науки, поскольку конец XX и начало XXI века сопровождаются различными катаклизмами, кризисами и переходными периодами. Правовые кризисы тесно связаны с кризисами государственности, когда государство теряет свое системообразующее место в политической системе общества и нити взаимодействия с населением.

Кризисы в правовой сфере могут оказывать как разрушительное воздействие на государство и общество, приводящее к революциям, государственным переворотам, радикальной смене власти, так и созидательное — способствовать реформированию, постепенному улучшению государственной и общественной жизни. Именно поэтому фиксация проявления признаков кризиса имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

Научное осмысление кризисных явлений в правовой сфере необходимо, поскольку многие кризисы имеют одинаковые причины, признаки и даже пути преодоления.

Применение кризисной теории способно расширить наши знания в области различных видов и форм юридической ответственности, принятия превентивных мер для недопущения разбалансировки государственных и правовых институтов, осознания причин их неудовлетворительного состояния, выявления амплитуды и масштабов кризисных волн, цикличности в государственноправовом развитии.

Степень научной разработанности темы

Кризисные явления в праве стали предметом юридических исследований с XIX века. Причем практически сразу обозначились различия в подходах специалистов в области внутригосударственного права, для которых данная тематика, как правило, становилась актуальной в переходные эпохи, и международников, постоянно обсуждающих вопрос о кризисе международно-правовой системы.

Сравнительный анализ российских и зарубежных исследований показывает, что кризисная тематика в юриспруденции является универсальной: юристов разных стран волнуют одни и те же проблемы и ими разрабатываются похожие теоретико-правовые конструкции.

В 2018 году в Воронеже прошла конференция, непосредственно посвященная кризису права, по итогам которой была подготовлена коллективная монография. Как справедливо отмечают ее авторы, интерес к изучению кризисных явлений не ослабевает и в российской юридической науке наблюдаются три основные позиции: либо декларируется преодоление кризиса (сторонники авторитарной конструкции государства), либо кризис «диагностируется»

и предлагаются различные пути выхода из него (романтическое направление), либо обосновывается перманентность кризисного состояния и выявляются его закономерности (реалистическое направление) [2, с. 7].

В настоящее время можно выделить следующие основные направления изучения кризисных явлений в праве: выявление причин таких кризисов [10]; соотношение кризисов в праве с кризисными явлениями в других областях [1; 17]; определение терминологии описания кризисных явлений в правовой сфере [13, с. 329, 335–337]; выделение стадий прохождения кризиса [8, с. 14]; рассмотрение особенностей проявления кризисных явлений в правотворчестве и правоприменении [14, с. 33]; исследование кризисных явлений в отдельных отраслях национального права [15, с. 330–352; 19, р. 714], правовой идеологии [21], международном [11, с. 212; 16] и наднациональном праве [20]; выявление путей преодоления кризисных явлений в праве [4].

Методы

В статье при помощи хронологического метода установлено изменение содержания понятия «кризис в праве». Дескриптивный метод позволил описать причины возникновения и развития кризисных явлений в правовой сфере. Формально-юридический метод был применен при анализе содержания нормативно-правовых актов разных эпох. Сравнительно-правовой метод использовался для того, чтобы выявить общие черты и особенности направлений исследований правовых кризисов. Вывод об оптимальном определении кризиса в праве сделан на основе метода правового моделирования.

Основная часть

Слово «кризис» происходит от древнегреческого крібі, означающего «решение», «поворотный пункт». Несмотря на то что кризисные явления в праве изучаются с различных точек зрения, не так много исследований содержат определение кризиса в праве.

Ряд интересных дефиниций предложили юристы накануне Первой мировой войны. Так, для Г. Еллинека в начале XX века кризис в праве представлял собой борьбу нового права со старым [7, с. 22]. П. И. Новгородцев рассматривал как кризис вызванное конкретными причинами несоответствие между правовыми нормами и потребностями общественной жизни, между должным и действительным [12, с. 22]. И. А. Ильин определял кризис в правовой сфере как конфликт между естественным и положительным правом, который разрешается в правотворчестве [9].

Характеристика кризисных явлений в праве невозможна без произведений известного американского исследователя истории и философии права

Г. Дж. Бермана, считавшего, что западная традиция права находится в состоянии глубокого кризиса, который начал развиваться еще в X веке [3].

На современном этапе по-прежнему отсутствуют общие подходы в определении понятия «кризис права». Н. А. Власенко раскрывает данную категорию как тенденции негативного характера, накапливающиеся и в силу этого представляющие опасность уничтожения регулятивных свойств как основного качества права [5, с. 43–54]. М. В. Игнатьева рассматривает кризис как ситуацию, при которой существующие правила поведения становятся невозможными к осуществлению и наблюдаются противоречия между нормами различных отраслей права, конфликт ценностей, снижение эффективности правового регулирования общественных отношений и защиты прав граждан, недоверие общества и отсутствие желания применения права для защиты своих интересов [8, с. 13]. Для Л. Хендерсона кризис — это непосредственная угроза, требующая принятия неотложных мер [18].

Причины кризисных явлений в праве могут быть самыми разными. Как правило, их делят на внешние (развитие глобализации, способствующей постоянному росту взаимодействия стран в различных областях, снижению роли государства в правовом регулировании) и внутренние (периодическое проведение реформ в различных сферах государственной жизни, изменения в системе государственных органов, отсутствие общей стабильности и уверенности общества в действенности права).

Интересно, что И. Л. Честнов, характеризуя кризисы права, отмечает, что причинами этого могут стать смена представлений о праве, трансформация методологии его восприятия и исследования [2, с. 161]. Таким образом, научное осмысление тоже может стать основой для развития кризисных явлений в праве.

Для понимания кризисов в правовой сфере важными являются попытки классификации кризисов на основании различных критериев.

Во-первых, выделяются кризисы международно-правовой системы, для которой подобное состояние является чуть ли не постоянным, и кризисы национальных правовых систем, имеющие признаки цикличности, случающиеся периодически.

Во-вторых, могут быть общеправовые кризисы, причинами которых являются отсутствие или нарушение принципов права, соответствующих определенному этапу общественного развития, отраслевые кризисы и кризисы отдельных институтов права.

В-третьих, в связи с неразрывностью государственного и правового развития различаются кризисы права, возникшие вследствие кризиса государственной системы, и правовые кризисы, ставшие причиной серьезных государственных изменений или даже слома всей государственной машины. Например, современные государства благодаря процессу глобализации постепенно теряют свои традиционные функции, такие как обеспечение правопорядка, защита населения от внешней угрозы и т. д.

В-четвертых, современные исследователи отмечают методологические кризисы в юридической науке и кризисы в системе правового регулирования.

В-пятых, кризисы можно разделить на временные и постоянные. Временные кризисы права могут быть вызваны субъективными причинами. Например, подготовленный в конце XIX века проект Уголовного уложения восемь лет лежал без подписи императора и только в 1903 году вступили в силу главы о преступлениях против государства. Конечно, это сказалось на состоянии уголовного права в Российской империи. Постоянные кризисы характерны для нестабильных государственно-правовых систем, когда проявления кризиса права приобретают черты обыденности.

О существовании кризиса в праве можно судить по разным симптомам.

Одним из важных признаков можно считать серьезное расхождение юридической теории и практики. Так, современную российскую ситуацию исследователи оценивают как сочетание нормативизма и правового позитивизма, либертарно-юридической, диалогических, коммуникативных, конструктивистских и синтетических теорий права при господстве позитивистского подхода в отраслевых науках [6, с. 13].

Устаревшие правовые нормы тоже могут стать признаком кризисных явлений в праве, когда их доля приобретает критический характер. Это происходит из-за того, что они не отражают реальный уровень общественных отношений, поэтому постепенно может нарастать кризис внутригосударственной системы права. Периодическое применение «регуляторной гильотины» может значительно снизить отрицательные последствия такого процесса.

Еще одним индикатором является ситуация, когда идеологические установки, религиозные, корпоративные, моральные или другие нормы становятся основными социальными регуляторами, вытесняя правовые нормы. Как правило, это происходит либо после революционных событий (например, в РСФСР вплоть до принятия Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года действовал принцип революционной законности), либо в условиях усиления религиозного фактора в жизни общества, претерпевающего существенную транформацию в период широкомасштабных реформ (окончание советской эпохи, когда наступило всеобщее разочарование достигнутыми результатами), либо во время постепенного распада государства (общество теряет веру в существующую государственно-правовую систему).

Однако симптомом кризиса может быть и обратная ситуация, когда начинаются попытки решения нравственных проблем с помощью права. Это снижает доверие к праву и способствует росту правового нигилизма [9, с. 23]. Так, не вполне понятными являются попытки расширить теорию «поколений прав человека», предложенную в 1970-е годы французским исследователем чешского происхождения Карелом Васаком, путем включения пятого поколения — духовно-нравственных прав.

 $^{^1}$ Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

Отсутствие систематизации нормативных правовых актов тоже является признаком кризисных явлений в праве. Именно поэтому вслед за М. М. Сперанским к различным видам систематизационных работ, прежде всего кодификации, обращались большевики и в 1920-е, и в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Не стала исключением и современная российская правовая система.

Близким к предыдущему будет и такой признак кризиса в праве, как его заурегулированность. При описании данного явления специалисты используют разные термины: «правовой бум», «правовое наводнение», «правовой взрыв», «юридификация» [2, с. 87]. Это случай, когда правовой массив оказывается настолько велик, что его не способны освоить даже специалисты. В результате наступает фрагментация правовой жизни. В таких условиях юридическая профессия становится узкопрофильной. Заурегулированность очень часто приводит или к размыванию принципов права, или даже к их забвению, так как в обширном нормативно-правовом массиве уже трудно определить базовые установки.

Характерным признаком кризисных явлений в правовой сфере будет ситуация, когда законотворческая деятельность тормозится отсутствием согласованных действий палат парламента, то есть законопроекты, принятые нижней палатой, не получают одобрения в верхней палате или не получают санкции главы государства. В российской истории есть такой яркий пример. Депутаты Государственной думы III созыва (1907–1912), избрав тактику «бережения Думы», боролись за каждый проект закона, иногда работая даже в выходные, однако большая часть законопроектов в итоге так и не стала законами из-за позиции Государственного совета или императора. В результате депутатский порыв сменился у парламентариев IV Государственной думы, которые уже не верили в успех законодательного решения многих насущных вопросов российской жизни, прохладным отношением ко многим новым проектам.

К безусловным признакам кризиса права относится невозможность противостоять правовыми средствами революциям, государственным переворотам и другим радикальным способам смены государственной власти. Роль права как универсального социального регулятора состоит в предотвращении и снятии общественного напряжения, примирении различных социальных групп, создании условий для их солидаризации. Если этого не происходит, значит, существующий правовой барьер не срабатывает, нужно принимать новые правовые нормы и создавать другие, более действенные механизмы их реализации.

Индикатором кризиса в правовой сфере можно считать также правовое отчуждение, то есть отчуждение граждан от правовых институтов [2, с. 103]. В этом случае право представляет для граждан «чуждую» реальность. Прежде всего это происходит в многонациональных и многоконфессиональных государствах, если отдельные категории населения считают, что их культурные особенности не учитываются, и живут они в соответствии со своими нормами обычного права и (или) религиозными канонами.

К признакам кризиса права нужно отнести и правовой нигилизм, равнодушие к праву, игнорирование существующих правовых норм. Например,

неэффективность правовых мер противодействия коррупции в России связывается многими исследователями с тем, что на протяжении веков данное преступление не вызывало общественного осуждения, воспринималось как само собой разумеющееся. Вспоминалась даже древнерусская система кормлений, проводились аналогии.

Неоправданное применение правовых норм, характерных для чрезвычайных обстоятельств, тоже признак кризиса в праве. Например, вынесение смертного приговора на основании Постановления Президиума Верховного Совета СССР № 2234 от 17 февраля 1964 года несовершеннолетнему А. Нейланду за совершение двойного убийства до сих пор приводится как пример обратной силы закона, который противоречит даже римским максимам, а не только принципам права XX века.

Еще одним признаком правового кризиса является введение новых юридических конструкций, которые не только не прошли соответствующую апробацию, но и противоречат предыдущему правовому опыту. Например, на протяжении веков Церковь боролась за то, чтобы браки были венчаными, поэтому всячески препятствовала сожительству. В 1926 году с принятием нового Кодекса о браке в Советском Союзе был начат эксперимент, уравнявший зарегистрированный брак и сожительство². Таким образом государство пыталось окончательно устранить религиозное влияние в регулировании брачно-семейных отношений. Однако постепенно советская власть стала отказываться от такого подхода, а в период Великой Отечественной войны данные нормы были изменены.

Недостаточная разработанность института юридической ответственности тоже является признаком кризиса в правовой сфере. Существует мнение, что именно данная причина позволяет говорить о перманентном кризисе международного права, поскольку полувековая разработка института международноправовой ответственности закончилась принятием 12 декабря 2001 года Генеральной Ассамблеей ООН резолюции, в которой только в качестве приложения содержится документ «Ответственность государств за международно-противоправные деяния»³. Он носит только рекомендательный характер.

Признаком кризисных явлений в праве современные исследователи считают также неравномерность развития институтов и норм материального и процессуального права и т. д. Именно поэтому, к примеру, в СССР Гражданский и Гражданский процессуальный кодексы, а также Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы принимались параллельно.

Еще одним индикатором кризиса в правовой сфере служит кризис юридического образования. Это может выражаться в снижении престижности юридической профессии, чрезвычайно большом или, наоборот, маленьком конкурсе

 $^{^2}$ Постановление ВЦИК от 19.11.1926. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

³ Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/rsiwa/rsiwa_r. pdf (дата обращения: 01.12.2021).

при поступлении на юридический факультет, оторванности теоретической и практической составляющих учебного процесса от реального положения дел, в результате чего выпускнику приходится не только осваивать самому азы профессии, но и, что еще хуже, переучиваться и т. д.

Заключение

В государственно-правовом развитии различных стран на протяжении веков наблюдается огромное количество кризисов. Выявление причин, классификации и определение признаков кризисных явлений в праве необходимо для того, чтобы, во-первых, правильно диагностировать состояние международной или национальной правовой системы и, во-вторых, подобрать адекватные пути преодоления кризисных явлений, если таковые наблюдаются.

Распознавание признаков кризиса наилучшим образом осуществляется посредством постоянной коммуникации государства и общества в правовой сфере в самых различных формах (возможность для избирателей внести проект закона в законодательный орган, мониторинг правоприменения, трансформация народных обычаев в правовые обычаи, сорегулирование, изучение правовой действительности с помощью социологических опросов и другие), которые вполне применимы не только в относительно мирные, стабильные периоды, но и при реформировании государственно-правовой системы и даже в условиях революций.

Большинство путей преодоления кризисных явлений в праве неоднократно апробировались, поэтому при определении причин и вида правового кризиса может подбираться известный соответствующий инструмент: либо широкомасштабная правовая реформа, либо систематизация законодательства, либо применение данных социологических исследований в процессе правотворчества, либо изучение собственного правового опыта и опыта других стран и т. д.

Создать идеальное определение кризиса в правовой сфере, которое бы являлось универсальным и соответствовало бы каждому кризисному явлению в любую эпоху, невозможно. Однако постоянно должна проводиться работа по определению причин, видов, признаков кризисов в праве. Под кризисом в праве можно понимать такое ограниченное во времени состояние правовой системы, при котором право не может регулировать значимый комплекс общественных отношений в силу того, что приоритетными являются другие социальные регуляторы, или оно имеет целью сохранение устаревшего социально-экономического уклада.

Литература

- 1. Алексеева Н. И. Трансформация ценностей в праве на современном этапе развития общества: поиск преодоления кризисных явлений // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 4 (44). С. 8–15.
- 2. Андреев Н. Ю. Кризис права: история и современность: монография / Н. Ю. Андреев [и др.]; под общ. ред. В. В. Денисенко, М. А. Беляева, Е. Н. Тонкова. СПб.: Алетейя, 2018. 514 с.
- 3. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ, 1994. 592 с.
- 4. Бочкарев С. В. Преодоление кризиса в праве посредством конституционно-правового регулирования (на примере Франции последней трети XIX века) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2020. № 3 (39). С. 8–13.
- 5. Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8 (200). С. 43–54.
- 6. Гриценко А. В. Кризис правосознания в ситуации концептуальной неопределенности в современном праве // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2014. № 1. С. 12–13.
- 7. Еллинек Г. Борьба старого права с новым (Der Kampf des alten mit dem neuen Recht). М.: Заратустра, 1908. 52 с.
- 8. Игнатьева М. В. Кризис в праве: основные проблемы и пути их решения // Черные дыры в Российском законодательстве. 2021. № 2. С. 13–15.
- 9. Ильин И. А. Теория права и государства / под ред. и с пред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 400 с.
- 10. Краснов Ю. К. Некоторые теоретические и практические аспекты кризиса права в современном мире // Право и управление. XXI век. 2016. № 3 (40). С. 21–28.
- 11. Мусаелян Л. А. Кризис международного права: цивилизационный и геополитические факторы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4 (26). С. 211–225.
- 12. Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1909. 408 с.
- 13. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография / отв. ред. Н. Н. Черногор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. 348 с.
- 14. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 3 (43). С. 31–39.
- 15. Семитко А. П. Кризис права, правовой культуры и прав человека? // Кризисы нашего времени как вызов обществу, культуре, человеку: мат-лы XXIII Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2021. С. 330–352.
- 16. Domingo R. The Crisis of International Law // Vanderbilt Journal of International Law. 2009. Vol. 42. № 5. P. 1543–1593. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm? abstract id=1748848 (дата обращения: 28.08.2021).

- 17. Glinavos I. A. Crisis Beyond Law, or a Crisis of Law? Reflections on the European Economic Crisis // European Journal of Law Reform. 2014. Issue 4. P. 679–691. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2407459 (дата обращения: 17.08.2021).
- 18. Henderson L. What It Means to Say "Crisis" in Politics and Law. March 5, 2014. URL: https://www.e-ir.info/2014/03/05/what-it-means-to-say-crisis-in-politics-and-law/ (дата обращения: 08.09.2021).
- 19. Levinson S., Balkin J. M. Constitutional crises // University of Pennsylvania Law Review. 2009. Vol. 157. № 3. P. 707–753. URL: https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=fss_papers) (дата обращения: 20.07.2021).
- 20. Menéndez A. J. The Crisis of Law and the European Crises: From the Social and Democratic Rechtsstaat to the Consolidating State of (Pseudo-) technocratic Governance // Journal of Law and Society. 2017. № 44 (1). Р. 56–78. URL: https://onlinelibrary. wiley.com/doi/epdf/10.1111/jols.12014 (дата обращения: 20.07.2021).
- 21. Nelken D. Is There a Crisis in Law and Legal Ideology? // Journal of Law and Society. 1982. Vol. 9. № 2. P. 323–338. URL: https://www.taylorfrancis.com/chapters/mono/10.4324/9781315261621-3/crisis-law-legal-ideology-david-nelken (дата обращения: 20.07.2021).

Literatura

- 1. Alekseeva N. I. Transformaciya cennostej v prave na sovremennom e`tape razvitiya obshhestva: poisk preodoleniya krizisny`x yavlenij // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 4 (44). C. 8–15.
- 2. Andreev N. Yu. Krizis prava: istoriya i sovremennost`: monografiya / N. Yu. Andreev [i dr.]; pod obshh. red. V. V. Denisenko, M. A. Belyaeva, E. N. Tonkova. SPb.: Aletejya, 2018. 514 s.
- 3. Berman G. Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: e`poxa formirovaniya. M.: Izd-vo MGU, 1994. 592 s.
- 4. Bochkarev S. V. Preodolenie krizisa v prave posredstvom konstitucionno-pravovogo regulirovaniya (na primere Francii poslednej treti XIX veka) // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2020. № 3 (39). S. 8–13.
- 5. Vlasenko N. A. Krizis prava: problemy` i podxody` k resheniyu // Zhurnal rossijskogo prava. 2013. № 8 (200). S. 43–54.
- 6. Gricenko A. V. Krizis pravosoznaniya v situacii konceptual`noj neopredelennosti v sovremennom prave // Vestnik Mezhdunarodnoj akademii nauk (Russkaya sekciya). 2014. № 1. S. 12–13.
- 7. Ellinek G. Bor'ba starogo prava s novy'm (Der Kampf des alten mit dem neuen Recht). M.: Zaratustra, 1908. 52 s.
- 8. Ignat'eva M. V. Krizis v prave: osnovny'e problemy' i puti ix resheniya // Cherny'e dy'ry' v Rossijskom zakonodatel'stve. 2021. № 2. S. 13–15.
- 9. Il'in I. A. Teoriya prava i gosudarstva / pod red. i s pred. V. A. Tomsinova. M.: Zerczalo, 2003. 400 s.
- 10. Krasnov Yu. K. Nekotory'e teoreticheskie i prakticheskie aspekty' krizisa prava v sovremennom mire // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2016. № 3 (40). S. 21–28.
- 11. Musaelyan L. A. Krizis mezhdunarodnogo prava: civilizacionny`j i geopoliticheskie faktory` // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2014. № 4 (26). S. 211–225.
- 12. Novgorodcev P. I. Krizis sovremennogo pravosoznaniya. M.: Tipo-litografiya tovarishhestva I. N. Kushnerev i Ko, 1909. 408 s.

- 13. Obshhee uchenie o pravovom poryadke: vosxozhdenie pravoporyadka: monografiya / otv. red. N. N. Chernogor. M.: Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M, 2019. 348 s.
- 14. Pashencev D. A. Osnovny'e napravleniya i osobennosti razvitiya zakonodatel'stva v usloviyax cifrovizacii i perexoda k novomu texnologicheskomu ukladu // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 3 (43). S. 31–39.
- 15. Semitko A. P. Krizis prava, pravovoj kul`tury` i prav cheloveka? // Krizisy` nashego vremeni kak vy`zov obshhestvu, kul`ture, cheloveku: mat-ly` XXIII Mezhdunarodnoj nauch-no-prakticheskoj konferencii. Ekaterinburg: Gumanitarny`j universitet, 2021. S. 330–352.
- 16. Domingo R. The Crisis of International Law // Vanderbilt Journal of International Law. 2009. Vol. 42. № 5. P. 1543–1593. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1748848 (data obrashheniya: 28.08.2021).
- 17. Glinavos I. A. Crisis Beyond Law, or a Crisis of Law? Reflections on the European Economic Crisis // European Journal of Law Reform. 2014. Issue 4. P. 679–691. URL: http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2407459 (data obrashheniya: 17.08.2021).
- 18. Henderson L. What It Means to Say "Crisis" in Politics and Law. March 5, 2014. URL: https://www.e-ir.info/2014/03/05/what-it-means-to-say-crisis-in-politics-and-law/(data obrashheniya: 08.09.2021).
- 19. Levinson S., Balkin J. M. Constitutional crises // University of Pennsylvania Law Review. 2009. Vol. 157. № 3. P. 707–753. URL: https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=fss papers) (data obrashheniya: 20.07.2021).
- 20. Menéndez A. J. The Crisis of Law and the European Crises: From the Social and Democratic Rechtsstaat to the Consolidating State of (Pseudo-) technocratic Governance // Journal of Law and Society. 2017. № 44 (1). P. 56–78. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/jols.12014 (data obrashheniya: 20.07.2021).
- 21. Nelken D. Is There a Crisis in Law and Legal Ideology? // Journal of Law and Society. 1982. Vol. 9. № 2. P. 323–338. URL: https://www.taylorfrancis.com/chapters/mono/10.4324/9781315261621-3/crisis-law-legal-ideology-david-nelken (data obrashheniya: 20.07.2021).

A. A. Dorskaya A. Yu. Dorsky

CRISIS PHENOMENA IN LAW: CONCEPT, CAUSES, TYPES AND SIGNS

Abstract. The article provides a theoretical and legal analysis of the interdisciplinary concept of «crisis in law». This topic became the subject of study in the 19th century, but at the present stage it has been updated due to an increase in the intensity and pace of all state and social processes, the acquisition of the value of a universal social regulator by law, strengthening the role of the international factor and other factors.

The aim of the study is a comprehensive characterization of the crisis in the legal sphere based on the achievements of theoretical and legal, sectoral and international legal science. In accordance with the goal, the following tasks are set in the article such as to reveal the concepts of a crisis in the legal sphere, to conduct a comparative analysis of Russian and foreign

studies on legal crises, to consider the causes of crises in law, to classify crises in the legal sphere, to identify signs by which one can judge the growth of crisis phenomena in law.

As a result of the work, the author's definition of the crisis of law is proposed such as a time-limited state of the legal system, in which law cannot regulate a significant set of social relations due to the fact that other social regulators are priority or it aims to preserve an outdated socio-economic structure, external and internal causes of crises, classifications of crises in law have been developed and signs have been identified that allow early detection of crisis phenomena in law.

Keywords: crisis phenomena in law; signs of a crisis of law; crisis of international law; causes of a crisis of law; types of crises in law; crisis of legal ideology; crisis of institutions of law.

Acknowledgment: part of the research carried out by A. A. Dorskay, was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project 22-28-01346 «Experiencing history as a factor in the self-identification of states and peoples in the 21st century: a legal dimension».

Статья поступила в редакцию: 26.01.2022; одобрена после рецензирования: 10.02.2022; принята к публикации: 11.02.2022.

The article was submitted: 26.01.2022; approved after reviewing: 10.02.2022; accepted for publication: 11.02.2022.

УДК 340.114.5

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.46.2.03

Н. Н. Попова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

E-mail: nnpopovoi@mail.ru

ПРАВОСОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Анномация. Статья посвящена исследованию изменений, происходящих в сфере правосознания в условиях формирования цифрового общества. Цель исследования — выявить особенности динамики правосознания, возникающие под влиянием цифровых технологий. Использована современная научная методология, как специальная юридическая, так и междисциплинарная. Обосновано, что цифровизация влияет на психику участников общественных отношений, то есть воздействует на правовую психологию как составной элемент правосознания. Подчеркивается воздействие цифрового общества на трансформацию ценностных оснований правосознания. Сделан вывод, что при становлении цифрового общества происходит дальнейшая фрагментация социума, что влечет и фрагментацию правосознания, его сегментирование, создающее новые риски для правового поведения. Обозначены основные направления для дальнейших научных исследований правосознания и его развития в условиях цифровизации.

Ключевые слова: правосознание; цифровизация; цифровое общество; правовые ценности; правовая психология.

Введение

равосознание, с одной стороны, представляет собой сложный теоретико-правовой феномен; с другой стороны, его можно рассматривать как часть существующей социальной реальности. В связи с этим осмысление правосознания и его динамики определяется, во-первых, господствующими научными представлениями и методами, во-вторых, конкретно-историческим этапом социального и правового развития. В современных условиях важным фактором, влияющим на социально-правовое развитие и, как следствие, на правосознание, выступает цифровизация. Формирующееся цифровое общество влияет на трансформацию общественного сознания, в том числе и правосознания как его части. В связи с этим в статье поставлена задача выявить и обосновать основные направления влияния цифровизации на правосознание и его динамику.

Методы

В процессе исследования использованы методы современной юридической науки с учетом междисциплинарности как основы новой научной рациональности. Особое внимание уделено применению системно-структурного и социологического методов. При анализе различных доктринальных подходов к понятию «правосознание» использованы положения герменевтики.

Основное исследование

В современной отечественной юриспруденции вопросы, связанные с пониманием правосознания и его структуры, в определенной мере разработаны. Вместе с тем это не означает, что не существует пространства для их дальнейшего исследования с учетом новой методологии и меняющихся социальных реалий. Стоит согласиться с позицией А. И. Смирнова, который пишет, что «правосознание должно рассматриваться как комплекс, который находится в отношениях взаимодействия с правом (право влияет на правосознание и наоборот, в том числе в сфере источников права). Вместе с тем правосознание испытывает на себе воздействие и не собственно правовых факторов, среди которых можно выделить мировоззренческий, религиозный, культурный, этнический, материально-хозяйственный и исторический факторы» [6, с. 83]. В сходном ключе рассуждает В. П. Щенников: «Содержание правосознания не сводимо к отражению лишь сугубо юридической стороны общественной жизни. Оно включает в себя совокупность всех общественных процессов, функционирование которых так или иначе связано с правовым регулированием» [7, с. 127].

В этом обозначенном комплексе факторов с учетом цели настоящего исследования особо выделим фактор технологического развития, в котором лидирующую роль сегодня играют процессы цифровизации. Правовые идеи, теории и концепции, непосредственно влияющие на правосознание, во многом детерминированы развитием экономики и производственных отношений. В современном мире экономическая сфера находится в переходном состоянии, что объясняется идущей сменой технологического уклада. Эти процессы связаны с активным развитием так называемой большой четверки технологий, среди которых именно цифровые технологии вырвались на первое место по темпам развития и широте распространения. Это позволяет говорить о формировании цифрового общества как нового этапа в общественном развитии, связанного в числе прочего с трансформацией права и эволюцией правосознания.

Современные исследователи справедливо отмечают, что цифровизация воздействует на всю правовую сферу общества, включая правотворчество и правоприменение [5, с. 32]. Все активнее внедряются цифровые технологии в процесс подготовки юридических документов, обсуждение законопроектов,

судопроизводство и исполнение судебных решений. Широко обсуждаются юристами такие понятия, как «блокчейн», «интернет вещей», «искусственный интеллект», «цифровой закон», «алгоритмизация права», «машиночитаемое право», «смарт-контракты» и «криптовалюта». Цифровизация правовой сферы фактически означает ее трансформацию, которая ставит под сомнение прежние методы правового регулирования и правовой деятельности. Право в цифровом обществе неизбежно должно измениться, поменяется ряд его формальных признаков, а вслед за ними и само восприятие права в массовом сознании. «Правовое сознание выступает отражением существующей правовой реальности и того, как каждый субъект воспринимает и интерпретирует ее» [3, с. 43]. Поэтому трансформация правовой сферы общества влияет на правосознание субъектов общественных отношений, причем такое влияние происходит сразу по нескольким направлениям.

В условиях цифрового общества в значительной мере возрастает объем информации, с которым ежедневно имеет дело каждый индивид. Этот процесс информатизации всех сторон и аспектов жизни человека неизбежно влияет на его личностные параметры. Масштабы такого влияния на психику и интеллект участников общественных отношений не поддаются пока однозначной оценке. Но уже сегодня становится понятно, что речь идет о формировании нового типа мышления, которое связано с иными формами и способами усвоения и обработки информации. Происходит утрата важнейших навыков чтения и анализа объемных и сложных для восприятия текстов. Под угрозой оказываются аналитические навыки. Психика становится менее устойчивой, более подверженной манипуляциям, особенно в процессе сетевого общения.

В условиях цифрового общества эволюционирует та система ценностей, которая лежит в основе социального регулирования, составляет нравственный императив права. Правовые ценности, являющиеся важной составной частью правосознания, подвергаются трансформации. Вслед за ними меняются критерии оценки правового поведения, что влечет за собой смещение его рамок.

Правосознание — это не только отражение правовой реальности, но еще и субъективно окрашенная рефлексия по поводу права, в основе которой лежат идеальные правовые и в значительной мере моральные представления. Правосознание — как коллективное, так и индивидуальное — несет на себе печать чувств, эмоций, мифов, верований, иных иррациональных факторов. Иррациональная сторона правосознания получает выражение в такой его части, как правовая психология, которая не подвержена доводам разума и строгой логике юридических рассуждений.

Цифровизация вызывает изменения в обеих структурных частях правосознания: правовой идеологии и правовой психологии. Динамика изменений самой роли права в условиях цифрового общества порождает новые психические переживания как по поводу конкретных правовых норм и институтов, так и в отношении к самому праву как регулятору общественных отношений, определяющему меру свобод индивида в его социальных взаимодействиях.

«Процесс "перепонимания", "приживания" цифровизации к правосознанию, как и все, что не из него вырастает, а привносится в него, потребует значительного времени. Однако цифровизация захватит правовое пространство гораздо раньше...», — пишут В. П. Малахов и Г. М. Азнагулова [4, с. 40]. Таким образом, возникает разрыв между развитием права и его осмыслением, восприятием субъектами общественных отношений. Одним из следствий такого разрыва может стать возрастание деформаций правосознания, таких как правовой нигилизм, а также рост индифферентного отношения к праву и его ценностям.

Стоит отметить, что цифровизация и технологическое развитие не являются единственными доминантами современного правосознания. На современном этапе ученые отмечают характерную для нашей страны неоднородность идеологии, «что явилось следствием дифференциации самого российского общества, формирования новых социальных слоев, как результат возникновения различных форм собственности и имущественного расслоения населения» [1, с. 6]. Здесь происходит своего рода наложение целого ряда факторов, в итоге формируется новый вектор, негативно влияющий на коллективное и индивидуальное правосознание.

Важной особенностью развития правосознания в цифровом обществе выступает усиление его фрагментации. Фрагментация правосознания — процесс, связанный с дроблением единого коллективного правосознания на определенные сегменты, сохраняющие взаимосвязи, но отличающиеся по некоторым параметрам. В доиндустриальную эпоху коллективное правосознание дифференцировалось по сословному принципу. В индустриальном обществе преобладающей стала классовая дифференциация. В цифровом (постиндустриальном) обществе дифференциация правосознания стала вслед за социальной дифференциацией многоплановой. Общество состоит сегодня из многих страт и статусов, включая сетевые, подверженные виртуализации. Соответственно, фрагментация и сегментация, если говорить применительно к правосознанию, приобретают черты одного из доминирующих процессов. Этот процесс усиливается из-за наблюдающегося разрыва правового пространства, что типично для переходного общества и связано со сменой базовых правовых ценностей [2, с. 24].

Аксиологические характеристики коллективного правосознания могут существенно зависеть от процесса цифровизации в тех государствах, которые в большей мере ориентированы на традиционные ценности, в том числе и религиозные. Цифровизация становится серьезным вызовом для данной системы ценностей, и в этом отношении можно отметить ее негативное влияние на правосознание.

Выводы

Правосознание представляет собой феномен, который основан на субъективном отражении индивидом объективно существующей и развивающейся социальной реальности. Совокупность индивидуальных правосознаний образует

правосознание коллективное. Таким образом, на эволюцию правосознания влияют обстоятельства как материального, так и идеально-духовного характера.

В современных условиях цифровизация общественных отношений, приводящая к становлению цифрового общества, выступает одним из факторов, существенно влияющих на динамику изменения правосознания. Под влиянием цифровых технологий не только меняется психоэмоциональное восприятие права и его ценностного содержания, но и происходит сильная фрагментация общества, что влечет и фрагментацию правосознания, его сегментирование, создающее новые риски для правового поведения.

По итогам проведенного исследования представляется возможным обозначить следующие направления для дальнейшего изучения процесса трансформации правосознания в цифровом обществе:

- особенности влияния цифровизации на правовую идеологию и правовую психологию как структурные элементы правосознания;
- сегментирование правосознания в цифровом обществе как угроза правопорядку;
- соотношение индивидуального и коллективного правосознания в цифровую эпоху;
- влияние цифровизации на правовые ценности как важный фактор динамики изменений правосознания.

Литература

- 1. Азнагулова Г. М. Правовой менталитет и правовая идеология современного российского общества // Юридическая мысль. 2014. № 4. С. 5–11.
- 2. Беденков В. В. Понятие и структура обыденного правосознания // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3. С. 23–27.
- 3. Корчагина Т. В., Николаев А. И. Правовое воспитание в современных реалиях // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 4. С. 42–47.
- 4. Малахов В. П., Азнагулова Г. М. Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 2. С. 37–44.
- 5. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 3. С. 31–39.
- 6. Смирнов А. И. Типология факторов, повлиявших на византийское правосознание // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2019. № 1. С. 83–91.
- 7. Щенников В. П. Правосознание и реформирование права // Право и образование. 2010. № 12. С. 126–129.

Literatura

1. Aznagulova G. M. Pravovoj mentalitet i pravovaya ideologiya sovremennogo rossijskogo obshhestva // Yuridicheskaya my`sl`. 2014. № 4. S. 5–11.

- 2. Bedenkov V. V. Ponyatie i struktura oby`dennogo pravosoznaniya // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 3. S. 23–27.
- 3. Korchagina T. V., Nikolaev A. I. Pravovoe vospitanie v sovremenny`x realiyax // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 4. S. 42–47.
- 4. Malaxov V. P., Aznagulova G. M. Problema pravoponimaniya v usloviyax cifrovoj real`nosti // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 2. S. 37–44.
- 5. Pashencev D. A. Osnovny'e napravleniya i osobennosti razvitiya zakonodatel'stva v usloviyax cifrovizacii i perexoda k novomu texnologicheskomu ukladu // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 3. S. 31–39.
- 6. Smirnov A. I. Tipologiya faktorov, povliyavshix na vizantijskoe pravosoznanie // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2019. № 1. S. 83–91.
- 7. Shhennikov V. P. Pravosoznanie i reformirovanie prava // Pravo i obrazovanie. 2010. № 12. S. 126–129.

N. N. Popova

LEGAL AWARENESS IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF DIGITAL SOCIETY

Abstract. The article is devoted to the study of changes taking place in the sphere of legal consciousness in the conditions of the formation of digital society. The purpose of the study is to identify the features of the dynamics of legal consciousness under the influence of digital technologies. Modern scientific methodology was used, both special legal and interdisciplinary. It is substantiated that digitalization affects the mentality of participants in public relations, that is, it affects legal psychology as an integral element of legal consciousness. The impact of digital society on the transformation of the value bases of legal consciousness is emphasized. It is concluded that with the formation of digital society, further fragmentation of society occurs, which entails the fragmentation of legal consciousness, its segmentation, which creates new risks for legal behavior. The main directions for further scientific research of legal consciousness and its development in the context of digitalization are outlined.

Keywords: legal consciousness; digitalization; digital society; legal values; legal psychology.

Статья поступила в редакцию: 25.01.2022; одобрена после рецензирования: 30.01.2022; принята к публикации: 14.02.2022.

The article was submitted: 25.01.2022; approved after reviewing: 30.01.2022; accepted for publication: 14.02.2022.

УДК 341.98

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.46.2.04

А. В. Алешина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: aaleshina23@mail.ru

В. А. Косовская

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: vkosovskaya@mail.ru

РАЗРЕШЕНИЕ РОССИЙСКИМИ СУДАМИ ЧАСТНОПРАВОВЫХ СПОРОВ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ПРАВА

Анномация. Образование в области прав человека как форма содействия всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод является одним из приоритетов деятельности ООН с момента ее учреждения. В 2011 году Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию об образовании и подготовке в области прав человека, в которой изложены основные принципы и подходы такого образования. Автор раскрывает смысл Декларации, обращая особое внимание на единство и взаимосвязь в ее контексте свободы информации и права на образование. Отмечены проблемы развития представлений о правах человека в настоящее время, а также затрагивается вопрос об образовательной деятельности в области прав человека в Российской Федерации. Сделан вывод, что такая деятельность жизненно необходима для современного общества и требует для развития активности государственной политики в данном направлении.

Ключевые слова: образование в области прав человека; свобода информации; право на образование; культура прав человека; формы и контексты образования; инклюзивность; государственная политика в сфере образования.

Введение

азрешение споров частноправового характера, в которых присутствует иностранный элемент, ставит перед судьей целый ряд сложнейших задач, связанных в первую очередь с выбором компетентного правопорядка и в случае указания на право иностранного государства — с установлением его содержания и особенностями применения. Процесс ведения таких дел можно представить себе в виде определенного алгоритма (последовательности действий), который предстоит произвести судье в том или ином объеме в зависимости от фактических обстоятельств дела. Не умаляя сложности применения унифицированных материальных норм международного характера, а при их отсутствии и коллизионных норм, остановимся на тех проблемах, которые непременно возникают, если в качестве компетентного правопорядка выбрано право иностранного государства.

Степень научной разработанности темы

Изучение проблем, связанных с применением российскими судами норм иностранного права, в отечественной юридической науке проводилось в основном в рамках научных исследований общей части международного частного права наряду с решением вопросов применения коллизионных норм и основных принципов международного частного права [2; 3]. Отдельные монографические исследования, посвященные порядку применения иностранного права, практически отсутствуют.

В настоящее время можно выделить следующие основные направления изучения вопросов, связанных с проблемами применения иностранного права: установление содержания иностранного права [1; 4; 8]; вопросы взаимности [5]; оговорка о публичном порядке как ограничение в применении иностранного права [9]; использование норм непосредственного применения [6].

Метолы

В статье при помощи дескриптивного метода были описаны причины возникновения проблем, связанных с применением иностранного права. Формально-юридический метод был применен при анализе содержания нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок установления содержания иностранного права. Сравнительно-правовой метод использовался для того, чтобы выявить общие черты и особенности механизмов применения норм иностранных правовых систем. Вывод о возможных путях решения проблем применения иностранных правовых норм сделан на основе метода правового моделирования.

Основная часть

Основанием для применения иностранного права может служить указание коллизионной нормы, содержащейся либо в международном договоре Российской Федерации, либо в национальных законах (например, в Гражданском кодексе Российской Федерации, Семейном кодексе Российской Федерации, Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации), соглашение сторон (автономия воли, применение которой в современном российском законодательстве вышло за пределы договорных обязательств), а также обычаи, признаваемые в Российской Федерации. Именно эти основания закреплены в п. 1 ст. 1186 ГК РФ. В этой же статье содержится еще один случай, когда применимым может стать именно иностранное право (п. 2 ст. 1186 ГК РФ). Законодатель устанавливает, что если указанные выше основания не позволяют определить применимое право, то применимым должно быть право того государства, с которым правоотношение наиболее тесно связано.

В данном случае суд, изучив сущность правоотношения, возникшего между сторонами, и других возможных обстоятельств дела, может определить наибольшую территориальную взаимосвязь с правом конкретной страны. При этом суд принимает во внимание место жительства и гражданство участников правоотношения — физических лиц, либо основное место деятельности и место учреждения сторон — юридических лиц, а также место нахождения объекта гражданских прав, относительно которого возникло правоотношение, место исполнения обязательств и др.

В вопросе применения иностранного права в качестве применимого рассматривается именно право другого государства, а не его законодательство. Иными словами, в зависимости от особенностей той или иной правовой системы судья может столкнуться с необходимостью установления содержания иностранных норм, содержащихся в таких источниках, как судебный прецедент, судебная практика, научная доктрина. Несомненно, этот процесс представляется по меньшей мере непростым для суда, о чем в науке международного частного права неоднократно отмечалось: судья не может и не должен знать право другого государства.

Как отмечает А. В. Грибанов, «установление содержания иностранного права является "болезненным вопросом" судебного и арбитражного разбирательства не только в России, но и за рубежом. Как известно, от судьи или арбитра, рассматривающего спор, нельзя требовать знания норм иностранного права наравне с нормами национального права, действующего в стране, где осуществляется разбирательство» [4, с. 9].

Наш законодатель ставит перед судьей еще более сложную с практической точки зрения задачу: установление содержания норм иностранного права не должно ограничиваться обращением к переводам соответствующего нормативного источника, необходимо учитывать официальное толкование такого источника, практику применения подлежащей применению нормы, научную

доктрину. Очевидно, что, используя предоставленные способы, закрепленные в п. 2 ст. 1191 ГК РФ, получить достоверную совокупную информацию о содержании иностранного права будет достаточно трудно.

Правоприменительный процесс, сопровождающийся столь сложными задачами, связанными с уяснением содержания источников иностранной правовой системы, может выходить за пределы установленных процессуальных сроков. Российский законодатель предусматривает применение российского права (lex fori), если предпринятые судом усилия в разумные сроки все же не привели к положительному результату (п. 3. ст. 1191 ГК РФ).

Многие авторы отмечают, что сложности с применением положений ст. 1191 ГК РФ возникают в связи с отсутствием четких указаний правоприменителю относительно последовательности применения прописанных в ней способов установления содержания иностранного права и активности суда. Иными словами, вполне резонным становится следующий вопрос: есть возможность применения российского права после получения отрицательного ответа от Министерства юстиции или все же необходимо обращаться абсолютно ко всем способам и именно в указанной последовательности?

Следует согласиться с мнением Е. С. Аничкина, что «в целях обретения информации об иностранном праве и экономии времени желательным было бы параллельное использование нескольких (необязательно всех) способов установления содержания иностранного права» [1, с. 75].

Процесс применения судом избранного иностранного права не ограничивается установлением содержания его норм, а таит в себе также и определенные трудности, которые могут привести к невозможности применения правопорядка другого государства. Остановимся на них более подробно.

Указание коллизионной нормы на применение иностранного права вызывает правомерный вопрос об обязательном условии такого применения — взаимности. Иными словами, должен ли российский судья удостовериться, что к отношениям такого рода в соответствующем государстве применяется российское право, и применять иностранное право только при выполнении этого условия. Статья 1189 ГК РФ формулирует презумпцию взаимности, исключая те случаи, когда обязательность взаимности предусмотрена законом. Но и в этом случае предполагается ее наличие, пока не доказано иное.

Неоднородность правовых систем, существующих в мире, может привести к ситуации, когда судья, который должен применять право иностранного государства, столкнется с внутренними коллизиями, обусловленными различными причинами. Вполне вероятно, что будет выбрано право того государства, в котором существуют параллельные системы права отдельных субъектов или административно-территориальных образований, исторически существующих самостоятельно. Такие интерлокальные коллизии характерны для некоторых федеративных государств или унитарных государств, в которых традиционно сохранились автономные правовые системы отдельных местностей (например,

правовые системы штатов в США, правовые системы Шотландии, Англии, Уэльса и Северной Ирландии в Соединенном Королевстве).

Гражданский кодекс Российской Федерации, предусмотрев возможность обращения к правовым системам таких государств, определяет необходимость разрешения внутренних коллизий, опираясь на правила, закрепленные в праве этой страны. Нетрудно себе представить, насколько усложнится процесс из-за исследования судом особенностей иностранной правовой системы и ее внутренних связей. Поэтому законодатель для случаев невозможности установления компетентной правовой системы предлагает обращение к принципу наиболее тесной связи, который, возможно, в данной ситуации будет наиболее гибким правовым инструментом.

При этом Пленум Верховного суда Российской Федерации в упомянутом выше постановлении разъясняет, что «если коллизионная норма позволяет определить в качестве применимого права конкретную правовую систему страны с множественностью правовых систем, то отношение регулируется нормами такой правовой системы. Например, если в соответствующей стране действует несколько правовых систем в различных административно-территориальных образованиях и коллизионная норма законодательства Российской Федерации содержит отсылку к праву места жительства физического лица, то правоотношение регулируется правом административно-территориального образования, в котором указанное физическое лицо постоянно или преимущественно проживает».

Еще одной проблемой, которая может возникнуть в процессе применения иностранного права, является применение оговорки о публичном порядке, известной международному частному праву с незапамятных времен. Она предполагает, что правоприменитель должен убедиться, что при применении нормы иностранного права последствия этого применения не затронут основ правопорядка Российской Федерации. В противном случае применять следует российское право.

Оговорка о публичном порядке является предметом постоянных дискуссий среди специалистов в области международного частного права, поскольку отсутствие законодательно закрепленного понятия «публичный порядок» может давать достаточный простор для толкования данной категории и позволит, сославшись на ст. 1193 ГК РФ, заменить в правоприменительной практике иностранное право на отечественное.

Трудно согласиться с авторами, которые уповают на то, что оговорка о публичном порядке является скрытым механизмом для обхода необходимости применять «неудобное» иностранное право. Очевидно, что, для того чтобы судья мог сделать вывод о серьезности последствий применения нормы иностранного права, которые будут несовместимы с основами публичного порядка нашей страны, ему необходимо пройти весь нелегкий и кропотливый путь по установлению содержания иностранного права с добавкой в виде ясного понимания официального толкования, практики и доктрины. Сложно

представить, что судья, потратив столько усилий на этот процесс, будет думать о том, как бы ему не применять право другого государства, изыскивая возможности сослаться на оговорку о публичном порядке.

В доктрине международного частного права принято выделять негативную и позитивную разновидности оговорки о публичном порядке. И если вариант невозможности применения нормы иностранного правопорядка в силу противоречия последствий ее применения с основами правопорядка страны суда (негативная оговорка) как раз соответствует положениям ст. 1193 ГК РФ, то позитивный характер данной оговорки констатирует факт наличия в отечественной правовой системе «особых» норм сверхимперативного характера, не допускающих привлечения иностранного права в регламентацию тех отношений, которые уже урегулированы такого рода нормами.

Фактически по объекту регулирования негативная и позитивная оговорки не различаются, но у них специфический механизм действия: в случае негативной оговорки иностранное право сперва определяется, потом подвергается оценке и устраняется, а при позитивной оговорке эти этапы опускаются и сразу происходит переход к заключительному этапу — применению собственного права [7, с. 105]. В таком случае применение иностранного права может быть ограничено наличием в российском праве норм непосредственного применения (ст. 1192 ГК РФ).

После принятия в 2013 году изменений в раздел VI части III Гражданского кодекса Российской Федерации термин «императивные нормы» был заменен на термин «нормы непосредственного применения», что до сих пор остается предметом критики специалистов.

В своем исследовании А. А. Шулаков указывает, что «словосочетание "нормы непосредственного применения" является дословным заимствованием с установленного во французской правовой литературе термина "regles d'application immediate". Однако французский язык является языком аналитическим, а русский — синтетическим. Там, где в русском языке из одной корневой морфемы с помощью приставок, суффиксов или окончаний образуется слово с новым значением, во французском может понадобиться сразу несколько слов. С учетом этого различия термин "сверхимперативные нормы" полностью соответствует правилам русского языка и юридической техники. Приставка "сверх" указывает не только на иерархию, но и на систему норм в терминологической связке "сверхимперативные нормы — императивные нормы". Термин "нормы непосредственного применения", закрепленный в законодательстве (ст. 1192 ГК РФ), такой системной иерархии не дает» [9, с. 85].

В случае применения права какой-либо страны суд может принять во внимание императивные нормы права другой страны, имеющей тесную связь с отношением, если такие нормы, согласно праву этой страны, являются нормами непосредственного применения. При этом суд должен учитывать назначение и характер этих норм, а также последствия их применения или неприменения [6, с. 64–65]. Все это свидетельствует о сложной правовой природе подобных

норм, которые одновременно являются гарантом защиты публичных интересов и неким методом регулирования частных отношений, выходящих за рамки одного государства.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что при указании различных источников, содержащих коллизионные нормы в пользу применения иностранного права, могут возникнуть различные проблемы, связанные как с вопросами применения либо неприменения таких норм, так и связанные с процессом установления их содержания. В частности, нельзя забывать о принципе взаимности и об условиях его реализации, возникновении интерлокальных коллизий при разрешении частных отношений с присутствующим в их составе иностранным элементом. Также может возникнуть и проблема, связанная с оговоркой о публичном порядке, которая напрямую повлияет на процесс применения права другого государства у нас на родине. Необходимо осознавать, что для наиболее объективного и верного разрешения таких споров судье предстоит крайне трудоемкая задача по установлению содержания норм того или иного иностранного правопорядка.

Несомненно, все перечисленные выше сложности, возникающие в процессе рассмотрения трансграничных споров частного характера с присутствующим в их составе иностранным элементом, накладывают на судей особую ответственность за их разрешение, требуют от них высокой профессиональной квалификации и огромного оптимизма.

Литература

- 1. Аничкин Е. С. Особенности правоприменения в международном частном праве // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2-1 (70). С. 73–80.
- 2. Богуславский М. М. Международное частное право: учебник. М.: Норма, 2021. 672 с.
- 3. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 416 с.
- 4. Грибанов А. В. Установление содержания иностранного права при разрешении споров в государственных судах и в международном коммерческом арбитраже // Вестник международного коммерческого арбитража. 2012. № 1. С. 8–30.
- 5. Еникеев О. А. Отдельные проблемы реализации принципа взаимности в гражданском процессе России // Бизнес. Образование. Право. 2017. № 2 (39). С. 221–224.
- 6. Косовская В. А. Новый взгляд на «Нормы непосредственного применения» в контексте реформирования российского международного частного права // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2017. № 1 (34). С. 62–66.
- 7. Осояну Н. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве Республики Молдова // Studii Juridice Universitare. 2019. № 1-2 (45–46). С. 101–109.

- 8. Шахназаров Б. А. Сравнительное правоведение и установление содержания норм иностранного права в условиях современных вызовов // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 9. С. 149–160.
- 9. Шулаков А. А. Публичный порядок в международном частном праве и проблемы толкования и применения сверхимперативных и императивных норм // Lex russica (Русский закон). 2018. № 4 (137). С. 81–97.

Literatura

- 1. Anichkin E. S. Osobennosti pravoprimeneniya v mezhdunarodnom chastnom prave // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 2-1 (70). S. 73–80.
- 2. Boguslavskij M. M. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik. M.: Norma, 2021. 672 s.
- 3. Get`man-Pavlova I. V. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik dlya vuzov. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2020. 416 s.
- 4. Gribanov A. V. Ustanovlenie soderzhaniya inostrannogo prava pri razreshenii sporov v gosudarstvenny`x sudax i v mezhdunarodnom kommercheskom arbitrazhe // Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha. 2012. № 1. S. 8–30.
- 5. Enikeev O. A. Otdel`ny`e problemy` realizacii principa vzaimnosti v grazhdanskom processe Rossii // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2017. № 2 (39). S. 221–224.
- 6. Kosovskaya V. A. Novy'j vzglyad na «Normy' neposredstvennogo primeneniya» v kontekste reformirovaniya rossijskogo mezhdunarodnogo chastnogo prava // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoj akademii. 2017. № 1 (34). S. 62–66.
- 7. Osoyanu N. Ogovorka o publichnom poryadke v mezhdunarodnom chastnom prave Respubliki Moldova // Studii Juridice Universitare. 2019. № 1-2 (45–46). S. 101–109.
- 8. Shaxnazarov B. A. Sravnitel`noe pravovedenie i ustanovlenie soderzhaniya norm inostrannogo prava v usloviyax sovremenny`x vy`zovov // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 9. S. 149–160.
- 9. Shulakov A. A. Publichny`j poryadok v mezhdunarodnom chastnom prave i problemy` tolkovaniya i primeneniya sverximperativny`x i imperativny`x norm // Lex russica (Russkij zakon). 2018. № 4 (137). S. 81–97.

A. V. Aleshina

V. A. Kosovskaya

RESOLUTION OF PRIVATE LAW DISPUTES COMPLICATED BY A FOREIGN ELEMENT BY RUSSIAN COURTS: PROBLEMS OF APPLICATION OF FOREIGN LAW

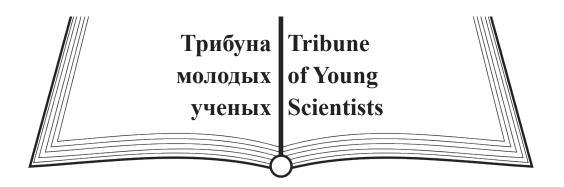
Abstract. Human rights education as a form of promoting universal respect and observance of human rights and fundamental freedoms has been one of the priorities of the UN since its inception. In 2011, the UN General Assembly adopted the Declaration on Human Rights Education and Training, which sets out the basic principles and approaches of such education. The author reveals the meaning of the Declaration, paying a special attention to the unity and interconnection in its context of freedom of information and the right to education. The problems of the development of ideas about human rights at the present time are noted, and the issue of educational activities in the field of human rights in the Russian

Federation is also touched upon. It is concluded that such activity is vital for modern society and requires the development of an active state policy in this direction.

Keywords: human rights education; freedom of information; the right to education; a culture of human rights; forms and contexts of education; variety; inclusiveness; state policy in the field of education.

Статья поступила в редакцию: 25.01.2022; одобрена после рецензирования: 30.01.2022; принята к публикации: 14.02.2022.

The article was submitted: 25.01.2022; approved after reviewing: 30.01.2022; accepted for publication: 14.02.2022.

УДК 340.12

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.46.2.05

И. А. Белова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: belov2@tut.by

ФИНАНСИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье анализируются различные аспекты финансирования и государственной поддержки научных разработок. В частности, рассматриваются в ретроспективном аспекте понятия «меценатство» и «благотворительность», их определения и толкования многими известными российскими учеными.

Цель исследования — рассмотрение правового регулирования благотворительной и меценатской деятельности в разных отраслях науки в дореволюционной России.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (системный анализ, логический анализ) и специально-юридические методы (сравнительно-правовой).

Автор сопоставляет и подчеркивает характерные особенности государственной поддержки и частной инициативы научных исследований в историческом ракурсе, демонстрирует их важность в достижении передовых результатов многими молодыми талантливыми учеными. Сделан вывод, что академическая наука, научные исследования и разработки неразрывно связаны не только с государственной поддержкой, но и с частной инициативной благотворительностью и меценатством.

Ключевые слова: закон; финансовая поддержка; государство; научная деятельность; меценатство; благотворительность; премии и награды.

опросы, связанные с правовым регулированием благотворительности, меценатства и поощрительной системы государства в целом, долгое время оставались вне пристального внимания научного сообщества. В Российской империи в условиях фрагментарного и несовершенного законодательства правовая регламентация вышеуказанных аспектов деятельности государства оказалась на периферии внимания властей.

Обращаясь к научному и культурному мировому наследию любой исторической эпохи, мы невольно приходим к выводу о том, что финансовая поддержка науки и культуры неразрывно связана с политикой, проводимой в государстве, характером научной политики в тот или иной период времени и целями, которые поставлены государством перед наукой.

Во второй половине XIX века составляющими системы российской науки были: Академия наук, высшие учебные заведения, различные научные общества. Государство тогда играло весьма значимую роль в финансировании и поощрении отечественной науки. Однако государственное финансирование не было единственным источником поддержки отечественной науки в России. Огромную роль в развитии науки, образования, культуры и искусства играли привлеченные частные средства, а именно меценатская деятельность.

Меценатство стало популярным видом финансовой поддержки во второй половине XIX века. Под этим явлением понимали покровительство и частную финансовую инициативу, благодаря которым в России значительное развитие получила не только наука, но и образование, искусство, культура, медицина.

Среди крупнейших исследователей меценатства можно назвать А. Н. Боханова, М. Л. Гавлина, Я. Н. Щапова, а также необходимо отметить и мемуарные источники: воспоминания В. П. Зилоти, М. К. Мамонтовой-Морозовой, С. Т. Морозова, В. С. Серова, М. К. Тенишевой, В. Л. Шляровского.

Важно отметить, что такой вид поддержки осуществлялся без цели извлечения выгоды, на безвозмездной и бескорыстной основах. Изучению вопросов материальной основы меценатства были посвящены работы русского предпринимателя и знатока московского купечества П. А. Бурышкина, а также труд А. А. Глаголева «Экономическая философия великих русских меценатов конца XIX — начала XX в.», в которых авторы рассматривают вопросы русского меценатства с позиций ученого-экономиста.

Как справедливо отмечает в своей работе О. В. Радзецкая, меценатская деятельность не попадает под классическую теорию прибыли и не вписывается в рамки рыночной экономики. В рыночной теории понятие обмена является равносильным только при условии, что за определенное количество товара поступает определенное количество денежных средств [11]. Фактически здесь из цепочки выпадает звено обмена, что в итоге приносит определенную прибыль. Таким образом, невозможно представить в меценатстве существование товарно-денежных отношений.

Корни меценатства в России уходят в конец XVIII века, и с ним связаны такие знаменитые фамилии, как С. Г. Строганов, Д. М. Голицын, Н. Н. Демидов,

Н. П. Шереметьев, А. А. Бахрушин, С. Т. Морозов, А. Л. Штиглиц, П. М. Третьяков и С. М. Третьяков, К. Т. Солдатенков, Г. Г. Солодовников, Ю. С. Нечаев-Мальцов, С. И. Мамонтов, С. П. Рябушинский и др.

По мнению ученых, традиция меценатства исходит из истоков христианской веры, а именно православной церкви, постулаты которой проповедуют гуманизм и прощение. Были среди меценатов и представители старообрядчества. Например, купцы Рябушинские и К. Т. Солдатенков.

Уклад жизни и мировоззрения русских меценатов, воспитанных в духе глубокой любви к Родине и христианской вере, подвигли их на богоугодные деяния и тем самым поспособствовали возникновению меценатства.

Вот что писала Л. Е. Улицкая о благотворительности: «Мой прадед, моя бабушка, моя мама были очень хорошими людьми, легко отдавали то, что имели... и теперь, я думаю, что, может, это даже не была личная доброта, а очень глубокая традиция "церковной десятины". Это тот способ, которым испокон веку, с библейских времен, осуществлялась общественная жизнь» [4, с. 134].

Однако здесь важно отметить, что развитие меценатства в России основывалось на средствах самих меценатов.

В истории России меценатство достигло своего расцвета на рубеже XIX и XX столетий и шло успешно вплоть до Октябрьской революции 1917 года. Само слово «меценат» бытовало со второй половины XIX века в крупных городах России, в провинции же чаще всего использовали слова «попечительство», «покровительство» и «благотворительность».

Интересно, что в Санкт-Петербурге меценатами чаще всего выступали дворяне и высшие чиновники. К примеру, князь Григорий Григорьевич Гагарин, художник-любитель, исследователь искусства и вице-президент Императорской академии художеств в 1857–1872 годах создал музей древнехристианского искусства при академии. В Москве же меценатами более выступали представители купечества. Так, московский предприниматель, меценат и крупный книгоиздатель Козьма Терентьевич Солдатенков издавал невыгодные с точки зрения коммерции книги авторов И. Е. Забелина, Т. Н. Грановского, С. В. Ешевского и др.

Меценатство как особое явление, по мнению ученых [7], считается исторической основой для возникновения благотворительной деятельности в России. Однако между этими двумя понятиями есть некоторые отличия. Для этого рассмотрим несколько определений понятия «благотворительность».

В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона благотворительность трактуется как проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему [14, с. 55].

В «Толковом словаре русского языка» Ожегова благотворительность представляется как «действия и поступки безвозмездного характера направленные на общественную пользу или на оказание материальной помощи неимущим» [13, с. 47].

В своей диссертационной работе Е. А. Абросимова пишет: «Благотворительность — это бескорыстная любовь к человечеству, которая, как правило,

обнаруживается посредством создания и функционирования общественных институтов или пожертвований для организованной и систематической помощи нуждающимся и страждущим» [1, с. 131].

Из вышеизложенного становится ясно, что во всех определениях благотворительности повторяются следующие слова: сострадание, помощь неимущим и нуждающимся, безвозмездность, общественная польза, бескорыстность.

Благотворительная деятельность, в отличие от меценатства, характеризуется скорее социальным, а не культурным аспектом жизни общества. Причем упор делается именно на слово «нужда», ведь благотворительность — это в первую очередь снабжение неимущих товарами и вещами первой необходимости, что способствует возможности социально незащищенным и нуждающимся слоям населения интегрироваться в нормальное современное общество, в то время как меценаты, чья деятельность имела более узкий характер действия, основывались больше на своих вкусах и предпочтениях в разных областях науки, культуры и искусства.

Еще один из аспектов благотворительной деятельности — поощрение науки через академические научные премии и конкурсы. История развития процесса поощрения проектов в разных сферах общественной жизни уходит своими корнями в XVIII век.

В этой связи интересно отметить, что традиция вручения призов за победу в конкурсах возникла еще в начале XVIII века во Франции: «Раз в два года члены Французской Академии выбирали вопрос (как правило, теоретического характера), относящийся к актуальной на тот момент области исследований. Этот вопрос оглашался публично, и в течение последующих двух лет ученые, стремящиеся получить гран-при, ... имели возможность найти на него собственный ответ» [12, с. 194]. Для примера: в 1775 году Жан Жак Руссо получил премию Дижонской академии за конкурсное сочинение.

Участники представляли сочинения на конкурс до объявленного срока, далее академическая комиссия выбирала лучшую на их взгляд работу, и победителю вручался приз, носящий исключительно символический характер. Однако уже с середины XIX века наряду с традиционным поощрением (медаль, орден, поощрительные подарки) начинают вручать и денежные суммы в качестве поощрения.

Практика награждений и поощрений ученых в России также начинается с XVIII века одновременно с появлением главного научного центра России — Академии наук. Такая традиция предполагала награждение ученых за успешное решение задач определенной тематики, предлагаемых Академией наук. Наградной фонд формировался либо из бюджета Академии, либо из средств Государственного казначейства.

Ежегодно в Академию наук и учебные заведения — университеты, гимназии и училища — поступали в дар материальные средства, на основе которых учреждали конкурсы и премии. Такой системный поощрительный вид поддержки, как именные благотворительные премии, появился после утверждения регламента Императорской академии наук [10] в 1803 году. По именному указу Александра I от 16 мая 1801 года президенту Российской императорской академии наук барону Генриху Людвигу (Андрею Львовичу) фон Николаи поручалось составить новый академический регламент. В следующем году был образован комитет для разработки уставов Академии наук и Московского университета. Комитет в составе А. Л. Николаи, М. Н. Муравьева, С. Потоцкого, Ф. Г. Баузе, Н. И. Фуса представил положение о ключевых задачах академии, обозначив важность развития теоретических знаний и приложения их на практике.

В 12-м параграфе первой главы предлагалась программа для решения предложенных задач по предметам новым и полезным: «чтобы каждая наука имела свою очередь и чтобы таким образом все они участвовали в тех выгодах, каких можно ожидать от сего способа» [9, с. 20], где также прописывалась конкретная сумма награждения от 300 до 500 рублей «по важности и трудности задачи» [Там же].

Бюджет Академии наук прописывался в Уставе академии и мог меняться только с изменением Устава, поэтому дополнительные источники финансирования поверх бюджета для формирования премиального фонда академии могли быть только сторонними. И здесь как раз и возникает благотворительный метод финансирования премий. Системность такого вида поддержки проявлялась в ежегодных денежных отчислениях меценатов при их жизни и даже после смерти.

Первыми именными премиями были: премия имени П. Н. Демидова, премия имени М. В. Ломоносова, премия имени графа Д. А. Толстого, Макариевская премия, премия имени М. Н. Ахматова. Эти премии были универсальными, поскольку конкурсы на их присуждение объявлялись практически по всем существовавшим в то время отраслям наук.

Первой из именных неправительственных премий стала Демидовская премия, учрежденная в 1831 году Павлом Николаевичем Демидовым — промышленником, камергером двора Его Императорского Величества. Премии присуждала Академия наук, являясь «первенствующим ученым сословием». Согласно документу Академии наук Положение о наградах, учрежденных 17 апреля 1831 года камергером П. Н. Демидовым [8] премия вручалась ежегодно и это было продолжено даже после смерти Демидова в 1840 году — в соответствии с его совещанием.

Для получения награды научная работа должна была обладать оригинальностью, причем вид научной работы не имел значения. Это могли быть словари, географические описания, изобретения, переводы научных работ разных авторов с других языков. Допускались и рукописи с условием «чисто и четко писанные, с одобрением ценсуры» [6, с. 162]. Объем работы особого значения не имел, главным был вклад автора в науку.

Среди лауреатов премии были такие выдающиеся русские ученые, как Н. И. Пирогов, Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, Б. С. Якоби, Ф. И. Литке, И. Ф. Крузенштерн, П. Л. Чебышев, М. Ф. Рейнеке и другие, чьи работы

«знаменовали собою наивысшие достижения того времени в различных отраслях знаний» [5, с. 28].

Рецензирование конкурсных работ было сторонним. Рецензентов награждали золотой медалью — процентами с Демидовского капитала. Голосование проводилось членами специальной комиссии, созданной по разным отделениям академии, и было тайным. Если же претендентов на награду было несколько, то она могла делиться пополам либо переноситься на следующий год, если не присуждалась вовсе. Любопытный факт: наследники авторов работ могли также получить награду. Церемония награждения победителей Демидовской премии проходила 17 апреля, в день рождения будущего императора Александра II.

Со второй половины XIX века финансирование премий по различным отраслям наук сократилось и на смену именным универсальным премиям пришли специализированные премии, которые предполагали конкурс исследований по отдельным видам научных школ.

Первой такой премией считается премия академика и российского естествоиспытателя К. М. Бэра [2], присуждаемая каждые три года, начиная с 1864 года, за лучшие сочинения по естественным наукам [2]. Складывалась она из двух частей: медали и денежной награды (1000 руб.). В отличие от Демидовской денежная премия К. М. Бэра не могла быть разделена между несколькими трудами. Золотая медаль (стоимостью в 200 руб.) была высшей наградой и назначалась ученым за ряд трудов в различных отраслях биологии (анатомия, палеонтология, гистология, эмбриология и т. д.).

Среди главных условий на соискание премии было наличие русского подданства. В случае если автор был иностранным подданным, то важным для его участия условием была работа в России на протяжении не менее трех лет, либо проживание на территории Российской империи не менее 10 лет.

Здесь важно отметить, что правила для получения специализированных премий практически повторяли правила присуждения премии К. М. Бэра. Однако общее правило для универсальных и специализированных премий, и, на наш взгляд, справедливое, состояло в том, что соискателями не могли являться действительные члены Академии наук. Это же условие действовало и при присуждении именной премии П. Н. Демидова.

Сочинения на конкурс подавались на латинском, французском, немецком и английском языках. Труды на других языках допускались при условии, если хотя бы несколько членов комиссии были способны их прочесть.

Премии присуждала комиссия, которая состояла только из сотрудников Физико-математического отделения академии. Карл Бэр был ее председателем.

Интересно отметить, что наряду с правилами присуждения других премий Комиссия присуждения премии К. М. Бэра была наделена особыми правами к рассмотрению сочинений на конкурс. Члены комиссии могли игнорировать заявки авторов об участии в конкурсе и по своему усмотрению подавать ученые труды на конкурс.

Отчеты о конкурсных работах, получивших премию, публично объявляли на заседании академии: «В этот день, в публичном заседании Академии, один из членов Комиссии читает подробный отчет Комиссии, в котором излагает научное достоинство увенчанных премией сочинений. В это заседание приглашаются все любители просвещения, в особенности же естествоиспытатели и врачи. Отчет Комиссии публикуется в изданиях Академии» [3].

Премии подчеркивали статус награжденного, являясь поощрением выдающихся научных заслуг. Они помогли привлечь к занятию наукой сторонних исследователей, также позволили развить исследовательскую деятельность на местах, способствовали созданию научного сообщества, центром которого стала Академия наук. Благодаря такому виду поощрительных наград произошло становление целых научных школ и направлений, что способствовало формированию интеллектуальной элиты государства. Среди награжденных были такие знаменитые исследователи, как Л. С. Ценковский, А. А. Бунге, А. Ф. Миддендорф, В. Л. Комаров и др.

Подводя итоги, мы можем сказать, что академическая наука, научные исследования и разработки неразрывно связаны не только с государственной поддержкой, но и с частной инициативной благотворительностью, меценатством, сыгравшими важную роль в успешности изысканий многих талантливых ученых с мировыми именами.

На различных этапах российской истории мы видим формирование и преимущество определенных видов финансирования науки. Однако каким бы ни было поощрение труда ученых и исследователей, оно также доказывает прогрессивный и действенный характер самой этой системы. Результативность научных изысканий, достижения в различных сферах науки, опубликование исследовательских работ и итоговых отчетов способствовали знакомству ученых со значимыми научными достижениями своего времени, поощряли их научное творчество, помогали в установлении контактов друг с другом, а также продвижению фундаментального знания в жизнь.

Литература

- 1. Абросимова Е. А. Благотворительные организации в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 167 с.
- 2. Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты в России: историческая литература. М.: Наука, 1989. 192 с.
- 3. Вернадский В. И. Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М.: Наука, 1981. 349 с.
- 4. Городецкая И. Возрождение благотворительности в России // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 2. С. 131–138.
- 5. Манойленко К. В. Награды имени академика К. М. Бэра: история основания, значение // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 1. С. 26–47.
- 6. Мезенин Н. А. Лауреаты Демидовских премий Петербургской Академии наук. Л.: Наука, 1987. 208 с.

- 7. Новолодская Н. Г. Меценатство как социокультурный феномен: сущность и современное состояние: автореф. ... дис. канд. культурол. наук. М., 2006. 25 с.
- 8. Отчеты Императорской Академии наук за 1860 год. СПб.: Тип. ИАН, 1861. 148 с.
- 9. Положение о наградах, учрежденных 17 апреля 1831 года камергером П. Н. Демидовым. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1851. 27 с.
- 10. Президентская библиотека. URL: https://www.prlib.ru/item/687744 (дата обращения: 11.03.2022).
- 11. Радзецкая О. В. Информационная модель российской благотворительности и меценатства // Дайджест-финансы. 2005. № 12 (132). С. 43–48.
- 12. Студенцова Е. А. Исторический анализ формирования системы исследовательских грантов во Франции // Известия Смоленского государственного университета. 2012. № 4. С. 191–197.
- 13. Толковый словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Русский язык, 1984. 797 с.
- 14. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том IV (7). Битбург Босха. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1891. 488 с.

Literatura

- 1. Abrosimova E. A. Blagotvoritel`ny`e organizacii v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003. 167 s.
- 2. Boxanov A. N. Kollekcionery` i mecenaty` v Rossii: istoricheskaya literatura. M.: Nauka, 1989. 192 s.
  - 3. Vernadskij V. I. Stranicy avtobiografii V. I. Vernadskogo. M.: Nauka, 1981. 349 s.
- 4. Gorodeczkaya I. Vozrozhdenie blagotvoritel`nosti v Rossii // Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya. 1997. № 2. S. 131–138.
- 5. Manojlenko K. V. Nagrady` imeni akademika K. M. Be`ra: istoriya osnovaniya, znachenie // Istoriko-biologicheskie issledovaniya. 2014. T. 6. № 1. S. 26–47.
- 6. Mezenin N. A. Laureaty` Demidovskix premij Peterburgskoj Akademii nauk. L.: Nauka, 1987. 208 s.
- 7. Novolodskaya N. G. Mecenatstvo kak sociokul`turny`j fenomen: sushhnost` i sovremennoe sostoyanie: avtoref. ... dis. kand. kul`turol. nauk. M., 2006. 25 s.
  - 8. Otchety' Imperatorskoj Akademii nauk za 1860 god. SPb.: Tip. IAN, 1861. 148 s.
- 9. Polozhenie o nagradax, uchrezhdenny`x 17 aprelya 1831 goda kamergerom P. N. Demidovy`m. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1851. 27 s.
- 10. Prezidentskaya biblioteka. URL: https://www.prlib.ru/item/687744 (data obrashheniya: 11.03.2022).
- 11. Radzeczkaya O. V. Informacionnaya model` rossijskoj blagotvoritel`nosti i mecenatstva // Dajdzhest-finansy`. 2005. № 12 (132). S. 43–48.
- 12. Studenczova E. A. Istoricheskij analiz formirovaniya sistemy` issledovatel`skix grantov vo Francii // Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 4. S. 191–197.
- 13. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka / sost. S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. M.: Russkij yazy`k, 1984. 797 s.
- 14. E`nciklopedicheskij slovar` Brokgauza i Efrona. Tom IV (7). Bitburg Bosxa. SPb.: Semenovskaya Tipolitografiya (I. A. Efrona), 1891. 488 s.

I. A. Belova

FUNDING SCIENTIFIC RESEARCH IN THE PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: LEGAL ASPECTS

Abstract. The article analyzes various aspects of financing and state support of scientific developments. In particular, the concepts of "philanthropy" and "charity", their definitions and interpretations by many famous Russian scientists are considered in a retrospective aspect.

The purpose of the study is to consider the legal regulation of charity and patronage activities in various branches of science in pre-revolutionary Russia.

The methodological basis of the research is general scientific methods of cognition (system analysis, logical) and special legal methods (comparative legal).

The author compares and emphasizes the characteristic features of state support and private initiative for scientific research in a historical perspective, demonstrates their importance in achieving advanced results by many young talented scientists. It is concluded that academic science, research and development are inextricably linked not only with state support, but also with private initiative charity and patronage.

Keywords: law; right; financial support; state; scientific activity; philanthropy; charity; prizes and awards.

Статья поступила в редакцию: 19.12.2021; одобрена после рецензирования: 25.01.2022; принята к публикации: 30.01.2022.

The article was submitted: 19.12.2021; approved after reviewing: 25.01.2022; accepted for publication: 30.01.2022.

УДК 349:681 DOI 10.25688/2076-9113.2022.46.2.06

П. С. Гуляева

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

E-mail: polina-gulyaeva2016@bk.ru

КВАЗИПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию общеправовых аспектов регламентации деятельности самообучающихся систем. Цели работы включают анализ легального определения и доктринального толкования термина «искусственный интеллект». В рамках изучения категории субъекта права рассмотрен дискуссионный вопрос о возможной правосубъектности автономных алгоритмов. Методология основана на формально-юридическом исследовании нормативных правовых актов, регулирующих искусственный интеллект. Новизна темы состоит в том, что в научной литературе отсутствует достаточное количество теоретико-правовых исследований, касающихся вопросов определения последствий функционирования искусственного интеллекта, например способен ли алгоритм отчуждать и приобретать имущество, нести ответственность за свои действия полностью или частично, распоряжаться своими правами. В статье сделан вывод, что концепция квазисубъекта права позволит интегрировать искусственный интеллект в российскую правовую систему и обеспечит с юридической стороны возможности для развития и применения соответствующих технологий.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейросеть; самообучающиеся системы; субъект права; правосубъектность; квазисубъект.

Введение

ктуальность темы обусловлена проблемами регулирования цифрового пространства, в том числе вопросами разграничения ответственности за правонарушения в этой сфере, установления субъекта преступления, рисков нарушения прав человека и экономического ущерба в условиях цифровизации.

Цели и задачи заключаются в исследовании правового положения нейросетей и искусственного интеллекта в российской и мировой практике, включая анализ современных концепций о гипотетической правосубъектности автономных алгоритмов. Новизна определяется необходимостью анализа теоретико-правовых аспектов регламентации деятельности самообучающихся систем и обусловлена свойствами искусственного интеллекта как комплексного феномена, объединяющего технологические и социальные трансформации.

Методология исследования основана на отечественных и зарубежных источниках и включает применение общенаучных и специальных методов, в том числе формально-юридического, сравнительно-правового, экстраполяционного, а также правового моделирования и контент-анализа. Правовая природа искусственного интеллекта исследуется посредством инструментария постклассической правовой теории, включающей социальный, исторический, естественно-правовой, позитивистский контексты [7, с. 11–20; 8, с. 151–180].

Основная часть

Общеправовые проблемы регулирования искусственного интеллекта в России

Правовые документы в сфере регулирования искусственного интеллекта в России разработаны и приняты в срок менее пяти лет и содержат примеры федерального и региональных законодательств, подзаконные акты и регламенты.

В связи с активным обновлением общественных отношений в текстах нередко обнаруживаются юридико-технические недостатки: отсутствие системности в подготовке правовых мер, преимущественно подзаконный характер регулирования, пробелы в нормативных актах и противоречия между ними, дублирование терминов с определениями в различных документах.

В процессе разработки механизмов регулирования искусственного интеллекта нередко обнаруживается дефицит теоретико-правовых исследований. В частности, отмечается необходимость разработки следующих задач:

- совершенствование понятийного аппарата, в частности вопросов разграничения понятий «искусственный интеллект» (включая исследование легальной дефиниции), «нейросеть», «робот», «бот», «дрон», «программный робот»;
- проблема гетерогенности правовых статусов различных технологий самообучающихся систем и роботов, оснащенных искусственным интеллектом;
- методология разграничения ответственности за последствия функционирования самообучающихся алгоритмов, например между разработчиками, операторами и пользователями;
- создание правовой конструкции искусственного интеллекта с учетом особенностей, обусловленных сочетанием качеств субъекта и объекта прав;
- оценка рисков, связанных с попытками конструирования инклюзивной правосубъектности искусственного интеллекта;

– смежные философско-правовые проблемы, касающиеся роли и места самообучающихся систем в объективной реальности и правовой системе.

Легальное и доктринальное понимание термина «искусственный интеллект»

В 2019–2020 годах в федеральном и подзаконном актах (Федеральный закон № 123-ФЗ, ст. 2 пп. 2–3; Указ Президента РФ от 10.10.2019 (далее — Указ № 490), ст. 5, пп. «а»), появились два близких по содержанию определения понятия «искусственный интеллект», которые включают следующие его характеристики:

- комплекс технологических решений;
- способность воспроизвести мыслительные функции человека с сопоставимыми результатами;
- возможность осуществлять самостоятельный поиск решений и работать без заранее заданного алгоритма;
  - наличие программного обеспечения, включая машинное обучение;
- организационно-техническая реализация на базе информационно-коммуникационной инфраструктуры.

До настоящего времени вопрос о признаках и правовом статусе искусственного интеллекта вызывает многочисленные споры в научной и общественной среде. Характеристикой, отличающей искусственный интеллект от других самообучающихся технологий, является, по мнению многих исследователей, способность системы мыслить в условиях автономности, то есть самостоятельно [5, с. 74, 76; 7, с. 67; 1, с. 86, 113; 9, часть XIII, с. 1, 3, 5, 17, 26–36, 66, 68].

Понятие автономности мышления не определяется, но присутствует в российском законодательстве, например в упомянутых выше документах (Указ № 490, ст. 5 п. «в»; Приказ № 392, ст. 5–6¹). В философско-правовом смысле русский философ И. А. Ильин понимает под автономностью самосознание гражданина. И. Кант формулирует автономность как готовность добровольно соблюдать предписанные правила в интересах общего блага. Р. Иеринг предполагает наличие автономности у субъекта, принимающего решение бороться за свое право [2, с. 506–515, 703–708, 865–866, 872–873, 876].

В зарубежной научной литературе содержание понятия «автономность» определяется следующими признаками [10, с. 104]:

– элементы осознания своей субъектности, в частности интеллектуальное самосознание, способность к самообучению, готовность понимать смысл

 $^{^{1}}$ Приказ Министерства экономического развития РФ от 29 июня 2021 г. № 392 «Об утверждении критериев определения принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта» [Электронный ресурс] // Документы системы ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/401554026/ (дата обращения: 01.12.2021).

своих действий и бездействий, выработка неочевидных решений и возможность их осуществлять;

- способность к адаптации;
- самостоятельность и независимость в вопросах перезапуска, включения, отключения системы, возможность блокировать подобные сторонние действия.

Отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении, что автономность программы или робота, применяемых в военной сфере, не может быть полной даже в случае достижения системой ментального равенства с человеком [7, с. 171–172; 10, с. 3, 19, 30–31, 35–36].

Важно добавить, что отличительные характеристики искусственного интеллекта определяются и другими признаками. С точки зрения П. М. Морхата [3, с. 5–8, 65–67], в современных условиях искусственный интеллект также характеризуют следующие свойства:

- виртуальность, в соответствии с которой искусственный интеллект может быть определен как программно-аппаратное средство, включающее информационное содержание помимо реального, физического;
- информационно-коммуникационная система может быть определена как кибернетическая, киберфизическая, а также как биокибернетическая;
- антропоморфность когнитивных действий, саморегуляция, способность к структурированному накоплению информации, в том числе и так называемый генетический поиск, когда первоначальная и последующая информация сохраняются в ранжированном виде, разделенном на различные «поколения» и «родительскую информацию».
- И. В. Понкин и А. И. Редькина относят к характеристикам искусственного интеллекта следующие признаки [4, с. 94–105]:
- помимо кибернетического и биокибернетического, программно-технического содержания имеется также электронное, электромеханическое и гибридное содержание;
- субстантивность как определенная доля субъектности и автономности, включая операционную способность развиваться и самообучаться;
  - высокоуровневые возможности восприятия информации;
- способность коммуницировать внутри своих структурных элементов и за их пределами;
  - способность к самоанализу и саморецензированию.

Зарубежные авторы иначе определяют свойства искусственного интеллекта [9, с. 156–157, 164–165]:

- социализация, при которой искусственный интеллект создается как предсказуемая система, способная принимать разумные с человеческой точки зрения решения;
- качество информации, на которой основана деятельность искусственного интеллекта. Учитывая возможности многоуровневой коммуникации и высокий уровень обработки информации, все, чему обучается система, должно быть корректным и гуманным;

 вариативность и открытость, при которых искусственный интеллект способен самостоятельно ставить цели, выходящие за рамки первоначального задания.

На основании обзора научных точек зрения можно сделать вывод о том, что отечественное легальное определение искусственного интеллекта содержит признаки и свойства, присущие самообучающимся системам в целом. В то же время искусственный интеллект отличается качеством автономности и высоким уровнем коммуникации между собственными элементами и с внешней средой.

Предполагаемая автономность деятельности искусственного интеллекта в отсутствии полноценной правосубъектности создает противоречивую с правовой точки зрения ситуацию не только в случае наступления неблагоприятных последствий, но и позитивных результатов, например это проблема возникновения субъективного права на блага, созданные или приобретенные искусственным интеллектом.

Исследование теоретико-правового содержания понятия «искусственный интеллект» обнаруживает наличие правовой аномалии: такие параметры, как автономность, самостоятельность мотивации, выход за пределы алгоритма, характеризуют признаки субъекта права. При этом вопрос о правосубъектности технологии, по крайней мере в отечественной правовой парадигме, остается дискуссионным.

Правосубъектность искусственного интеллекта: теоретико-правовые аспекты современных концепций

Попытки наделить искусственный интеллект качествами полноценной правосубъектности до настоящего времени оказывались безуспешными, а автономность программ и роботов оставалась фиктивной.

При этом классифицировать самообучаемые алгоритмы исключительно как объект права затруднительно в связи с высокой степенью самостоятельности их действий.

Например, в 2016 году искусственный интеллект вошел в состав совета директоров венчурного фонда Deep Knowledge Ventures.

В 2019 году профессор Райан Эббот заявил, что его отделом были поданы две международные патентные заявки на изобретения, созданные искусственным интеллектом.

В 2021 году робот с искусственным интеллектом «София» продал на платформе Nifty Gateway невзаимозаменяемый токен с изображением, созданным на основе работы итальянского цифрового художника Андреа Боначете; цена сделки по продаже NFT-токена составила более 688 тысяч долларов. Ранее, в 2017-м, проект «София» получил гражданство Саудовской Аравии.

В России и за рубежом существуют несколько точек зрения относительно роли и места искусственного интеллекта в правовой теории. Классификация

типов правосубъектности «цифровых существ» в диапозоне от отрицания до полного принятия предложена в работе Т. Малгана [10, с. 911]:

- «эксклюзивизм» (только биологические люди могут иметь правосубъектность);
- «минимальный инклюзивизм» (цифровые существа могут быть независимыми агентами, но не моральными агентами или лицами);
- «умеренный инклюзивизм» (цифровые существа могут быть моральными агентами, но не равны людям);
- «крайний инклюзивизм» (цифровые существа могут быть полноправными личностями с правами человека и иметь морально значимые интересы).

Проблема правового положения искусственного интеллекта активно исследуется и в отечественной научной литературе. Ю. А. Тихомиров и соавторы предполагают возможность рассматривать в будущем робота как особый субъект права [1, с. 21–42]. В отраслевых исследованиях формулируются компромиссные подходы к правовому статусу искусственного интеллекта, в частности речь идет о правовой конструкции «электронного лица», «агента», «юнита искусственного интеллекта» [3, с. 47, 86–99]. Согласно материалам исследовательского центра «Робоправо» и в соответствии с проектом Международной модельной конвенции о робототехнике 2017 года роботы позиционируются как субъекты права, которые могут самостоятельно вступать в гражданские правоотношения, в том числе выступать собственниками других роботов.

Чтобы определить, применима ли конструкция правосубъектности (правоспособность, дееспособность, деликтоспособность) к самообучающимся системам, предлагается сопоставить теоретико-правовые характеристики категории субъекта права с опциями искусственного интеллекта.

Согласно точке зрения Г. Ф. Шершеневича, субъект права полностью лишен антропологических или естественно-правовых характеристик и вторичен по отношению к государству. В соответствии с естественно-правовой теорией Ж.-Ж. Руссо права и свободы принадлежат субъекту по факту рождения, а государство закрепляет их в форме закона. И. Кант предложил воспринимать субъект права как носителя нравственности, который способен соблюдать нормы права без диктата государства. Г. Ф. Гегель рассматривает правосубъектность как свойство личности, следующей рациональным началам разума. Воля, будучи отличительным признаком субъекта, обозначена в трудах Ф. К. Савиньи в качестве условия возникновения правоотношений. Согласно психологической концепции Л. И. Петражицкого восприятие субъектом закона является определяющим фактором при реализации права [2, с. 376–387, 507, 520–538, 707, 837–839].

Перечисленные концепции отражают различные философско-правовые аспекты правосубъектности, но современные исследования предлагают воспринимать субъект комплексно. По мнению Д. А. Пашенцева, в рамках концепции антропоцентризма субъект права может рассматриваться как центр правовой системы, а действенность закона зависит в большей степени от понимания

нормы, чем от представлений законодателя о регулировании [6, с. 30]. С точки зрения И. Л. Честнова, согласно постклассической теории субъект права обусловлен социальным и историческим контекстом, зависит от государства, которое закрепило его естественные права, и одновременно является творцом правовой реальности [8, с. 391–405].

Представляется возможным сформулировать правовую конструкцию искусственного интеллекта в рамках позитивистской теории: самообучающиеся системы признаются субъектом на основе правовой фикции по аналогии с юридическим лицом.

Концепция И. Канта предполагает невыполнимое для автоматизированной системы условие наличия у субъекта права нравственных качеств.

Точка зрения Г. Ф. Гегеля подразумевает разум и знание как основу правового поведения, что возможно, по крайней мере частично, для автономных самообучающихся алгоритмов.

Концепция исторической школы права позволяет рассмотреть признак автономности в качестве условия об активной воле субъекта.

Психологическая теория демонстрирует, что правосубъектность искусственного интеллекта ограничена, поскольку интуитивное понимание права машиной (то есть без алгоритма) технически неосуществимо.

Антропоцентризм как теория о субъекте права препятствует применению категории правосубъектности к искусственному интеллекту, поскольку учитывает определяющую роль субъективного понимания права в процессе реализации норм и личностные особенности индивида.

В результате можно предположить, что искусственный интеллект обладает частичной дееспособностью, основанной на автономности. При этом у самообучающихся систем ограничена возможность осознавать ценностные аспекты права и способность субъективно воспринимать нормативные предписания, то есть отсутствует правосознание.

По данному вопросу в зарубежной литературе отмечается, что содержание возможной правосубъектности искусственного интеллекта должно характеризоваться не только автономностью мышления, но и способностью иметь морально значимые интересы [10, с. 209].

Таким образом, для признания гипотезы о наличии правосубъектности у искусственного интеллекта нет оснований. В то же время невозможно отнести данную технологию к категории объектов права в связи с высокой степенью ее самостоятельности в принятии решений.

Попытки разрешения теоретико-правовой дилеммы об определении искусственного интеллекта как объекта или субъекта права приводит к возникновению прикладных проблем:

– разграничение ответственности за последствия деятельности между разработчиками оборудования и программного обеспечения, пользователями, технической поддержкой, выгодоприобретателями, клиентами и заинтересованными лицами;

- сложность определения субъекта ответственности за преступления и правонарушения;
- юридико-технические недостатки, возникающие при подготовке текстов документов.

В правовой теории вопрос о наличии признаков субъекта права при отсутствии правосубъектности встречается в исследованиях и вне контекста искусственного интеллекта. В отечественных научных статьях рассматривается концепция квазиправосубъектности. Т. Я. Хабриева определяет непризнанные государства, самопровозглашенные республики, национальные меньшинства и коренные народы как квазигосударственные образования. В. В. Долинская называет транснациональные корпорации, органы юридических лиц, собрания квазиправосубъектными образованиями. С. В. Черниченко обосновывает необходимость определения дефиниции квазисубъектов международного права. Понятия квазиправосубъекта и квазиправосубъектных образований, а также квазигосударственности, квазисудебных функций исследуют В. В. Архипов, Л. А. Бердегулова, П. Н. Лукичев, А. Е. Мыскин, Е. В. Пономарева, А. П. Скорик, Ю. А.Тихомиров, М. В. Филимонова [5, с. 25–33].

Переходный статус самообучающихся систем обусловливает выбор правовой конструкции квазисубъекта права в качестве теоретико-правовой основы регулирования искусственного интеллекта.

Концепт квазиправосубъекта как теоретико-правовая основа регулирования искусственного интеллекта

Программы и устройства, созданные с применением искусственного интеллекта, характеризуются разнообразием вариантов исполнения и могут существенно отличаться друг от друга. К технологиям искусственного интеллекта относят, например, компьютерное распознавание визуальных объектов и речи, перевод документов в машиночитаемый вид, автоматизацию управленческих процессов (Приказ № 392, ст. 4).

При изучении вопросов правового обеспечения деятельности искусственного интеллекта выявлено несколько моделей регулирования:

- конструкция, основанная на правовой фикции, по аналогии с концепцией юридического лица;
- новый вид субъекта с ограниченной право- и дееспособностью, называемого электронным лицом или агентом;
- конструкция так называемого юнита искусственного интеллекта для отраслевых задач гражданского, предпринимательского, финансового и, возможно, уголовного права;
- разновидность инклюзивной правосубъектности по образцу физического лица, но с ограничениями в части юридической ответственности.

Отмечено, что искусственный интеллект не обладает в полной мере качествами субъекта права даже в случаях, когда его когнитивные способности превосходят человеческие; при этом правовая конструкция объекта не отвечает возможностям самообучающихся систем.

Выводы

Таким образом, искусственный интеллект не является полноценным субъектом не только вследствие недостатков в области автономного мышления, но и по причине отсутствия способности воспринимать право на уровне, сравнимом с человеческим, то есть пока у машины еще не появилось правосознание.

Способность искусственного интеллекта к автономности и мотивации в своей деятельности характеризует искусственный интеллект как особый тип квазиправосубъекта.

При подготовке правовой конструкции регулирования искусственного интеллекта в форме квазиправосубъекта сформулированы следующие теоретико-правовые характеристики:

- признаки искусственного интеллекта как квазисубъекта права;
- критерии применимости конструкции квазисубъекта права в конкретном случае;
- особенности разграничения правосубъектности и квазиправосубъектности.

Искусственный интеллект, несмотря на отсутствие полноценной правосубъектности, демонстрирует следующие признаки субъекта права:

- способность приобретать права, в первую очередь имущественные;
- возможность принять ограниченный объем ответственности за последствия своих действий;
- возможна дееспособность в рамках отработанных алгоритмов самообучения.

Применимость концепции квазиправосубъектности к искусственному интеллекту характеризуется следующими чертами:

- социальная и правовая значимость квазиправосубъекта, то есть способность технологии влиять на общественные отношения, становится причиной и поводом возникновения, изменения или прекращения правоотношения;
- признание квазиправосубъекта органами государственной власти, средствами массовой информации, профессиональными сообществами и другими институтами гражданского общества;
- технология искусственного интеллекта как квазиправосубъект обладает одним или несколькими признаками полноценной правосубъектности, но никогда не имеет полного набора (правоспособность, дееспособность, деликтоспособность).

В части разграничения правосубъектности и квазиправосубъектности актуальны следующие критерии:

- по признаку дееспособности: возможность своими целенаправленными действиями осуществлять субъективные права и приобретать обязанности;
- по признаку деликтоспособности: в случае наступления неблагоприятных последствий способность реагировать на случившееся в правовом поле;

- по признаку наличия или отсутствия правового поведения и правосознания: возможность осознавать границы, за которыми начинается правонарушение, и гибко реагировать на изменения таких рамок, адаптироваться к ним;
- по признаку обособленности: наличие имущественной и организационной самостоятельности.

В статье рассмотрена концепция квазисубъекта права, адаптированная к задачам право- и нормотворчества в сфере регулирования искусственного интеллекта.

В условиях цифровой трансформации вопросы ответственности за последствия деятельности самообучаемых систем являются предметом споров и дискуссий. Свойства искусственного интеллекта сочетают противоположные качества объекта и субъекта права, что затрудняет определение лиц, ответственных за правонарушение, потерпевших от противоправных действий, выгодоприобретателей и иных.

Концепция квазисубъекта права применительно к тематике самообучающихся технологий позволит интегрировать искусственный интеллект в российскую правовую систему и обеспечит возможности для развития и применения подобных технологий в рамках закона.

Литература

- 1. Антонова Н. В. Юридическая концепция роботизации: монография / Н. В. Антонова [и др.]; отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. 240 с.
- 2. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 4-е изд. М.: Норма, 2004. 944 с.
- 3. Морхат П. М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование. М.: ЮНИТИ, 2018. 113 с.
- 4. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
- 5. Пономарева Е. В. Феномен квазисубъекта права: вопросы теории: монография / под ред. С. И. Архипова. М.: Юрлитинформ, 2020. 154 с.
- 6. Пашенцев Д. А. Правосубъектность в современной теории права // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся. М.: Статут, 2017. 434 с.
- 7. Пашенцев Д. А. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д. А. Пашенцев [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д. А. Пашенцева. М.: ИНФРА-М, 2019. 234 с.
- 8. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб.: АЛЕФ-Пресс, 2012. 649 с.
- 9. Encyclopedia of Artificial Intelligence: The Past, Present, and Future of AI. Philip L. Frana and Michael J. Klein, Editors. Santa-Barbara, California. ABC-Clio, LLC. 2021. 387 p.

10. Tim Mulgan. Corporate Agency and Possible Futures. Journal of Business Ethics (2019). Vol. 154. Iss. 4. P. 901–916.

Literatura

- 1. Antonova N. V. Yuridicheskaya koncepciya robotizacii: monografiya / N. V. Antonova [i dr.]; otv. red. Yu. A. Tixomirov, S. B. Nanba. M.: Prospekt, 2019. 240 s.
- 2. Istoriya politicheskix i pravovy`x uchenij: uchebnik dlya vuzov / pod obshh. red. V. S. Nersesyancza. 4-e izd. M.: Norma, 2004. 944 s.
- 3. Morxat P. M. Pravosub``ektnost` yunitov iskusstvennogo intellekta. Grazhdansko-pravovoe issledovanie. M.: YuNITI, 2018. 113 s.
- 4. Ponkin I. V., Red`kina A. I. Iskusstvenny`j intellekt s tochki zreniya prava // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2018. T. 22. № 1. S. 91–109.
- 5. Ponomareva E. V. Fenomen kvazisub``ekta prava: voprosy` teorii: monografiya / pod red. S. I. Arxipova. M.: Yurlitinform, 2020. 154 s.
- 6. Pashencev D. A. Pravosub``ektnost` v sovremennoj teorii prava // Pravosub``ektnost`: obshheteoreticheskij, otraslevoj i mezhdunarodno-pravovoj analiz: sbornik materialov k XII Ezhegodny`m nauchny`m chteniyam pamyati professora S. N. Bratusya. M.: Statut, 2017. 434 s.
- 7. Pashencev D. A. Cifrovizaciya pravotvorchestva: poisk novy`x reshenij: monografiya / D. A. Pashencev [i dr.]; pod obshh. red. d-ra yurid. nauk, prof. D. A. Pashenceva. M.: INFRA-M, 2019. 234 s.
  - 8. Chestnov I. L. Postklassicheskaya teoriya prava. SPb.: ALEF-Press, 2012. 649 s.
- 9. Encyclopedia of Artificial Intelligence: The Past, Present, and Future of AI. Philip L. Frana and Michael J. Klein, Editors. Santa-Barbara, California. ABC-Clio, LLC. 2021. 387 p.
- 10. Tim Mulgan. Corporate Agency and Possible Futures. Journal of Business Ethics (2019). Vol. 154. Iss. 4. P. 901–916.

P. S. Gulyaeva

QUASI-LEGAL PERSONALITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS

Abstract. The article is devoted to the study of general legal aspects of the regulation of the activities of self-learning systems. The objectives of the work include the analysis of the legal definition and doctrinal interpretation of the term "artificial intelligence". As part of the study of the category of the subject of law, the debatable issue of the possible legal personality of autonomous algorithms is considered. The methodology is based on a formal legal study of normative legal acts regulating artificial intelligence. The novelty of the topic lies in the fact that the scientific literature lacks a sufficient number of theoretical and legal studies related to the issues of determining the consequences of the functioning of artificial intelligence; for example, whether the algorithm is able to alienate and acquire property, to be responsible for its actions in fully or partly, to dispose of the rights. The article concludes that the concept of a quasi-subject of law as applied will allow to integrate artificial

intelligence into the Russian legal system and to provide an opportunity for the development and application of relevant technologies.

Keywords: artificial intelligence; neural network; self-learning systems; subject of law; legal personality; quasi-subject.

Статья поступила в редакцию: 13.12.2021; одобрена после рецензирования: 09.01.2022; принята к публикации: 11.01.2022.

The article was submitted: 13.12.2021; approved after reviewing: 09.01.2022; accepted for publication: 11.01.2022.

УДК 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.46.2.07

В. С. Кононов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

E-mail: vs kononov@rambler.ru

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ОТНОШЕНИЯХ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты отношений собственности во взаимосвязи с правосубъектностью лица и другими правовыми средствами обеспечения публичных интересов, анализируются подходы к понятию правового интереса и природе публичного интереса, исследуются особенности правовых средств обеспечения публичных интересов в разных юрисдикциях. Использованы общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. Среди специальных юридических методов приоритет отдавался формально-юридическому, компаративному и системно-структурному методам. Сопоставлено публичное право ряда зарубежных государств в контексте закрепления публичного интереса. Сделан вывод, что правовые средства обеспечения публичного интереса образуют развивающуюся систему, в которую входят правосубъектность и компетенция публичных органов власти, правовые нормы, определяющие публичную собственность, правоотношения и другие средства.

Ключевые слова: собственность; публичный интерес; правовые средства обеспечения; правосубъектность; компетенция.

Введение

а всех этапах своего исторического развития государство вовлечено в отношения собственности. Это связано как с публичной собственностью, которая является условием осуществления публичных функций, так и с регламентацией частной собственности с учетом публичных интересов. В современных условиях актуальность изучения публичной собственности и обеспечения публичных интересов обусловлена потребностью преодоления кризиса капиталистического уклада и определения путей развития общества.

Собственность и государство обоснованно признаются вечными теоретическими проблемами, несмотря на огромное число научных исследований, посвященных им. Исключительную важность отношений собственности для существования общества и организованной в нем публичной власти

отражает высший уровень правового закрепления права собственности — нормы конституции. Научное изучение отношений собственности важно, так как в них отражаются наиболее существенные правовые качества субъекта права. Предметом настоящей статьи являются публичные интересы в отношениях собственности и особенности правовых средств их обеспечения. Сложность отношений собственности требует рассмотрения отдельных аспектов понятия.

В социологическом плане собственность обеспечивает устойчивость общества. Частные взаимодействия в отношениях собственности предстают как произвольное усмотрение лиц, но они формируют общество как открытую социальную систему и упорядочивают ее. С экономических позиций собственность определяет привлекательность определенных способов поведения лица, ее существо состоит в признании обществом привилегированного положения собственника при использовании какого-либо ресурса.

С правовых позиций собственность имеет природу частного отношения, она отражает связь индивида с конкретной вещью. Отражение отношений собственности в правовой сфере, формирование правового понятия являются сложными теоретическими проблемами. В римском праве имелось два термина для характеристики отношений принадлежности вещи, но понятие собственности не было сформулировано. Средневековая юриспруденция предложила несколько подходов к определению собственности, которые относили ее к правовым явлениям. Это сформировало искаженный взгляд на проблему, так как собственность не является следствием правового регулирования.

Основное исследование

Нельзя назвать обоснованным сложившееся в научной литературе представление о праве собственности как наборе правомочий. Существо собственности не раскрывалось через них в римском праве, они были выделены средневековыми комментаторами. Это было упрощением теоретической проблемы. В правомочиях проявляется сущностное качество собственности, которое, по мнению Д. В. Дождева [5, с. 341], не может быть выражено в юридических понятиях, так как качество собственности предшествует частным отношениям.

Определение собственности через понятие «власть» было сформировано средневековой юриспруденцией; понимание сущности собственности как неограниченной возможности собственника по отношению к вещи является ложным. Трактовка собственности как абсолютной принадлежности вещи не затрагивает сущности рассматриваемого явления. Признак абсолютности права собственности до настоящего времени не имеет единого понимания в доктрине, можно отметить основные подходы: (1) это — наиболее широкие возможности при осуществлении права собственности, (2) возможность предъявления иска к любому лицу, совершающему посягательство на вещь.

Понимание права собственности как наиболее полного права на вещь является оборотной трактовкой отношений, оно согласуется таким с определением собственности, как присвоение. Г. Гегель выделил сущностную черту собственности: абсолютное право человека на присвоение всех вещей путем вложения в них своей воли, присвоение есть доведение до сведения всех господства воли человека над вещью [4, с. 103].

В отечественной науке в советский ее период преобладал подход, основанный на марксистском понимании собственности как присвоении естественных условий природы и труда. Этот экономический взгляд на собственность может быть согласован с таким философским пониманием существа собственности, как продолжение в вещах личности субъекта [7, с. 432]: человек упорядочивает и преобразовывает внешний мир, изменяет его по своему подобию, что является целью присвоения. В настоящее время сохранился подход, что право собственности опосредует экономические отношения собственности, но он не отражает существа собственности. Выделение экономической сущности и правовой формы делает важным вопрос о соотношении экономического и правового понятий собственности. А. В. Венедиктов обосновывал точку зрения о необходимости их разграничения [3, с. 29 и др.]. С. Н. Братусь высказал позицию о едином понятии, а С. С. Алексеев писал о тождественности экономического и правового понятий [2, с. 25]. Юридическое понятие собственности устанавливает правовые формы присвоения, определяет, в интересах какого субъекта и по воле кого это происходит; его объем меньше экономического понятия, так как охватывает только часть интересов лица.

Понятие «право собственности» имеет одно содержание для всех субъектов права, имеющих разные интересы (частные или публичные). Оно по-разному раскрывается в законодательстве. В России закреплена триада правомочий, в зарубежных правопорядках к признакам права собственности относят осуществление собственником правомочий «по своему усмотрению», абсолютное господство над вещью и др. Право собственности предоставляет наиболее широкие возможности по отношению к вещи, но осуществление их собственником происходит с учетом предусмотренных ограничений, что признается существенным признаком права собственности. Легальные определения права собственности не позволяют раскрыть сущность собственности, так как ее содержание связано с социальными качествами личности собственника.

Отметим опасность для единства института собственности, содержащуюся в понятии «форма собственности», закрепленном в законодательстве. Оно близко к праву-привилегии и отражает идею определяющего влияния публичной власти на содержание права собственности. Государственная собственность является формой фиксации «достояния» и имеет черты властного ведения, что отличает ее содержание от частной собственности [1, с. 50]. Выделение различий в содержании права ведет к разрушению единого института собственности.

Определение собственности через правомочия не раскрывает сути отношений собственности и содержание понятия, не позволяет охватить все правовые

интересы собственника. В доктрине нет единого мнения о количестве правомочий собственника. Использование концепции правомочий сложно рассматривать как развитие теории. Выделение правомочий собственника в римском праве проводилось до начала научной разработки понятия собственности, Ульпиан, например, отвергал перечисление состава собственности. Правомочия собственника ослабляют суверенность собственника и идею собственности. В отечественной доктрине сложились другие подходы к определению понятия: 1) собственность есть воплощение свободы индивида и характеристика присвоенности вещи; 2) собственность представляет собой характеристику отношений между людьми по поводу вещи.

В доктринах европейских стран общим является понимание собственности как исключительного контроля над конкретными объектами. Наряду с этим применяется ценностная концепция права собственности. С конца XIX века в западной доктрине собственность рассматривается как одно из направлений обеспечения публичного благоденствия, а не как естественное право человека.

Если смотреть с философско-правовых позиций, то в отношениях собственности публичное находится на службе индивидуального. Однако в большинстве современных правопорядков публичные интересы влияют на объем предоставленных собственнику правомочий и на признание отдельных частных интересов путем установления целевого характера использования объекта, возложения на собственника дополнительных обязанностей или ограничений. Автономная сфера господства лица над вещью противостоит общественным интересам. Поэтому ученые пишут о важности отражения в конституции этой принятой обществом ценности, так как собственность в обществе выполняет свою важную социальную функцию [11, с. 141].

Из приведенных выше положений можно сделать вывод: понятие должно опираться не на правомочия, а на глубинные основания — на связь личности и служащих ей объектов материального мира, так как условием формирования лица в обществе является присвоение вещи, а основание и назначение собственности лежат в правовом положении лица. Автор поддерживает точку зрения, что правовое понятие не может раскрыть существо собственности, и предлагает следующее правовое понимание отношений собственности: это признанная с учетом публичных интересов форма индивидуального или коллективного присвоения предметов внешнего мира, обеспечивающая автономию субъекта и формирующая его правовую личность, признание его интереса и воли по отношению к этим предметам.

В определении отражено, что публичные интересы определяют содержание понятия. Для доктрины понятие «интерес» оказалось не менее сложным, чем понятие «собственность». Было сформировано несколько концепций. Понятие относится к базовым, общенаучным, поэтому необходимо учитывать отдельные аспекты его смысла.

В объективной концепции (философский подход) интерес определяется как направленность внимания человека на различные объекты, интерес связан

с бытием и не сводится к сознанию или воле. В субъективной концепции (психологический подход) интерес раскрывается через понятие «потребность»; в праве интерес характеризуется как явление, сформированное под влиянием сознания, идеологии и т. д. Неоднозначность понимания интереса в психологии, когда он или отождествляется с умственной деятельностью, или выводится из природы человеческой воли, затрудняет выбор смысла, который может быть заимствован правом. Имеются существенные различия в подходах этих наук. В психологии интерес связывается с сознанием — сложной формой отражения действительности, поэтому интерес может быть только у человека. Психический процесс, протекающий у индивида, является единичным, тогда как для права важно общее, которое можно включить в нормативную систему как типизированное. Если в психологии понимание интереса близко к побуждению и направленности личности, то в праве существо интереса раскрывается как средство удовлетворения потребности. Смешанная концепция интереса признает одновременное существование как субъективных, так и объективных интересов.

Полагаем возможным использовать предложенное в доктрине понимание сущности правового интереса как типизированного результата юридически значимой деятельности, а не как субъективный процесс осознания субъектом индивидуальной потребности, признаваемой правом. Общее, или типичное, закрепленное в норме права, определяет содержание интереса, оно становится основанием для осознания потребности, которая удовлетворяется с помощью правовых средств и обеспечивается государством. Такой подход учитывает психологическое понимание сознания и правовой признак интереса — возможность требовать правовой защиты. Если осознание человеком своих потребностей происходит без определенного в праве содержания интереса, то формируется определенная нацеленность психики, для которой мотив признается причиной деятельности, он обладает смыслом и запускает деятельность человека, а цель определяет ее направленность.

В праве интересы проявляются в разных конструкциях: субъективном праве и «законном интересе», правовых принципах и правоотношении, нормах о правосубъектности и компетенции. Для характеристики объективности правового интереса в доктрине указывается его правовая форма — общерегулятивное правоотношение. Интерес в праве не является разновидностью социального интереса, это самостоятельное явление, поэтому частные и публичные интересы в праве имеют одну природу.

Интересы публичных образований как понятие активно используется в отечественном законодательстве с 60-х годов прошлого столетия. Ю. А. Тихомиров определяет публичный интерес как признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого необходимо для существования и развития общности [9, с. 59]. Без его удовлетворения невозможно, с одной стороны, реализовать частные интересы, а с другой стороны, обеспечить устойчивость государства и общества, их нормальное развитие.

В доктрине нет единой точки зрения на процесс формирования публичного интереса. Он не является ни механическим сложением осознанной каждым человеком необходимости в удовлетворении потребности, ни компромиссом, ни согласованием интересов части населения. Перспективным для решения рассматриваемого вопроса может стать понятие «общее благо». Если последнее понимать как общее для всех лиц, благо всех и каждого, то это не приведет к отрицанию различий в индивидуальных потребностях или к их соподчинению. В общем благе представлено то, что объединяет различия частного [6, с. 99].

В праве затруднительна исчерпывающая конкретизация публичных интересов в отношениях собственности. Только отдельные его элементы выделены в нормах-принципах конституционного права: пользование собственности должно служить не только частному, но и общему благу, у собственности есть социальные функции, природные ресурсы принадлежат нации или государству и др.

Приведенные соображения позволяют определить публичный интерес в отношениях собственности как использование субъектами права объектов собственности в соответствии с общим благом, выполнение собственностью социальных функций.

Осуществление правового интереса происходит в системе правовых средств — юридических норм, правоотношений, актов и т. д. [2, с. 150–151]. Отдельные правовые средства могут устанавливать правовые режимы, которые гарантируют использование других правовых средств. В литературе предложено несколько подходов к определению понятия «правовое средство». Все они раскрывают его сущность как реакцию субъекта на необходимость преодоления препятствий для достижения определенной цели. Правовое средство — это установления для обеспечения достижения социальных целей и удовлетворения потребности субъекта права.

Все правовые средства выполняют функцию обеспечения интересов субъекта права. В обобщенном понимании термин «обеспечение» означает воздействие на отношения для их упорядочения и развития. Такому пониманию соответствует широкий смысл определения как возможности получения благ для удовлетворения потребностей. К правовым средствам, которые используются для обеспечения публичных интересов в отношениях собственности, можно отнести: 1) общие средства — правовые нормы, правоотношения, правосубъектность, компетенцию; 2) специальные средства — правовые режимы реализации разных видов собственности (публичная, частная и т. д.).

Обеспечительная функция правовой нормы связна с моделью взаимоотношений субъектов, которая в ней заложена. В правоотношении эта модель воплощается, создаются возможности для удовлетворения потребностей.

Правосубъектность является важным средством обеспечения публичных интересов, хотя само это понятие не используется в отечественном законодательстве. Оно было введено в зарубежную доктрину в начале прошлого столетия административистами (О. Мейер, Ф. Флайнер) и воспринято некоторыми отечественными учеными (А. В. Венедиктов, С. Н. Братусь и др.).

Продолжительный период ведущие теоретики обсуждали вопросы, связанные с сущностью и содержанием понятия. В настоящее время признано, что правосубъектность является важным элементом любой правовой системы [12, с. 2], но перечисленные теоретические вопросы остаются нерешенными [8, с. 31].

Правосубъектность является средством определения круга субъектов права и описания особого свойства — способности быть носителем прав и юридических обязанностей. В отечественной доктрине с позиции классической рациональности было предложено более десятка подходов к раскрытию понятия. Это породило огромное число теоретических вопросов. Поэтому к проблеме правосубъектности необходимо подходить с иными основаниями науки: учитывать существование особого диалога, в котором субъекты соотносят свои интересы и потребности [Там же, с. 34]. С позиции постклассической теории права, признающей субъект права центром правовой системы, правосубъектность является комплексной характеристикой места субъекта в правовом диалоге [Там же, с. 29, 35]. Правосубъектность представляет собой динамическую систему трех элементов: право-, дее- и деликтопособности.

Возможность обладания объектами на основании права собственности формирует «полноценную» правосубъектность. Конституционный суд РФ высказал правовую позицию, что публичные органы имеют властную природу, в силу этого их правосубъектность является по природе публичной, она отличается от правосубъектности иных лиц и не сводится к частноправовой правосубъектности (юридическое лицо). Для них главными являются властные отношения, а отношения собственности, построенные на равенстве, — вспомогательными. В государствах романской группы органы государства имеют особую правосубъектность, они не относятся к публичным учреждениям и не обладают правами юридического лица. Они являются собственниками имущества, но их правоспособность ограничена в отношении имущества, обеспечивающего общественно значимые интересы. В отдельных странах публичное имущество предоставлено органам власти на праве узуфрукта. В отечественном законодательстве органы власти не могут быть собственниками, что приводит к редуцированию их статуса, для них предусмотрено специальное вещное право.

Публичный интерес не заключается в активном участии публичного образования в обороте объектов собственности, он состоит в создании стабильного состава имущества — основы осуществления публичных функций. Публичные интересы в отношениях собственности обеспечиваются рядом требований: соответствие предоставленного органу власти имущества осуществляемым им функциям; объем специальной правоспособности органов в отношениях собственности должен быть обусловлен функциями публичного образования; обязательно соблюдение целей и порядка осуществления публичной собственности, определение органов, на которые возложено исполнение обязанностей собственника, определение оснований и процедур совершения сделок с объектами собственности; поддерживается соблюдение принципов управления

публичной собственностью (целевое назначение имущества — для обеспечения публичного интереса в использовании имущества в интересах всего общества, равный доступ к публичному имуществу общего пользования и др.); учет воли государства, закрепленной в законодательстве, при использовании имущества и при реализации органами власти своей компетенции и др.

Выводы

Институт компетенции публичных органов власти обеспечивает публичные интересы в отношениях собственности. Сущность компетенции состоит в возложении на уполномоченный субъект определенного объема публичных дел [10, с. 55]. Отметим, что содержание понятия «компетенция» вызывает не меньше споров, чем правосубъектность. Разные подходы ученых с разных сторон раскрывают сущность явления. Понятие отражает легальные способы осуществления публичных функций, оно включает совокупность субъективных прав, обязанностей и полномочий органа на совершение властных действий, а также круг его дел. Необходимо признать сложность структуры понятия. К компетенционным элементам понятия относятся нормативно установленные цели, юридически определенные сферы и объекты воздействия, властные полномочия [Там же, с. 55–56]. Каждый из этих выделенных элементов компетенции по-своему обеспечивает публичные интересы.

Специальные средства обеспечения публичных интересов в отношениях собственности прежде всего касаются определения публичной собственности. Можно выделить несколько доктрин публичной собственности. Романская доктрина (Франция, Италия, Испания, Португалия, Греция) предусматривает выделение ее как самостоятельное понятие. В германской доктрине (Германия, Австрия, Швейцария) произошел отказ от понятия «публичная собственность», но обосновывается понятие «модифицированная собственность».

В континентальных правопорядках к отношениям по формированию публичной собственности, управлению объектами собственности, приобретению или отчуждению имущества применяется публичное право. Во Франции основой доктрины публичной собственности является деятельность субъекта публичного права в общих интересах («публичная служба»), проводимая в следующих формах: предоставление объектов публичной службе для оказания публичных услуг, коллективное и индивидуальное пользование имуществом. В Германии публичные вещи находятся в собственности, которая регулируется путем установления своего административно-правового режима в едином режиме собственности, при этом право частной собственности включает нормы публичного права. Понимание публичной собственности как блага, которое предназначено для всеобщего пользования, неотчуждаемо и не служит для извлечения доходов, вытеснено концепцией публичной службы — обязательной деятельности публичных органов во всеобщих интересах.

Приведенные выше положения позволяют рассматривать публичный интерес в отношениях собственности как определенный в праве типизированный результат — использование собственности для общего блага. Концепция общего блага определяет развитие всех правовых средств обеспечения публичного интереса. Такие средства образуют систему, в нее входят правосубъектность и компетенция публичных органов власти, правовые нормы, определяющие публичную собственность, правоотношения и другие средства. Эта система находится в развитии.

Литература

- 1. Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 240 с.
- 2. Алексеев С. С. Основные вопросы общей теории социалистического права / С. С. Алексеев // Собр. соч.: в 10 т. М.: Статут, 2010. Т. 3. Проблемы теории права: курс лекций. 781 с.
- 3. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 839 с.
  - 4. Гегель Г. Философия права. M.: Мысль, 1990. 524 c.
- 5. Дождев Д. В. Римское частное право: учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 1996. 685 с.
- 6. Нерсесянц В. С. Философия права: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 848 с.
- 7. Соловьев В. С. Оправдание добра / В. С. Соловьев // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. 892 с.
- 8. Пашенцев Д. А. Правосубъектность в современной теории права // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ. Сборник материалов к XII Ежегодным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / В. Ф. Яковлев [и др.]. М.: Статут, 2017. С. 29–35.
  - 9. Тихомиров Ю. А. Публичное право: учебник. М.: БЕК, 1995. 496 с.
  - 10. Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. М.: Юринформцентр, 2001. 355 с.
- 11. Хабриева Т. Я. Теория конституции / Т. Я. Хабриева // Избр. труды: в 10 т. М.: Норма, 2018. Т. 7. 540 с.
- 12. Хабриева Т. Я. Введение // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ. Сборник материалов к XII Ежегодным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / В. Ф. Яковлев [и др.]. М.: Статут, 2017. С. 21–28.

Literatura

- 1. Alekseev S. S. Pravo sobstvennosti. Problemy` teorii. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2010. 240 s.
- 2. Alekseev S. S. Osnovny'e voprosy' obshhej teorii socialisticheskogo prava / S. S. Alekseev // Sobr. soch.: v 10 t. M.: Statut, 2010. T. 3. Problemy' teorii prava: kurs lekcij. 781 s.
- 3. Venediktov A. V. Gosudarstvennaya socialisticheskaya sobstvennost`. M., L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1948. 839 s.
  - 4. Gegel' G. Filosofiya prava. M.: My'sl', 1990. 524 s.

- 5. Dozhdev D. V. Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik dlya vuzov. M.: INFRA-M, 1996. 685 s.
- 6. Nersesyancz V. S. Filosofiya prava: uchebnik dlya vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2016. 848 s.
- 7. Solov'ev V. S. Opravdanie dobra / V. S. Solov'ev // Soch.: v 2 t. M.: My'sl', 1988. T. 1. 892 s.
- 8. Pashencev D. A. Pravosub``ektnost` v sovremennoj teorii prava // Pravosub``ektnost`: obshheteoreticheskij, otraslevoj i mezhdunarodno-pravovoj analiz. Sbornik materialov k XII Ezhegodny`m chteniyam pamyati professora S. N. Bratusya / V. F. Yakovlev [i dr.]. M.: Statut, 2017. S. 29–35.
  - 9. Tixomirov Yu. A. Publichnoe pravo: uchebnik. M.: BEK, 1995. 496 s.
  - 10. Tixomirov Yu. A. Teoriya kompetencii. M.: Yurinformcentr, 2001. 355 s.
- 11. Xabrieva T. Ya. Teoriya konstitucii / T. Ya. Xabrieva // Izbr. trudy`: v 10 t. M.: Norma, 2018. T. 7. 540 s.
- 12. Xabrieva T. Ya. Vvedenie // Pravosub``ektnost`: obshheteoreticheskij, otraslevoj i mezhdunarodno-pravovoj analiz. Sbornik materialov k XII Ezhegodny`m chteniyam pamyati professora S. N. Bratusya / V. F. Yakovlev [i dr.]. M.: Statut, 2017. S. 21–28.

V. S. Kononov

LEGAL MEANS TO ENSURE PUBLIC INTERESTS IN PROPERTY RELATIONS

Abstract. The article discusses the theoretical aspects of property relations in connection with the legal personality of a person and other legal means of ensuring public interests, analyzes approaches to the concept of legal interest and the nature of public interest, and examines the features of legal means of ensuring public interests in different jurisdictions. General scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction are used. Among special legal methods, priority was given to formal legal, comparative and system-structural methods. The public law of a number of foreign states is compared in the context of securing public interest. It is concluded that the legal means of ensuring public interest form a developing system, which includes the legal personality and competence of public authorities, legal norms that define public property, legal relations and other means.

Keywords: property; public interest; legal means of ensuring; legal personality; competence.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2021; одобрена после рецензирования: 25.01.2022; принята к публикации: 30.01.2022.

The article was submitted: 15.12.2021; approved after reviewing: 25.01.2022; accepted for publication: 30.01.2022.

УДК 340

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.46.2.08

Т. Б. Крупнова

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

E-mail: black_rose_1994@mail.ru

СВОБОДА ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПРАВОТВОРЧЕСТВА НАРОДА

Аннотация. В статье на основе анализа понятий «воля» и «волеизъявление» рассматривается содержание понятия «свобода волеизъявления». Дается характеристика его природы, конструкции и признаков. Исследуется соотношение конструкций «свобода воли» и «свобода волеизъявления». Представлены обстоятельства, доказывающие, что свобода волеизъявления относится к числу факторов правотворчества. Обосновывается утверждение, что свобода волеизъявления — это фактор правотворчества народа (участника референдума), и представляет она собой сложную, многоуровневую конструкцию со множеством связей внутреннего и внешнего характера. Методология исследования включает стандартный для современной юриспруденции набор специальных юридических методов, прежде всего формально-юридический метод. В контексте междисциплинарного синтеза использована методология психологической науки, что связано с исследованием понятия «воля».

Ключевые слова: свобода воли; свобода волеизъявления; факторы правотворчества; правотворчество народа; референдум.

Введение

стория человечества наглядно демонстрирует периодическую доминанту новых вызовов, которые либо потрясают общество и порождают кризисные периоды, либо приводят к резким прогрессивным рывкам в развитии. Сложно соизмерять появление таких вызовов только с объективными или субъективными факторами социального роста, революциями и контрреволюциями, научными открытиями и техническими революциями, природными катаклизмами, пандемиями и др.

В этой связи любопытны наблюдения Г. В. Мальцева, который значительную часть своих трудов посвятил исследованию природы права, его антропологическим началам. В свое время он справедливо заметил: «Наш постоянно обновляющийся и вечно незавершенный мир движется в бесконечном ритме чередования начальных и конечных фаз бытия, конец влечет начало, закат предвещает восход, упадок сменяет расцвет, смерть утверждает жизнь,

разрушающийся порядок переходит в хаос, а из хаоса вновь образуется порядок. Царят и верховодят в этом вечном движении силы бытия, разнообразные энергии, которые в точках, означающих конец фазы, заново соединяются, принимая другие облики и формы» [3, с. 9].

Действительно, в настоящее время наблюдается необходимость переосмыслить некоторые сферы человеческого бытия с целью возврата к ценностям, цементирующим общество. К таковым, по нашему мнению, относится соборность народа, в основе которой находится способность сообща решать наиболее важные, судьбоносные вопросы развития цивилизации. В современную эпоху наблюдается трансформация соборности в правотворчество народа. Именно правотворчество народа может существенно облегчить работу любого парламента в решении наиболее сложных проблем, которые в числе других следует назвать вызовами. Но здесь возникает ряд вопросов: насколько же волен народ в принятии таковых «законоустановлений»? Какова степень свободы волеизъявления народа фактором правотворчестве? И является ли свобода волеизъявления народа фактором правотворчества?

Основное исследование

Начиная с первобытного состояния, человеческое общество искало формы обустройства своего общежития. Тезис о тысячелетнем молчании масс как творцов права должен восприниматься сейчас критически или даже отвергаться. Мы можем утверждать, что до появления государства важнейшим и, пожалуй, единственным субъектом нормотворчества был народ, а его продуктом деятельности в этой сфере было обычное право. И если древнее право возникло в результате длительной жизненной практики, когда сама жизнь диктовала необходимость следовать проверенным правилам, исключающим какие-либо вероятности неблагоприятного исхода действий с возможностью материальных и людских потерь, то современное непосредственное правотворчество народа в большинстве случаев сведено только к референдуму. И тем не менее само правотворчество здесь сопряжено с выражением индивидуальной воли, а свобода волеизъявления представляется как сложная юридическая конструкция, наполненная специфическим содержанием.

Понятие «воля» имеет многогранное прочтение. Это подтверждает многовековой опыт не только изучения категории «воля», но и реальное увеличение диапазона попыток создать инструменты управления ею. И если первые опыты таких исследований затрагивали более понятие «душа», то впоследствии воля становится обязательной категорией для конструирования поведенческого интереса и мотивации действий людей и прогнозирования их результатов. Здесь воля возводится в вершину психологической адаптации человека к действительности.

В последнее время волю справедливо относят к универсальным категориям. Хотя существовало устойчивое мнение, что категория «воля» относится

исключительно к области психологии, где изучение поведенческих особенностей человека непосредственно основывалось на исследовании волевых установок. От подобного понимания воли предостерегал Г. В. Мальцев. С таким мнением трудно согласиться. Если общее суждение о воле можно в полной мере использовать для изучения психологических факторов или биологических моделей психологии, то современные научные школы волю ассоциируют с действиями, которые имеют целевую, мотивированную основу, где право зримо образует фундамент волевой конструкции. Более того, право априори формирует направленность волевых устремлений.

Действительно, воля является категорией различных наук: психологических, философских, медицинских, социальных и др. Как юридическое понятие она имеет глубокие исторические корни, но сравнительно недавнюю научную «культивацию» и внедрение в правоустанавливающие документы. В первую очередь «воля» как правовая категория была востребована цивилистикой. Эта тенденция остается доминирующей и в настоящее время. Большинство исследований этой категории, изложенных на уровне статей и монографий, относится к сфере гражданского права.

Однако представляется, что к настоящему времени категория «воля» выходит за рамки одной отраслевой обособленности и является теоретически востребованной и применимой в юридической науке и практике. Один из первых исследователей категории «воля» В. А. Ойгензихт считал, что сам волевой процесс как единый регулятивный процесс представляет собой проявление воли, а волеизъявление — это фиксация этого регулятивного процесса, позволяющая его распознать и оценить; выражение согласия [5, с. 24]. Представляется, что воля присутствует в действиях любого субъекта, если он осознанно реализует определенный интерес. Воля должна «выводиться» из категорий чисто психологических и восприниматься как элемент конструирования мотивированных правовых отношений, как определенный стержень правоведения и юридической практики. В. С. Нерсесянц волю в праве представлял как свободную волю, которая соответствует всем сущностным характеристикам права и тем самым отлична от произвольной воли и противостоит произволу. Он подчеркнул, что волевой характер права обусловлен именно тем, что право это форма свободы людей, т. е. свобода их воли [4, с. 23]. Анализ источников показывает: всякий научный опыт характеристики права неминуемо приводит к необходимости трансформировать в мотивацию правовых действий именно волю. Это было свойственно и мыслителям древности, и философским школам Средневековья, и научным платформам Нового времени.

Исследования показывают, что во всей системе категорий теории правотворчества несправедливо обойдено вниманием понятие «свобода волеизъявления». Оно конструктивно ассоциируется с понятиями «свобода», «воля», «волеизъявление», но применительно к правотворчеству исследовалось лишь фрагментарно. Человеческий фактор в правотворчестве, проявляющийся через свободу волеизъявления его субъекта, оказался недостаточно изученным.

Здесь уместно замечание профессора Ю. А. Тихомирова, который справедливо отметил недооценку человеческого фактора в правотворчестве [9, с. 7–8]. Например, в цивилистике категория «волеизъявление» имеет вполне конкретное смысловое наполнение: волеизъявление представляется как внешнее выражение воли в сделке. Более того, утверждается, что воля и волеизъявление объясняют свободу действий участников гражданских правоотношений [7, с. 7]. Смысл волеизъявления сторон в договоре заключается в совпадении либо в согласовании воль, которое становится достоянием участников и всех заинтересованных лиц.

Таким образом, волеизъявление можно представить как сознательное выражение вовне «выстраданного» варианта поведения, действий либо бездействия, что воспринимается окружающими в виде мнения, решения, желания и т. д. Само же волеизъявление как результат мыслительной деятельности приводит к появлению определенных юридических последствий. Действительно, ведь факт — продукт волеизъявления — задействует «шкалу» юридических оценок в виде нормативных источников. Правоотношение становится очевидным.

Теперь нуждаются в пояснении конструкции «свобода воли» и «свобода волеизъявления». В современной научной литературе свобода волеизъявления имеет различные трактовки. Как правило, для демонстрации своих научных позиций авторы используют теоретические платформы отличающихся друг от друга научных школ. И этому есть объяснение: в одних случаях категория «воля» заранее подразумевает свободу мышления и выбора; в других — волеизъявление представляется как действие, обеспечивающее выражение свободы волевого выбора; в третьих — категория «свобода» имеет примат над волеизъявлением. Некоторые исследователи рассматривают свободу воли в праве как проявление автономного, независимого поведения участника правоотношения, не зависящее от чужой воли и предполагающее выбор в правовых средствах возможности достижения собственных потребностей [7, с. 13]. Конечно, можно оспорить такую категоричную позицию, так как понятия «автономность» и «независимость» в таком вопросе, как правоотношения, можно представить лишь условно, даже если это касается такой категории, как «воля». Речь идет об установлении меры выбора субъектом мотивации при определении своей цели. Здесь «свобода» представляется как категория внутреннего содержания. Профессор Г. Ф. Дормидонтов в начале XX века, изучая суждения Ф. К. фон Савиньи о сущности воли в праве, заметил, что он и его последователи видели между волей и ее изъявлением определенное отношение, «подобное отношению между духом и телом». А в праве, «как одна воля без изъявления ее вовне не может иметь значения, так наоборот, не может иметь никакого значения и одно изъявление без воли» [1, с. 183]. Обобщающая позиция такого подхода была изложена профессором В. С. Нерсесянцем, который утверждал, что «свобода индивидов и свобода их воли — понятия тождественные» [4, с. 23].

Свобода волеизъявления в отличие от свободы воли выражается в способности проявляться вовне. И если свобода воли ограничивается исключительно

внутренне сформировавшимися психологическими установками, то свобода волеизъявления — это уже возможность выражать волю в определенном процессуальном порядке, где имеют место быть конкретные результаты воздействий, дозволений, ограничений и запретов. На этот счет сделал уместное замечание итальянский правовед Леони Бруно. Он справедливо полагал, что давать условное определение свободы, которое не передавало бы другим людям некую информацию, уже содержащуюся в значении этого слова, как его понимают люди, было бы практически бесполезно [2, с. 37–39].

Вместе с тем возникает вопрос: почему свобода волеизъявления является фактором правотворчества народа? При этом речь пойдет не об обобщенной категории «народ», а об индивидуальном участнике правотворчества на референдуме — о гражданине.

По нашему мнению, свобода волеизъявления относится к числу факторов правотворчества в силу следующих обстоятельств.

- 1. Как показывает мировая практика регламентации и проведения референдумов и плебисцитов, для участника любого референдума принятие решения путем голосования с целью определения решения по конкретному вопросу представляет собой психический процесс, связанный с некоторыми действиями, касающимися правотворческой деятельности, и требует не только сосредоточения и концентрации своей воли, но и выражения ее вовне сообразно со степенью предоставленной свободы.
- 2. Свобода волеизъявления, применительно к участнику референдума как субъекту правотворчества, представляет собой сложную конструкцию. Действительно, принятие судьбоносного решения это целый ряд взаимосвязанных последовательных действий, где внутренние суждения, переживания, оценки и убеждения накладываются на множество внешних воздействий объективного и субъективного плана. Порой сложно представить, что же определяет свободу в таком волеизъявлении. Свобода волеизъявления гражданина Российской Федерации, участвующего в референдуме, представляет собой один из принципов проведения референдума. В соответствии с Федеральным конституционным законом от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» никто не вправе препятствовать человеку в выражении им своей воли. При этом волеизъявление на референдуме путем голосования должно быть тайным и какой-либо контроль за волеизъявлением гражданина исключается.
- 3. Диапазон мыслительной деятельности участников референдума разнообразен. Но только исследование всех аспектов реализации свободы волеизъявления позволит проникнуть в «кладовую» правотворчества и подтвердить аксиому: причинно-следственное познание правотворчества на референдуме возможно только через категорию «свобода волеизъявления». Приобретается возможность исследовать весь комплекс различных воздействий, которые направлены на субъект правотворчества.
- 4. Логика процесса правотворчества на референдуме указывает на обоснованность применения категории «свобода волеизъявления» к его участникам.

Более того, игнорирование этой категории полностью нивелирует возможность изучить такое правотворчество как объект исследования в полном объеме. Анализ механизма формирования волевых установок невозможен без учета многоуровневых связей, в которых находится участник референдума, без учета воздействий на него.

5. Свободу волеизъявления нельзя рассматривать в качестве фактора правотворчества без анализа степени свободы такового изъявления. Более того, свобода волеизъявления в правотворчестве является определяющим предиктором либо прогресса, либо провала. Свобода волеизъявления пропитывает в той или иной степени всю ткань правотворчества — нормативный материал, процессуальные действия, организационные материалы.

Таким образом, свобода волеизъявления является фактором правотворчества и, более того, в этом контексте представляет собой элемент концепта теории правотворчества.

Свобода волеизъявления как фактор правотворчества обладает рядом специфических признаков.

- 1. Воля участника референдума как творца закона предусматривает борьбу мотивов. Свобода волеизъявления, по нашему мнению, зависит от внутренних психических установок субъекта правотворчества, что именуется как «свобода воли». Именно свобода воли определяет собственное поведение субъекта и априори результаты совершаемых им действий.
- 2. Свобода волеизъявления участника референдума является как продуктом воли самого субъекта, так и результатом воздействия на него различных регуляторов.
- 3. Так как волеизъявление выражается в форме действия и предполагает получение определенного результата, то свободе изъявителя воли могут устанавливаться заданные пределы. Мера свободы волеизъявителя это вполне определенная категория, относящаяся к сфере правотворческой деятельности.
- 4. Свобода волеизъявления субъекта правотворчества ограничена рисками, которые порождает применение продукта правотворчества нормы права.
- 5. Свобода волеизъявления как фактор правотворчества носит односторонний характер.

Вместе с тем категории «волеизъявление народа» и «воля народа» нельзя отождествлять. Волю народа можно представить как содержание определенного мнения, а волеизъявление народа — это результат волевой мыслительной деятельности, это представление воли народа для восприятия, изучения, руководства при осуществлении определенных действий.

Что же определяет степень свободы изъявления участника референдума? Анализ законодательства и практики проведения референдумов показывает, что свобода волеизъявления участника референдума даже в современных условиях демократизации общественной жизни имеет существенные ограничения.

Во-первых, добровольное волеизъявление зависит от установившейся в государстве формы политического правления.

Во-вторых, такие ограничения диктуются правовой позицией самого участника референдума. К определенным умозаключениям он приходит в силу уже сформировавшихся представлений, убеждений, предположений, бытовой аргументации, которые в конечном счете и сформируют его волевую установку. Здесь очевидно проявляется категория «свобода», но само волеизъявление не всегда коррелируется с ожидаемым результатом правотворчества.

В-третьих, свобода волеизъявления участника референдума тесно связана с понятием «мера». Так, Ю. А. Тихомирова считает, что уровень влияния свободы волеизъявления на правотворчество весьма существенный, поскольку учитывает многие условия социального плана [8, с. 158].

В-четвертых, свобода волеизъявления участника референдума в дальнейшем будет в значительной степени трансформирована. Референдум, скорее всего, будет менять привычную форму. Этому будет способствовать эпохальное наступление цифровых технологий на устаревшие формы правотворчества [10, с. 15]. Стремительное развитие цифровых технологий и их влияние на общественные отношения требуют и определенной трансформации права как продукта волеизъявления правоустановителя [6, с. 6–12].

Вывод

Как показывает анализ источников, категории «волеизъявление» и «свобода волеизъявления» применительно к правотворчеству нуждаются в более глубоком научном исследовании и нормативном закреплении. Это касается и сферы изменения концептуального подхода к правотворческой политике. Так, в качестве одной из таких мер в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ подготовлено шестое издание проекта федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», который, по замыслу авторов, должен существенно изменить практику правотворчества в России. Современный период, переживаемый человечеством, характеризуется рядом проблем, которые тесно связаны с модернизацией демократических основ государственности. И одна из них — это сохранение на должном уровне правотворческих основ демократии, где фундаментальной проблемой становится обеспечение свободы волеизъявления субъектов правотворчества. Можно строить различные теоретические гипотезы, но здесь, по мнению академика Т. Я. Хабриевой, сначала «должен произойти апгрейд правовой доктрины (и он уже начался) с учетом новой реальности правового бытия человека, трансформации права и государства, их места в жизни общества» [10, с. 22].

Таким образом, свобода волеизъявления как фактор правотворчества народа (участника референдума) представляет сложную, многоуровневую конструкцию со множеством связей внутреннего и внешнего характера. Динамика развития этой категории очевидна. Без познания свободы волеизъявления народа как субъекта правотворчества невозможно представить содержание

правотворческой теории. При этом сама конструкция «свобода волеизъявления» применительно к народу как субъекту правотворчества представляет целую систему. В ней заключен ряд понятий, умозаключений, характеристик, обобщений, что через установление их взаимосвязей позволяет выявить ее цельную сущность и предназначение. Сама проблема изучения свободы волеизъявления народа как фактора правотворчества предполагает проникновение в сущность меры таковой свободы для всей палитры участников правотворчества.

Литература

- 1. Дормидонтов Г. Ф. Система римского права. Общая часть. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1915. 269 с.
- 2. Леони Б. Свобода и закон / пер. с англ. В. Кошкина. 2-е изд., эл. М. Челябинск: Социум, 2020. 309 с.
- 3. Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 735 с.
  - 4. Нерсесянц В. С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2004. 656 с.
- 5. Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление (очерки теории, философии и психологии права). Душанбе: Дониш, 1983. 256 с.
- 6. Пашенцев Д. А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 5–13.
  - 7. Политова И. П. Воля и волеизъявление: монография. М.: Проспект, 2016. 111 с.
  - 8. Тихомиров Ю. А. Теория закона. М.: Юридическая литература, 1982. 256 с.
- 9. Тихомиров Ю. А. Формула правового воздействия // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 5–13.
- 10. Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровизации // Избранные лекции университета. Вып. 189. СПб.: СПбГУП, 2019. 36 с.

Literatura

- 1. Dormidontov G. F. Sistema rimskogo prava. Obshhaya chast`. Kazan`: Tipo-lito-grafiya Imperatorskogo universiteta, 1915. 269 s.
- 2. Leoni B. Svoboda i zakon / per. s angl. V. Koshkina. 2-e izd., e`l. M. Chelyabinsk: Socium, 2020. 309 s.
- 3. Mal'cev G. V. Mest' i vozmezdie v drevnem prave: monografiya. M.: Norma: INFRA-M, 2012. 735 s.
  - 4. Nersesyancz V. S. Filosofiya prava: uchebnik dlya vuzov. M.: Norma, 2004. 656 s.
- 5. Ojgenzixt V. A. Volya i voleiz``yavlenie (ocherki teorii, fîlosofii i psixologii prava). Dushanbe: Donish, 1983. 256 s.
- 6. Pashencev D. A. Rossijskaya zakonotvorcheskaya tradiciya pered vy`zovom cifrovizacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 2. S. 5–13.
  - 7. Politova I. P. Volya i voleiz``yavlenie: monografiya. M.: Prospekt, 2016. 111 s.
  - 8. Tixomirov Yu. A. Teoriya zakona. M.: Yuridicheskaya literatura, 1982. 256 s.
- 9. Tixomirov Yu. A. Formula pravovogo vozdejstviya // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 11. S. 5–13.
- 10. Xabrieva T. Ya. Pravo v usloviyax cifrovizacii // Izbranny'e lekcii universiteta. Vy'p. 189. SPb.: SPbGUP, 2019. 36 s.

T. B. Krupnova

FREEDOM OF EXPRESSION AS A FACTOR IN LAW-MAKING OF THE NATION

Abstract. The content of the concept of freedom of «expression», based on the analysis of the concepts of «will» and «declaration of will» is considered in the article. The characteristic of its nature, design and features is given. The correlation of the constructions «free will» and «freedom of will» is investigated. Circumstances which prove that freedom of expression is one of the factors of lawmaking are presented. The author substantiates the statement that freedom of expression is a factor in law-making of the nation (a referendum participant) and is a complex, multi-level structure with many internal and external connections. The research methodology includes a set of special legal methods which are standard for modern jurisprudence, primarily the formal legal method. In the context of interdisciplinary synthesis, the methodology of psychological science is used, which is associated with the study of the concept of «will».

Keywords: free will; freedom of expression; lawmaking factors; lawmaking of the people; referendum.

Статья поступила в редакцию: 12.12.2021; одобрена после рецензирования: 17.01.2022; принята к публикации: 30.01.2022.

The article was submitted: 12.12.2021; approved after reviewing: 17.01.2022; accepted for publication: 30.01.2022.

УДК 34.13

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.46.2.09

Д. Д. Пашенцева

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

E-mail: daryapashentseva@yandex.ru

НОРМОТВОРЧЕСКИЕ ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 1870 ГОДА

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать природу актов, принимавшихся органами городского общественного управления Российской империи после городской реформы 1870 года. Использованы формально-юридический и исторический методы. На основе норм Городового положения 1870 года выявлены особенности этих актов, влиявшие на их место в системе права Российской империи. Проведено разграничение нормативных и ненормативных актов, принимавшихся городскими думами. Выявлена взаимосвязь данных актов с полномочиями органов городского общественного управления, а также с разграничением функций городских дум и городских управ. Сделан вывод, что полномочия городских дум по изданию как нормативных, так и ненормативных актов вытекали из функций и обязанностей, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также из модели их взаимодействия с городскими управами и правительством.

Ключевые слова: городское общественное управление; Российская империя; городская дума; Городовое положение; нормативный акт.

Введение

В современных условиях вопрос о нормотворческих полномочиях местного самоуправления как формы общественного управления актуализирован в связи с принятием Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Как справедливо отмечает Ю. Г. Бабаева, «публичная власть есть неотъемлемая принадлежность фактически любой государственности, что позволяет использовать этот термин при проведении широкого круга юридических исследований. Конкретные особенности организации публичной власти в стране определяются в том числе и ее правовыми традициями, которые, в свою очередь, отражают имеющийся исторический опыт» [1, с. 11]. Реформирование местного самоуправления и конкретизация его полномочий предполагают опору на богатый отечественный опыт, накопленный

в прошлом и соответствующий ценностным основаниям российской правовой традиции. Исследование этого опыта с позиций современной юридической науки позволяет оценить предпринятые законодателем новации, определить перспективные направления развития публичной власти, в том числе на местном уровне. Кроме того, этот вопрос представляется актуальным в контексте современных процессов совершенствования нормотворческой деятельности, вызванных цифровизацией и происходящими социальными трансформациями [4, с. 31–32].

Методы исследования

В процессе написания статьи был использован формально-юридический метод, который позволил проанализировать нормы конкретных правовых актов периода Российской империи. Сравнительно-исторический метод позволил сопоставить нормотворческие полномочия органов местного самоуправления в Российской империи и в современной России. Ретроспективный метод дал возможность погрузиться в отдаленный по времени исторический период, иную правовую реальность.

Материалом для исследования послужило законодательство Российской империи о местном самоуправлении, прежде всего Городовое положение 1870 года, а также отдельные акты, принимавшиеся органами городского самоуправления в рассматриваемый в статье период, и работы российских ученых, связанные с избранной проблематикой.

Основное исследование

Рассмотрение полномочий органов городского самоуправления в Российской империи опирается на общетеоретические положения, которые связаны, во-первых, с разграничением нормативных правовых актов и актов ненормативного характера, которые не устанавливают новых норм права; во-вторых, с разделением законов и подзаконных нормативных актов. При этом разрешение второго из обозначенных вопросов применительно к Российской империи представляет гораздо большую сложность в силу его нерешенности в стране в рассматриваемый период. В государстве отсутствовала четкая иерархия правовых актов, они могли приниматься в самых разных формах, имели различные наименования. Нормативная регламентация правотворческой деятельности разных государственных органов не была полной, что сказывалось на всей системе права.

Вопрос о нормотворческой деятельности органов городского самоуправления тесно связан с проблематикой определения их места в системе власти, а также с общими представлениями о структуре системы права Российской империи.

Городская реформа 1870 года — это создание системы городского общественного управления, которое стало логичным дополнением как отмены крепостного права в 1861 году, так и последовавшей за ним земской реформы. Освобождение крестьян повлекло за собой реформирование всех сфер государственной и общественной жизни, включая финансовую и военную сферы, а также народное просвещение. «Все пришло в движение, — писала видный советский историк Л. Г. Захарова. — Только высшие органы государственной власти, центральная администрация, власть монарха и всесилие бюрократии остались вне этого общего процесса перестройки» [3, с. 641].

Городская реформа стала продолжением земской реформы, их принципы были очень близки. Л. Г. Захарова справедливо писала: «Осуществление земской реформы сделало неотвратимым создание городского самоуправления также на началах выборности и всесословности по закону 1870 г.» [Там же].

В ходе городской реформы 1870 года была модернизирована система городского общественного управления, созданы наделенные достаточно широкими полномочиями органы — городские думы, которые избирались по сословному принципу, а также городские управы, предназначенные для практической реализации решений, принятых городскими думами.

Органы городского общественного управления согласно Городовому положению 1870 года получили достаточно обширные полномочия. Более того, п. 6 гл. 1 указанного законодательного акта устанавливал, что «правительственные установления, земские и сословные учреждения обязаны оказывать содействие к исполнению законных требований городского общественного управления» [2].

Среди определенных законом полномочий городской думы предполагали некоторую правотворческую деятельность следующие: становление, увеличение и уменьшение городских сборов и налогов; установление правил для заведывания городскими имуществами и сооружениями, а равно и состоящими в ведении общественного управления благотворительными и иными общеполезными заведениями; определение общего порядка действий исполнительной общественной власти и снабжение ее инструкциями о заведывании вверяемыми ей делами [Там же].

Исследование становления и развития организационно-правовых основ деятельности структур общественного управления крупнейших городов России, включая Москву и Санкт-Петербург, показало, что правовое регулирование порядка деятельности городских дум и управ путем принятия соответствующих нормативных правовых актов на уровне городского самоуправления не было упорядочено законом и, как следствие, имело бессистемный, во многом стихийный характер: указанные акты отличались друг от друга по таким параметрам, как форма, время принятия (с разницей в 10 лет и более), объем, перечень урегулированных вопросов.

Несмотря на то что в Российской империи ни в законодательстве, ни в доктрине не сформировалось единого представления о том, какие именно акты следует считать законом, все авторы того времени сходились в одном: закон — это повеление высшей власти в государстве, то есть нельзя считать законом любой акт, который не был подписан монархом [5, с. 95]. С этих позиций все акты, принимавшиеся органами местного самоуправления в Российской империи, нельзя было рассматривать как законы, они однозначно должны были трактоваться в качестве подзаконных актов, что накладывало отпечаток и на их юридическую силу, и на пространство действия.

При анализе места актов городского общественного управления в системе права в первую очередь речь должна идти об актах, принимавшихся городскими думами. Городские управы с самого начала рассматривались как исполнительные и распорядительные органы, подведомственные городским думам. Поэтому для развития правовой системы имели значение прежде всего акты, принимавшиеся городскими думами. Отметим, что некоторые из них были адресованы городским управам в силу их подведомственности и подчиненности. В качестве примера назовем Инструкцию Московской городской управы, основанную на проекте, составленном специально созданной организационной комиссией, и принятую 23 октября 1887 года на заседании Московской городской думы. Эта инструкция, во-первых, представляла собой подзаконный нормативный акт, во-вторых, была принята намного позже (через 17 лет) создания городской управы в Москве, в-третьих, не регулировала все важные вопросы деятельности управы. Это позволило А. А. Савичеву сделать вывод, что «в рамках системы общественного управления Москвы долгое время отсутствовали устойчивые нормативные правовые основы, касающиеся статуса указанной структуры» [6, с. 183].

Решения городских дум оформлялись в виде постановлений и определений. Законодательство о местном самоуправлении не проводило разграничения между данными видами актов. Современные ученые полагают, что «постановления принимались думой по вопросам благоустройства (о порядке содержания улиц и площадей, общественных зданий, по вопросам здравоохранения и т. п.), имели обязательный для городских жителей характер и за их нарушение была предусмотрена ответственность. По другим вопросам дума принимала определения» [7, с. 181]. В тексте Городового положения об определениях говорится о нуждах города. Также там в ст. 67 устанавливалось, что определениями оформляются решения городской думы «о приобретении в пользу города недвижимых имуществ или об отчуждении их, б) займах, поручительствах или гарантиях от имени города, в) о переложении натуральных повинностей в денежные, г) об устранении должностных лиц городского общественного управления от должности и о предании их суду» [2]. Отсюда следует, что определения городской думы с самого начала рассматривались законодателем как ненормативный акт. Это соответствует природе определений, проявляющейся даже в современных условиях.

В соответствии с законодательством о местном самоуправлении городская дума имела право принимать акты по широкому кругу вопросов, обязательные для исполнения жителями города. Такими актами могли устанавливаться и городские сборы. Фискальная функция, как и представительный характер актов, сближает акты городской думы с законами, хотя и не делает их таковыми.

Разнообразие полномочий, которыми наделялись городские думы, определяло неоднозначность природы тех актов, которые они принимали. Среди них можно выделить как акты нормативной природы, так и ненормативные акты — фактически распоряжения административного характера.

Также важное значение имел факт ограниченного распространения действия актов городского общественного управления в пространстве. Коль скоро полномочия соответствующих органов были ограничены определенной городской территорий, то и акты, принимавшиеся этими органами, являлись общеобязательными только в пределах этой территории. Данное обстоятельство сближает данные акты по правовой природе с актами современного местного самоуправления.

Выводы

Таким образом, городская реформа 1870 года привела к созданию новой системы органов городского общественного управления, которые получили полномочия по изданию как нормативных, так и ненормативных актов. Эти полномочия логично вытекали из функций и обязанностей городских дум, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также модели их взаимодействия с городскими управами и правительством. Издание городскими думами нормативных актов определялось оформлением принятых ими решений по вопросам городских сборов и благоустройства городской территории. Эти акты были обязательны для всех субъектов общественных отношений, так или иначе относящихся к территории конкретного города. Принятие ненормативных актов было связано с организацией взаимодействия между городскими думами и подчиненными им городскими управами, а также с необходимостью в ряде случаев обращения к правительству. Что касается актов, принимавшихся городскими управами, то они могут быть отнесены к ненормативным актам распорядительного характера, а некоторые из них к правоприменительным актам. Указанные обстоятельства определяли место актов городского общественного управления в системе права Российской империи, которая, в свою очередь, не была полностью упорядочена. В связи с этим историческим опытом в современных условиях представляется желательным принятие федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», что будет способствовать упорядочению современной системы нормативных правовых актов, придаст ей необходимую четкость и завершенность.

Литература

- 1. Бабаева Ю. Г. Публичная власть в Российской империи: некоторые особенности организации и эволюции // Черные дыры в российском законодательстве. 2021. № 4. С. 11–13.
- 2. Высочайше утвержденное 16-го июня 1870 года городовое положение с объяснениями. СПб.: Хоз. департ. М. В. Д., 1870. 240 с.
- 3. Захарова Л. Г. Самодержавие и реформы в России. 1861—1874 (к вопросу о выборе путей развития) / Л. Г. Захарова // Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. 720 с. С. 623—646.
- 4. Пашенцев Д. А. Основные направления и особенности развития законодательства в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 3. С. 31–39.
- 5. Рогачев М. А. Соотношение закона и подзаконного нормативного акта в Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2019. № 4. С. 94–98.
- 6. Савичев А. А. Историко-правовой анализ деятельности Московской городской управы в 1870–1892 гг. // Государство и право. 2019. № 7. С. 179–183.
- 7. Щербаков С. В., Артемов Г. А. Городская дума в системе местного самоуправления Российской империи // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5. № 1. С. 181–184.

Literatura

- 1. Babaeva Yu. G. Publichnaya vlast` v Rossijskoj imperii: nekotory`e osobennosti organizacii i e`volyucii // Cherny`e dy`ry` v rossijskom zakonodatel`stve. 2021. № 4. S. 11–13.
- 2. Vy'sochajshe utverzhdennoe 16-go iyunya 1870 goda gorodovoe polozhenie s ob''yasneniyami. SPb.: Xoz. depart. M. V. D., 1870. 240 s.
- 3. Zaxarova L. G. Samoderzhavie i reformy` v Rossii. 1861–1874 (k voprosu o vy`bore putej razvitiya) / L. G. Zaxarova // Aleksandr II i otmena krepostnogo prava v Rossii. M.: ROSSPE`N, 2011. 720 s. S. 623–646.
- 4. Pashencev D. A. Osnovny`e napravleniya i osobennosti razvitiya zakonodatel`stva v usloviyax cifrovizacii i perexoda k novomu texnologicheskomu ukladu // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 3. S. 31–39.
- 5. Rogachev M. A. Sootnoshenie zakona i podzakonnogo normativnogo akta v Rossijskoj imperii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2019. № 4. S. 94–98.
- 6. Savichev A. A. Istoriko-pravovoj analiz deyatel`nosti Moskovskoj gorodskoj upravy` v 1870–1892 gg. // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 7. S. 179–183.
- 7. Shherbakov S. V., Artemov G. A. Gorodskaya duma v sisteme mestnogo samoupravleniya Rossijskoj imperii // Rossijskij zhurnal pravovy`x issledovanij. 2018. T. 5. № 1. S. 181–184.

D. D. Pashentseva

RULE-MAKING POWERS OF URBAN PUBLIC ADMINISTRATION BODIES OF THE RUSSIAN EMPIRE AFTER THE REFORM OF 1870

Abstract. The article sets the task to analyze the nature of the acts adopted by the city public administration bodies of the Russian Empire after the city reform of 1870. Formal-legal and historical methods are used. Based on the norms of the City Regulations of 1870, the features of these acts that influenced their place in the system of law of the Russian Empire were revealed. A distinction is made between normative and non-normative acts adopted by city dumas. The interrelation of these acts with the powers of the city public administration bodies, as well as with the delimitation of the functions of city dumas and city governments is revealed. It is concluded that the powers of the City Dumas to issue both normative and non-normative acts stemmed from the functions and responsibilities directly enshrined in the City Regulations of 1870, as well as the model of their interaction with city councils and the government.

Keywords: city public administration; the Russian empire; City Council; City position; normative act.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2021; одобрена после рецензирования: 10.01.2022; принята к публикации: 11.01.2022.

The article was submitted: 15.12.2021; approved after reviewing: 10.01.2022; accepted for publication: 11.01.2022.

УДК 340.112 DOI 10.25688/2076-9113.2022.46.2.10

У. А. Азиззода

Таджикский национальный университет, Душанбе, Таджикистан E-mail: ubaydullo azizov@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ИМПЕРАТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ: ОБЗОР СЕКЦИИ, ПРОВЕДЕННОЙ В РАМКАХ ОБЩЕРОССИЙСКОГО ГОДОВОГО СОБРАНИЯ ТЕОРЕТИКОВ ПРАВА

Аннотация. Статья представляет собой обзор научного мероприятия — секции «Цифровые императивы развития законодательства в постиндустриальном обществе», проведенной в рамках Общероссийского годового собрания теоретиков права в феврале 2022 года. Цель статьи — раскрыть содержание наиболее интересных докладов, прозвучавших на секции, донести до широкой научной общественности высказанные учеными идеи. В статье в краткой форме представлены основные положения, высказанные в докладах ученых и объединенные общей проблематикой — влиянием цифровизации на развитие законодательства и эволюцию закона как источника права. Подчеркивается, что под влиянием цифровизации происходит формирование постиндустриального общества и соответствующая динамика общественных отношений влияет на трансформации законодательства.

Ключевые слова: законодательство; цифровизация; научная конференция; цифровой закон; метавселенная.

а площадке Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации 18 февраля 2022 года состоялось очередное Общероссийское собрание теоретиков права, которое было проведено в форме Международной научной

конференции «Законодательство в обустройстве российской жизни: история и современность», посвященной 250-летию со дня рождения М. М. Сперанского. Конференция объединила специалистов в области теории права, которые представляли столичные и региональные научные и учебные заведения, а также ряд ученых из зарубежных государств.

В своем докладе на секции профессор Д. А. Пашенцев подчеркнул, что в современных условиях развитие и внедрение новых технологий инициирует переход к постиндустриальному обществу. Изменение общественных отношений закономерно определяет трансформацию правового регулирования, включая и законодательство. В условиях постиндустриальной реальности закон становится недостаточно эффективным регулятором, законотворческая деятельность приобретает догоняющий характер. Возникает потребность в использовании цифровых технологий для совершенствования законотворческой деятельности. В зарубежной научной литературе активно дискутируется концепция цифрового закона, предполагающая существенную трансформацию данного источника права. Цифровой закон может стать более гибким и демократичным средством регулирования общественных отношений. Однако переход к цифровому закону несет в себе и новые риски, которые связаны с возможностями его несанкционированного изменения, а также потенциальной утратой легитимности.

В заключение своего выступления Д. А. Пашенцев презентовал участникам конференции две недавно опубликованные работы — монографию и сборник статей, — в которых раскрываются вопросы цифровизации правовой сферы общества, в том числе цифровые императивы развития законодательства [1; 2].

Доктор юридических наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации А. В. Попова в своем докладе отметила, что в сентябре 2021 года Правительством Российской Федерации была принята Концепция развития технологий машиночитаемого права (далее — Концепция), подготовленная Министерством экономического развития Российской Федерации, которая является необходимым документом развития цифрового права как значимой части существующей сегодня и нуждающейся в правовом регулировании метавселенной и экосистем. При этом необходимо отметить тот факт, что перевод категориально-понятийного аппарата, используемого в современной юридической лингвистике, в цифровой язык машиночитаемого текста вызывает сегодня целый ряд вопросов. Во-первых, использование в Концепции категории «онтология права» вызывает у теоретиков целый ряд замечаний. Судя по приведенному тексту, авторы полагают, что онтологий может быть несколько, что, в принципе, не вызывает сомнения, если мы подразумеваем под онтологией определенный тип правопонимания. Но тогда

необходимо определить, из какого (их) типа (ов) необходимо исходить при трактовке Концепции. Однако, судя по тексту Концепции, ее авторы под онтологией понимают нечто принципиально иное, чем принято в философии вообще и в философии права в частности. Во-вторых, в отсутствие федерального закона «О нормативных правовых актах», где легально определялись бы признаки и понятие нормативного-правового акта, система законодательства в ее иерархической соподчиненности и другие положения, крайне проблематично построить систему взаимодействия существующего законодательства и машиночитаемого (цифрового) права. Необходимо решить, какие экспертизы и кто их будет проводить в случае создания НПА нейронными системами, создать так называемый переходник юридических конструкций и терминов на машиночитаемый язык. В-третьих, существует проблема ответственности за создание конкретных НПА, которая сегодня не решена и по отношению к киберфизическим системам, роботам на основе искусственного интеллекта. Все это актуализирует необходимость теоретико-правовых исследований в сфере нового типа юридической техники и принятия федерального закона, где положения и принципы цифрового права были бы определены легально.

Доцент кафедры философии и социологии МГЮА им. О. Е. Кутафина, кандидат философских наук М. А. Беляев посвятил свое выступление перспективам саморегулирования деятельности экосистем и платформ, рассмотрев данный вопрос сквозь призму взаимосвязи этики и права. Ключевой риск использования метавселенных состоит в том, что в виртуальный мир пользователи переносят свои ценности и реальную идентичность, а не только отдельные действия. Этот перенос может иметь негативные последствия общесоциального и психологического порядка, но для права более важным является то, что сам характер виртуальной среды, в которой осуществляются интеракции «жителей» метавселенной, делает многие действия совершенно безответственными, поскольку любая реальная личность может скрыться за виртуальным образом-квазисубъектом. Правосубъектность может быть коллективной, но не может быть расщепленной. В связи с этим полноценное нормирование метавселенной зависит от понимания технологий, по которым она сконструирована. По всей видимости, вектор регулирования виртуальных сред в ближайшее время будет представлять собой двуединство: государство будет устанавливать запреты на виртуальные действия, влекущие за собой реальные нарушения прав и свобод человека, а корпорации — владельцы технологических платформ — введут в действие этические кодексы, т. е. расширят саморегулирование. Степень декларативности данных документов будет прямо пропорциональна уровню вмешательства публичной власти в функционирование метавселенных и экосистем и обратно пропорциональна деловой репутации конкретной корпорации и конкурентным возможностям на данном рынке.

перманентной технологизации всех сторон жизни социума новая цифровая реальность влияет на выбор направлений развития законодательства и специфику применения технико-юридического инструментария. Модернизация законодательства подготавливается и протекает в двух взаимосвязанных и взаимообусловленных плоскостях — в правовой науке и юридической практике. При этом доступность правовой информации, обеспечивающаяся развитием сети Интернет, влечет за собой изменение и ускорение процессов аккультурации и конвергенции. Ценностные ориентиры развития законодательства смещаются в сторону поиска гармоничного сочетания инноваций и сохранения правокультурных национальных традиций, активизации процессов делиберализации, комплексности и системности построения нормативного материала. В ряде случаев видна тенденция к самовоспроизведению норм, что обусловлено недостаточно корректным встраиванием новых нормативных правовых актов или отдельных властных велений в ткань действующего законодательства, необходимостью реакции законодателя на вызовы времени. В этой связи особую ценность приобретает создание продуманного руководящего начала, менеджмента правотворчества, позволяющего гармонизировать неизбежную модернизацию законодательства. В этих условиях качество, как внешнее (форма), так и внутреннее (содержание), нормативного материала зависит от эффективности использования технико-юридического инструментария, приемов, средств. В последнее десятилетие хорошо проявили себя при разработке законодательства приемы гиперссылки при построении текста акта, ярко выраженная бланкетность норм, терминологизация и транстерминологизация как проявления конвергенции разных отраслей знания. В заключение М. В. Баранова констатировала, что схожие процессы в той или иной мере можно наблюдать в ходе модернизации различных отраслей законодательства не только в России, но и правовых систем зарубежных стран.

Аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации П. С. Гуляева посвятила свое выступление эволюции правосубъектности в эпоху цифровых существ, осветив как российский, так и зарубежный опыт.

По мнению докладчика, понятие правосубъектности представляет собой одну из основных теоретико-правовых категорий. При этом содержание этого понятия менялось в течение всего времени его существования и было связано с обновлением понимания субъекта права. К новым типам субъектов относят квазигосударственные образования, корпорации, саморегулируемые группы граждан и некоторые технологии, такие как искусственный интеллект и автономные роботы.

В докладе было отмечено, что правовое положение самообучаемых технологий определяется в зарубежной практике как цифровое существо. В рамках данной правовой теории допускается так называемая инклюзивная модель регулирования, в соответствии с которой искусственный интеллект является полноправной личностью и может иметь морально значимые интересы.

В российской правовой практике самообучаемые технологии возможно охарактеризовать с помощью признаков, перечисленных в нормативных правовых актах: самостоятельный поиск решений без алгоритма, результаты мыслительной деятельности, сравнимые с человеческими и др. В научной литературе принята концепция, в соответствии с которой основным свойством искусственного интеллекта считается автономность.

При этом автономность как гипотетическая основа содержания правосубъектности искусственного интеллекта не гарантирует наличия осознанного правового поведения и полноценного понимания закона. Самообучение, реализованное посредством анализа информации датасетов, не является аналогом человеческого правосознания, без которого, согласно современной правовой теории, субъект права существовать не может.

Аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации $E.\,M.\,$ Мотова выступила с докладом «Категория "законный интерес" в учении $\Gamma.\,$ Ф. Шершеневича». В выступлении было отмечено, что вопрос о законных интересах имеет богатую историю развития в юриспруденции, но одним из первых данный термин ввел в научный оборот выдающийся цивилист конца XIX — начала XX века $\Gamma.\,$ Ф. Шершеневич, который считал его самобытным правовым феноменом, нуждающимся в изучении. Ученый обозначил ряд проблемных вопросов, которые и сегодня изучаются не только теоретиками права, но и представителями отраслевой юридической науки.

В заключение модераторы секции подвели итоги состоявшейся дискуссии. Участники единодушно отметили высокий научный уровень мероприятия и выразили надежду, что высказанные идеи окажутся востребованы в юридической науке и практике.

Литература

- 1. Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 460 с.
- 2. Черногор Н. Н. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография / Н. Н. Черногор [и др.]; под общ. ред. Н. Н. Черногора, Д. А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2021. 244 с. DOI 10.12737/1288140

Literatura

- 1. Sub``ekt prava: stabil`nost` i dinamika pravovogo statusa v usloviyax cifrovizacii: sbornik nauchny`x trudov / pod obshh. red. D. A. Pashenceva, M. V. Zaloilo. M.: Infotropik Media, 2021. 460 s.
- 2. Chernogor N. N. Koncepciya cifrovogo gosudarstva i cifrovoj pravovoj sredy`: monografiya / N. N. Chernogor [i dr.]; pod obshh. red. N. N. Chernogora, D. A. Pashenceva. M.: Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii: Norma: INFRA-M. 2021. 244 s. DOI 10.12737/1288140

U. A. Azizzoda

DIGITAL IMPERATIVES OF THE DEVELOPMENT OF LEGISLATION IN A POST-INDUSTRIAL SOCIETY: A REVIEW OF THE SECTION HELD WITHIN THE FRAMEWORK OF THE ALL-RUSSIAN ANNUAL MEETING OF LEGAL THEORISTS

Abstract. The article is an overview of the scientific event or the section "Digital imperatives for the development of legislation in a post-industrial society", held as part of the All-Russian annual meeting of legal theorists in February 2022. The purpose of the article is to reveal the content of the most interesting reports made at the section, to convey the ideas expressed by scientists to the general scientific community. The article briefly presents the main provisions expressed in the reports of scientists and united by a common issue such as the impact of digitalization on the development of legislation and the evolution of law as a source of law. It is emphasized that under the influence of digitalization, the formation of a post-industrial society is taking place, and the corresponding dynamics of social relations affects the transformation of legislation.

Keywords: legislation; digitalization; Scientific Conference; digital law; metauniverse.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2021; одобрена после рецензирования: 11.01.2022; принята к публикации: 19.01.2022.

The article was submitted: 15.12.2021; approved after reviewing: 11.01.2022; accepted for publication: 19.01.2022.

УДК 347

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.46.2.11

Н. В. Антонова

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

E-mail: natalli_an@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

(обзор всероссийского круглого стола «Образовательное право и правовое воспитание в условиях цифровизации и пандемических ограничений», прошедшего 23 марта 2022 года в Московском городском педагогическом университете)

дним из приоритетных направлений научной работы Московского городского педагогического университета является тема «Правовое сопровождение образовательной деятельности». В рамках данного направления в Институте права и управления, входящем в структуру МГПУ, формируется научная школа, связанная с теоретическими и практическими проблемами образовательного права и правового воспитания. Об этом наглядно свидетельствуют многочисленные публикации профессорско-преподавательского коллектива института, представленные в виде монографий [2, 3, 6] и учебников [4] и связанные с проблемным полем правового сопровождения образовательной деятельности. Большое внимание вопросам образовательного права и реализации права каждого на образование уделяется на страницах научного журнала «Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки» [1, 5]. Кроме того, в институте регулярно проводятся важные и интересные научные мероприятия, на которых обсуждаются дискуссионные вопросы развития современного российского образования.

Большой интерес научно-педагогической общественности вызвал всероссийский круглый стол с международным участием «Образовательное право и правовое воспитание в условиях цифровизации и пандемических ограничений», который был проведен в Институте права и управления МГПУ 23 марта 2022 года.

В организации мероприятия помимо Института права и управления приняли участие Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена и Фонд поддержки и развития образования, творчества, культуры. Непосредственное участие в работе круглого стола приняли представители научно-педагогической общественности Армении, Белоруссии, Таджикистана, а также представители Российской академии образования,

Санкт-Петербургского государственного университета, Финансового университета при Правительстве РФ, МГЮА им. О. Е. Кутафина, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Московского городского университета управления Правительства Москвы им. Ю. М. Лужкова, Санкт-Петербургского филиала Российского государственного университета правосудия, других учебных заведений.

Модераторами всероссийского круглого стола выступили доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, руководитель магистерской программы МГПУ «Теория и методика преподавания права» Дмитрий Алексеевич Пашенцев и кандидат педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, заместитель директора Института права и управления МГПУ Нина Михайловна Ладнушкина.

В адрес круглого стола поступило приветствие от Светланы Вениаминовны Ивановой — научного руководителя Института стратегии развития образования Российской академии образования, заведующей кафедрой ЮНЕСКО по глобальному образованию, члена-корреспондента Российской академии образования, председателя Научного совета по сравнительной педагогике Отделения философии образования и теоретической педагогики РАО. Также с приветственным словом выступил Николай Дмитриевич Подуфалов — академик РАО, член бюро Отделения профессионального образования РАО, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, заслуженный деятель науки Российской Федерации, который отметил высокую значимость проводимого мероприятия и его актуальность.

Большой интерес участников круглого стола вызвало выступление *Елены* Александровны Певцовой — ректора Московского государственного областного университета (МГОУ), доктора юридических наук, доктора педагогических наук, профессора, заслуженного работника образования. В докладе «Право и воспитание: новые подходы в условиях пандемии» ею были определены приоритеты современной политики в сфере высшего образования, подчеркнуто значение правового и патриотического воспитания, раскрыт накопленный опыт работы МГОУ в этой сфере.

В докладе проректора по научной и инновационной работе Международного юридического института, доктора юридических наук, профессора Олега Ивановича Чердакова, посвященного образовательному суверенитету России, был поставлен целый ряд острых вопросов, волнующих научно-педагогическую общественность. В частности, докладчик рассказал о современной ситуации с публикациями в изданиях, индексируемых в международных системах цитирования (Scopus и Web of Sciense), подчеркнул, что оплата публикаций в соответствующих зарубежных изданиях означает ежегодный вывод из России порядка ста миллиона долларов. Была обозначена проблема вольного сетевого сообщества «Диссернет», которое функционирует на средства зарубежных фондов, но при этом до сих пор не признано иноагентом. Затронул докладчик и будущее Болонской системы в условиях современных глобальных

политических перемен и смены приоритетов образовательной политики. По его мнению, заявленные изначально цели введения в нашей стране Болонской системы не были и не могли быть достигнуты, и на перспективу предположил возврат к модели специалитета. Еще один вопрос, обозначенный в докладе, связан с обучением мигрантов. Была приведена статистика, позволяющая судить о серьезных проблемах в данной сфере.

В докладе доктора юридических наук, профессора Дмитрия Алексеевича Пашениева «Трансформации высшего образования в условиях цифровизации и дистанционного обучения» было отмечено, что в современных условиях развитие правового регулирования образования сталкивается с рядом проблем, среди которых докладчик выделил следующие: законодательство об образовании не регулирует в достаточной степени вопросы, связанные с использованием цифровых технологий в обучении; стремительное внедрение цифровизации в систему образования приводит к увеличению отставания законодательства об образовании, появлению новых пробелов в нормативно-правовом регулировании; не выработаны эффективные механизмы защиты прав участников образовательного процесса, осуществляемого с помощью дистанционных и цифровых технологий. Решение этих проблем, по мнению докладчика, требует гармонизации развития законодательства об образовании с существующими программными документами в данной сфере, выработки и внедрения единой образовательной стратегии, внедрения ценностно-ориентированного подхода к развитию всех форм образования и воспитания, более широкого учета мнения научно-педагогического сообщества при реформировании образования.

Владислав Юрьевич Туранин, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национального исследовательского университета, в докладе «Современные вызовы российскому юридическому образованию» поделился практическим опытом обучения студентов в условиях пандемии, постарался показать преимущества, недостатки и проблемы дистанционного обучения.

Елена Евгеньевна Новопавловская, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры социологии и управления Института экономики и менеджмента Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова, в своем докладе подчеркнула, что цифровизация российского общества и развитие информационных технологий затронули все без исключения сферы общественной жизни, в том числе образование. В условиях пандемии COVID-19 на повестку дня встал актуальный вопрос о реформировании образовательного процесса в контексте применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Прежде всего это потребовало проведения серьезных законодательных корректировок и формирования общирного пласта локальных правовых актов на уровне образовательных организаций. Прошло несколько лет, но мы все еще не можем говорить об отсутствии проблем в практической реализации дистанционного образования в России.

В докладе Павла Вячеславовича Васильева, кандидата юридических наук, доцента кафедры правовых дисциплин Ульяновского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, была дана положительная оценка замысла и практики непосредственного общения обучающихся с педагогическим работником при проведении занятий в дистанционном формате. Возникающие трудности психического, морального, технического, организационного и юридического характера оценены докладчиком как вполне преодолимые в современных условиях осуществления образовательного процесса. В качестве основных оценочных средств проведения учебных аттестаций предложено использовать тесты с открытыми вариантами ответов (открытые тесты).

Татьяна Петровна Минченко, доктор философских наук, профессор кафедры философии института «Таврическая Академия» Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, поделилась опытом использования эмоционального и дистанционного образования в процессе преподавания курса «Теоретическая и практическая философия» для специальности «Юриспруденция».

Много вопросов возникло у участников круглого стола после выступления доцента кафедры земельного права Государственного университета по землеустройству, кандидата юридических наук *Елены Александровны Поздняковой*, рассказавшей об изменениях в регулировании труда преподавателя в связи с переходом на дистанционное обучение.

Вызвали живой интерес участников мероприятия и иные доклады, прозвучавшие на круглом столе. При подведении итогов участники единодушно отметили высокий научный уровень проведенного мероприятия, актуальность и содержательный характер прозвучавших докладов, а также приняли итоговые рекомендации.

Литература

- 1. Корчагина Т. В., Николаев А. И. Правовое воспитание в современных реалиях // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2021. № 4. С. 42–47.
- 2. Ладнушкина Н. М., Пашенцев Д. А., Феклин С. И. Актуальные проблемы образовательного права в контрольно-надзорной деятельности: монография. М.: МГПУ, 2020. 172 с.
- 3. Ладнушкина Н. М., Пашенцев Д. А., Феклин С. И. Образовательное право: вопросы теории и практики: монография. Рязань: Концепция, 2017. 236 с.
  - 4. Пашенцев Д. А. Образовательное право: учебник. М.: ИНФРА-М, 2017. 180 с.
- 5. Пашенцев Д. А. Право на образование и проблемы его реализации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2014. № 2. С. 8–13.
- 6. Чернявский А. Г. История образования и педагогической мысли: в 3 т. Т. 3: Правовое регулирование государственного контроля качества образования / А. Г. Чернявский [и др.]. М.: ИНФРА-М, 2020. 380 с.

Literatura

- 1. Korchagina T. V., Nikolaev A. I. Pravovoe vospitanie v sovremenny`x realiyax // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2021. № 4. S. 42–47.
- 2. Ladnushkina N. M., Pashencev D. A., Feklin S. I. Aktual'ny'e problemy' obrazovatel'nogo prava v kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti: monografiya. M.: MGPU, 2020. 172 s.
- 3. Ladnushkina N. M., Pashencev D. A., Feklin S. I. Obrazovatel'noe pravo: voprosy' teorii i praktiki: monografiya. Ryazan': Koncepciya, 2017. 236 s.
  - 4. Pashencev D. A. Obrazovatel'noe pravo: uchebnik. M.: INFRA-M, 2017. 180 s.
- 5. Pashencev D. A. Pravo na obrazovanie i problemy` ego realizacii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2014. № 2. S. 8–13.
- 6. Chernyavskij A. G. Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoj my`sli: v 3 t. T. 3: Pravovoe regulirovanie gosudarstvennogo kontrolya kachestva obrazovaniya / A. G. Chernyavskij [i dr.]. M.: INFRA-M, 2020. 380 s.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2022; одобрена после рецензирования: 11.04.2022; принята к публикации: 12.04.2022.

The article was submitted: 25.03.2022; approved after reviewing: 11.04.2022; accepted for publication: 12.04.2022.

УДК 347.6

DOI: 10.25688/2076-9113.2022.46.2.12

О. Ю. Малкин

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: Olem2008@gmail.com

Е. А. Низамова

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: nizamovaea@list.ru

К. Г. Сварчевский

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: svarchewsky@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ (К 20-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ ЧАСТИ III ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ): ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Аннотация. В статье приведен реферативный обзор основных выступлений участников международной научно-практической конференции «Правовое регулирование наследственных отношений (к 20-летию принятия части III Гражданского кодекса Российской Федерации)», прошедшей 26 ноября 2021 года в Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия. Показано, что сегодня уже внесены в наследственное законодательство многие изменения и дополнения, однако участники конференции признали сохранение здесь определенных проблем. В связи с этим они высказали предложения о совершенствовании норм о завещании и наследственном договоре (в части установления их соотношения), очередности призвания к наследованию по закону (путем включения в круг наследников фактических воспитателей и воспитанников), наследовании добросовестным пережившим супругом (в случае признания брака недействительным после смерти наследодателя), ответственности наследников (за счет введения гарантированного минимума имущества, освобождаемого от любых обременений кредиторов).

Ключевые слова: конференция; наследственное право; ответственность наследников; наследственный договор; наследственный фонд; совместное завещание; супруги.

В Северо-Западном филиале Российского государственного университета правосудия 26 ноября 2021 года состоялась международная научно-практическая конференция «Правовое регулирование наследственных отношений (к 20-летию принятия ч. III Гражданского кодекса РФ)». Дата проведения мероприятия была избрана не случайно: два десятилетия назад, 26 ноября 2001 года, была принята ч. III Гражданского кодекса РФ, раздел V которой посвящен регулированию наследственных отношений.

Долгое время положения раздела V Гражданского кодекса РФ не претерпевали каких-либо существенных изменений, что свидетельствовало об эффективности правового регулирования наследственных отношений на тот момент. Однако структурные изменения в экономике страны и социальной сфере, включение Республики Крым в состав России, необходимость гармонизации отечественного наследственного законодательства с правом иностранных государств, усложнение состава наследственной массы, а также все большее вовлечение российских граждан в предпринимательские отношения подвигли законодателя к активному реформированию наследственного законодательства. В результате раздел V ч. ІІІ ГК РФ за последние несколько лет претерпел существенные изменения и дополнения: расширен перечень оснований наследования, в число завещательных распоряжений включено совместное завещание супругов, закреплена возможность создания наследственного фонда как потенциального наследника по завещанию, реформирован институт охраны и управления наследственным имуществом. Одновременно с изменением наследственного законодательства происходило формирование правовых позиций Верховного суда РФ по ряду вопросов, связанных с наследованием, что вкупе с новеллами должно обеспечить адекватное современным потребностям правовое регулирование наследственных отношений.

Конференция объединила более трех десятков ученых и практических работников, представляющих ведущие вузы из городов нашей страны (Барнаул, Екатеринбург, Ижевск, Калининград, Кемерово, Москва, Омск, Санкт-Петербург, Хабаровск) и зарубежных государств — Армении, Республики Беларусь, Казахстана, Таджикистана. Участники конференции в режиме научной дискуссии обсудили итоги реформирования наследственного законодательства, эффективность нововведений и нерешенные проблемы правового регулирования наследования.

Открывая конференцию, Я. Б. Жолобов, директор Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, подчеркнул актуальность обсуждаемых вопросов, их значимость в условиях цифровизации общества, а также необходимость преодоления проблем при применении новых технологий в нотариальной деятельности.

За вступительной частью конференции последовала ее научная часть. Участники конференции обсудили концептуальные и практические вопросы наследования. Доктор юридических наук, профессор Д. А. Пашенцев в своем выступлении рассмотрел наследование с позиций идеализма, что позволило ему определить общеправовую идею наследования, присущую праву всех народов. Законодательное оформление идеи наследования как перехода имущества умершего к его наследникам в праве разных государств разнится и зависит, на взгляд ученого, от содержания принципов справедливости и целесообразности в тот или иной исторический период.

В дальнейшем участниками конференции обсуждались вопросы практической реализации идеи наследования, имеющие место в положениях отечественного наследственного законодательства в современный период.

Оценивая итоги двадцатилетнего развития наследственного законодательства, главный консультант Национальной академии нотариата Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор О. Е. Блинков дал общую характеристику внесенным за время действия ч. III ГК РФ изменениям и дополнениям наследственного законодательства, а также отметил, что, несмотря на появление новых правовых инструментов, призванных расширить правовые возможности наследодателя, многие проблемы регулирования посмертного преемства остались без внимания законодателя. Существующий порядок призвания к наследованию по закону и распределения наследственного имущества между наследниками не отвечает ни принципу справедливости, ни идее предполагаемой воли наследодателя, поскольку, на взгляд ученого, искажает преемственность при наследовании.

Профессор О. Е. Блинков, рассматривая новые конструкции (наследственный фонд, наследственный договор, совместное завещание), подчеркнул, что они также не лишены недостатков. Их эффективная реализация осложняется недостатками юридико-технического характера, проблемами толкования и понимания их содержания и правового смысла. Правовые конструкции совместного завещания и наследственного договора, популярные во многих зарубежных государствах, в России приобрели форму, не обеспечивающую ни интересы наследодателя, ни его правопреемников. Резюмируя свое выступление, О. Е. Блинков отметил, что наследственное законодательство остро нуждается в дальнейшем совершенствовании с учетом высказанных в научных кругах предложений.

К проблемам законодательного закрепления предполагаемой воли наследодателя в отечественных нормах о наследовании по закону участники дискуссии обращались неоднократно. Доцент кафедры гражданского права Удмуртского государственного университета, кандидат юридических наук Е. А. Ходырева, анализируя семейно-родственный характер в нормах о наследовании по закону, обратила внимание на отсутствие взаимосвязи наследственного и семейного права при регулировании ряда вопросов, связанных с наследованием. Лица, связанные близкими семейными узами с наследодателем и проживающие с ним одной семьей, либо не включены в круг наследников по закону (фактические воспитатели и воспитанники), либо наследуют после лиц боковой линии

родства пятой степени (отчим, мачеха, пасынок, падчерица — седьмая очередь). Поэтому, на взгляд ученого, очередность признания к наследованию по закону нуждается в реформировании.

Отдельное внимание участники конференции уделили статусу пережившего супруга наследодателя и проблемам оформления его прав на наследство. Действующее законодательство позволяет призывать к наследованию супруга, чьи супружеские отношения с умершим фактически прекратились, но брак по каким-либо причинам не был расторгнут или решение о расторжении брака не вступило в законную силу. И, напротив, не является наследником лицо, фактически проживающее с наследодателем одной семьей без регистрации брака. Участники конференции оценили соответствие положений закона современным реалиям. Доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук О. Ю. Малкин считает, что действующая редакция ст. 1150 ГК РФ вполне обеспечивает соблюдение социальной справедливости и баланс интересов пережившего супруга и других наследников умершего, поскольку инициация бракоразводного процесса или раздельное проживание супругов не всегда означает фактическое прекращение брачных отношений и не исключает примирения супругов. Кроме того, О. Ю. Малкин подчеркнул, что при фактическом прекращении брачных отношений супруги могут составить завещание в пользу иных лиц.

В продолжение обсуждения темы супружеских отношений с инициативой изменения наследственного законодательства выступила доцент кафедры гражданского процесса Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук Л. А. Смолина. На примере нескольких судебных дел она продемонстрировала, что отечественное наследственное законодательство не учитывает интересы добросовестного супруга при признании брака недействительным после смерти наследодателя: такой супруг исключается из числа наследников. Напротив, семейное законодательство содержит ряд положений, защищающих того супруга, права которого нарушены заключением недействительного брака. Поэтому в целях гармонизации наследственного и семейного законодательств, по мнению ученого, следует признать за добросовестным пережившим супругом право наследования.

Не остались без внимания участников конференции и нормы об обязательной доле. В кругу ученых активно ведутся дискуссии не только о необходимости изменения правил об обязательной доле, но и о целесообразности их существования. Е. А. Ходырева предлагает отойти от формального подхода при определении наследников, имеющих право на обязательную долю, и наряду с нетрудоспособностью учитывать критерий нуждаемости необходимого наследника, что позволит достичь цели выделения обязательной доли — обеспечения лиц, действительно нуждающихся в материальной поддержке после смерти наследодателя.

Наиболее дискуссионными стали вопросы правового регулирования наследственного договора. Доцент кафедры гражданского права и процесса Балтийского федерального университета им. И. Канта, кандидат юридических наук Д. В. Лоренц, исследуя трансплантацию юридических конструкций наследственного договора из права ФРГ в правопорядок РФ, обозначил проблемы, наличие которых делает наследственный договор неэффективным и непопулярным инструментом наследственного планирования в настоящее время. В частности, законом не определена соподчиненность норм о наследственном договоре и завещании; право наследодателя совершить в любое время односторонний отказ от наследственного договора, в том числе с помощью последующего завещания, обесценивает данную конструкцию и не служит обеспечению баланса интересов сторон договора. Д. В. Лоренц видит возможность решения указанных проблем на пути разграничения в наследственном договоре договорных условий, которые не могут быть изменены или отменены волей одной стороны, и завещательных условий, судьба которых целиком зависит от воли наследодателя. Свобода распоряжения имуществом, входящим в предмет наследственного договора при жизни наследодателя, как указал докладчик, известна всем странам, использующим конструкцию наследственного договора. Но она не является абсолютной, в праве ФРГ, например, есть инструменты, ограничивающие такую свободу, и их воплощение в отечественных нормах, на взгляд ученого, позволит достичь баланса интересов сторон договора.

Участники дискуссии неоднократно обращались к недостаткам законодательной техники при формулировании положений о наследственном договоре. Их обилие делает толкование норм неоднозначным и в будущем может привести к множеству судебных споров, а отсутствие единого подхода к сущности наследственного договора не гарантирует достижения целей, ради которых институт был введен в российское законодательство.

В ходе конференции были освещены вопросы принятия наследства и проблемы ответственности наследника по долгам наследодателя. Доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук А. А. Новиков обозначил проблему установления субъективного незнания («не знал и не должен был знать») наследника об открытии наследства при восстановлении сроков его принятия. Докладчик отметил, что всеобщая доступность информационных ресурсов не должна исключать добросовестности в поведении наследника, который не знал и не мог знать об открытии наследства; нельзя завышать стандарт поведения для обычного наследника. Завершая свое выступление, А. А. Новиков подчеркнул, что к наследникам, пропустившим срок принятия наследства, так же как и к другим участникам гражданских правоотношений, должны применяться положения п. 5 ст. 10 ГК РФ, в соответствии с которыми добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное, а положения ст. 1155 ГК РФ подлежат истолкованию

в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в ст. 1 ГК РФ.

Указывая на множество проблем, связанных со сроками принятия наследства, доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук А. А. Новоселова и нотариус Выборгского нотариального округа Ленинградской области, кандидат юридических наук С. А. Шумилова предложили закрепить в действующем законодательстве презумпцию принятия наследства.

На конференции был представлен опыт различных стран, касающийся вопросов обеспечения интересов наследников и кредиторов наследодателя. Доцент кафедры гражданского права Кемеровского государственного университета, кандидат юридических наук В. Б. Паничкин в результате сравнительного анализа институтов защиты наследников от кредиторов наследодателя в российском и англо-американском праве определил, что российский закон не содержит адекватных инструментов обеспечения прав ни наследников, ни кредиторов умершего лица, при этом посмертное преемство в РФ имеет жесткий прокредиторский характер. На фоне введения в ГК РФ множества инструментов наследования, присущих передаче значительных состояний, проблема отсутствия в российском праве инструментов гарантированного посмертного преемства для членов семьи наследодателя ощущается как никогда остро. Значительный рост «потребительских» наследств требует, на взгляд ученого, введения гарантированного минимума имущества, передаваемого близким наследникам, который бы освобождался от любых обременений.

Не нашли разрешения в наследственном законодательстве вопросы ответственности наследника при недобросовестном поведении, направленном на уменьшение наследственной массы. Адвокат международной коллегии адвокатов «Санкт-Петербург», кандидат юридических наук А. В. Федчун в своем докладе подчеркнул, что наследники, скрывающие наследство, руководствуются как нежеланием отвечать за долги наследодателя, так и желанием увеличить свою долю в наследстве. Докладчик отметил, что по существу такие действия могут расцениваться как уголовно-наказуемое деяние, однако доказывание состава преступления в подобных действиях наследника в силу ряда факторов затруднительно. В гражданском законодательстве специальная ответственность за такие действия отсутствует, в то время как умышленное сокрытие имущества, входящего в наследственную массу, становится самым распространенным правонарушением.

Нотариус С. А. Шумилова поделилась с участниками информацией о том, какие меры принимаются ее коллегами для предотвращения сокрытия наследственной массы, однако подчеркнула, что инструментов, стимулирующих наследников к добросовестному поведению, пока нет. Изучив опыт зарубежных стран, А. В. Федчун допускает возможность его восприятия и адаптации к условиям нашей страны. В числе мер, способствующих предупреждению правонарушений, на взгляд ученого, могут быть заимствованы правила о неограниченной ответственности по долгам наследодателя, применяемые к виновному наследнику, нарушившему права кредиторов, и отстранение от наследства при нарушении прав других наследников.

Интерес вызвал и доклад доцента кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидата социологических наук В. Г. Баукина, посвященный особенностям наследования такого имущества, как объекты культурного наследия. По его мнению, дополнительной мерой по защите объекта культурного наследия после смерти его собственника — физического лица — может стать установление приоритетного права на наследование объекта культурного наследия лицами, которые при жизни наследодателя принимали участие в содержании указанного объекта.

Одно из направлений работы конференции было посвящено проблемам унификации норм о наследовании. Доцент кафедры международного права Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, кандидат юридических наук А. А. Богустов раскрыл проблемы сближения национальных законодательств государств евразийского региона. Надежды, связанные с модельным законом «О праве наследования» 2019 года, не оправдались, поскольку, по мнению докладчика, его содержание в большей степени сформировано под влиянием действующего российского законодательства. Но если последнее более или менее отражает современные тенденции, существующие в правовом регулировании, то модельный закон «О праве наследования» не содержит положений, которые коренным образом отличались бы от правил, уже прописанных в модельном ГК и национальных кодексах, что вызывает серьезные сомнения в его эффективности и значении для гармонизации национальных законодательств в данной сфере.

Подводя итоги конференции, председатель организационного комитета, заведующий кафедрой гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент К. Г. Сварчевский подчеркнул, что поднятые вопросы свидетельствуют о необходимости дальнейшей работы по обсуждению и совершенствованию наследственного законодательства.

O. Yu. Malkin E. A. Nizamova K. G. Svarchevsky

LEGAL REGULATION OF INHERITANCE RELATIONS (ON THE OCCASION OF THE 20TH ANNIVERSARY OF THE ADOPTION OF PART III OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): A REVIEW OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE

Abstract. The article provides an abstract review of the main speeches of the participants of the international scientific and practical conference «Legal regulation of inheritance relations (on the occasion of the 20th anniversary of the adoption of part III of the Civil Code of the Russian Federation)», held on November 26, 2021 in the North-Western branch of Russian State University of Justice. It is shown that despite the changes and additions already made, the participants of the conference agreed that there are some problems left in the inheritance legislation. In this regard, they made proposals on improving the rules on the will and the inheritance contract (in terms of establishing their correlation), the order of calling to inherit by law (by including the actual fosterers and foster children in the circle of heirs), inheritance by the surviving spouses in good faith (in case of recognition of marriage invalid after the death of the ancestor), liability of heirs (due to the introduction of a guaranteed minimum property, released from any encumbrances of creditors).

Keywords: conference; inheritance law; responsibility of heirs; inheritance contract; inheritance fund; joint will; spouses.

Статья поступила в редакцию: 15.12.2021; одобрена после рецензирования: 10.01.2022; принята к публикации: 11.01.2022.

The article was submitted: 15.12.2021; approved after reviewing: 10.01.2022; accepted for publication: 11.01.2022.

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО-ПРАВОВЕДА И ФИЛОСОФА ПРАВА, ПРОФЕССОРА ОЛЕГА ЮРЬЕВИЧА РЫБАКОВА

мае 2022 года состоялся юбилей профессора Олега Юрьевича Рыбакова, доктора юридических наук, доктора философских наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации.

Свой научный путь Олег Рыбаков начинает в Саратове. После окончания в 1983 году Саратовского юридического института им. Д. И. Курского (ныне — Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА) Рыбаков поступает в аспирантуру, которую завершает в 1989 году успешной защитой кандидатской диссертации на тему «Формирование политической культуры советского студенчества в условиях перестройки». В 1997 году он защищает докторскую диссертацию на тему «Самореализация человека в политике» по специальности «Философия политики и права», становится доктором философских наук, в 1999 году ему присвоено ученое звание профессора.

Олег Юрьевич Рыбаков всегда находит возможность рассмотрения в своих научных работах актуальных социальных проблем периода 1990-х годов, используя свои знания для авторского решения, затрагивая фундаментальные основы самореализации человека в сфере политики и права, политического самоопределения человека [10; 12; 17].

В фокусе научных интересов ученого конца 1990-х – начала 2000-х годов оказываются проблемы реализации прав и свобод человека в постсоветский период. Олег Юрьевич обосновывает необходимость выработки новой парадигмы российской правовой политики, аксиологическим основанием которой выступает человек, его права и свободы. В своих выступлениях на научных конференциях он неоднократно подчеркивает, что «правовая политика лишь тогда что-нибудь значит, если наполнена гуманистическим содержанием, обращена к интересам человека, защите его прав, свобод». Появляются следующие научные работы: «Основные направления конституционно-правовой политики и личность» (2001), «Понятия и признаки правовой политики» (2002),

«Правовая политика как юридическая категория: понятие и признаки», монография «Личность и правовая политика в Российском государстве» (Саратов, 2003), «Формы реализации правовой политики» (2003) и многие другие.

О. Ю. Рыбаков формирует новую концепцию взаимной ответственности человека и государства — концепцию социально-правового партнерства [4]. В философском ракурсе она рассматривается как фундамент политического и правового бытия, раскрываемого в категориях отчуждения и согласия, постулирования прав человека и их доступности, реализации. В юридической плоскости анализируется как системообразующий вектор правовой политики, описываемый в терминах теории права и государства и конституционного права. Философско-правовые и теоретико-правовые воззрения ученого отражают значение правовой политики как значимого фактора защиты прав и свобод личности. Результатом научных исследований ученого стала успешная защита в 2005 году докторской диссертации на тему: «Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: вопросы теории» по специальности «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве».

Правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности рассматривается ученым через комплекс целей и средств, теоретических и практических институтов, в которых выражается деятельность государственных и муниципальных органов, общественных объединений, направленная на создание, поддержание и реализацию условий для защиты прав и свобод индивида.

Аксиологический, методологический, онтологический форматы исследований ученого концентрируются на постулате: права и свободы имеют значение, если они не только декларированы, но и реализованы. Особое место в работах Олега Юрьевича уделено правовому статусу человека, который и является основным мерилом верности правовой политики, ее структуры, форм, направлений, приоритетов и тенденций развития. Обосновывается тезис о том, что определение правовой политики в историческом ракурсе предопределено господствующим в данном обществе правопониманием и совокупностью ценностных целеполаганий политики государства в целом. Рассматриваются вопросы роли правовой политики в повышении правовой культуры личности, формировании ее правового сознания. Правовая политика обосновывается как научная теория, определяется ее историко-правовое значение, влияние на развитие права, его будущее, эти идеи воплотились в ряде коллективных монографий, созданных под научной редакцией О. Ю. Рыбакова [1; 3; 5; 6; 15; 19]. Он руководит подготовкой многих учебников и учебных пособий по теории государства и права («Теория государства и права: учебник» (2016), «Теория государства и права: вопросы и ответы» (2017) и др.).

Судьба свела меня с О. Ю. Рыбаковым на определенном этапе наших профессиональных путей. Мне знакомо его стремление к максимально четкому понятийно-категориальному оснащению научных работ, умение последовательно и логично формулировать и решать научные задачи, организовать работу научного коллектива на гармоничных началах творческого взаимодействия.

С 2018 года О. Ю. Рыбаков возглавляет кафедру философии и социологии Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), где реализует научный потенциал ученого — теоретика юридической науки и философа права. Сегодня он задает новую траекторию развития, казалось бы, непрофильной кафедры юридического вуза. Стало метафорическим его высказывание на одном из первых заседаний кафедры: «Главное, чтобы студент понимал необходимость освоения дисциплин нашей кафедры для своей будущей профессии, умел грамотно использовать знания, полученные в области философии, социологии, логики, риторики в работе юриста. Иначе работа кафедры равна нулю». Приоритетным направлением развития кафедры становится переориентирование всех дисциплин кафедры на подготовку у студентов профессиональных качеств юриста. Под руководством О. Ю. Рыбакова создается целый ряд новых коллективных кафедральных учебников: «Философия для юристов: учебник для бакалавриата» (2019), «Конфликтология» (2021), «Социология для юристов: учебник для специалитета» (2021), «Философия: учебник для специалитета» (2021).

В недавно изданном учебнике по философии права [14] показана специфика философии права как интеллектуальной деятельности, нацеленной на рациональное постижение правовой реальности. Изложена история философско-правового знания, раскрыты вопросы юридической методологии, онтологии права, показаны пробелы на современной правовой картине мира. Вопросы гносеологии представлены с учетом взаимосвязи философии права с аксиологией, с одной стороны, и новейшими социогуманитарными парадигмами — с другой. Представлено понимание философско-правовых аспектов научно-технологических трансформаций, идущих в современном обществе, философское осмысление правовых рисков.

Наряду с подготовкой и изданием учебной и учебно-методической литературы ученый активно исследует проблемы правовых рисков, вызовов, угроз, обеспечения качества жизни, благополучия человека, ценности права, роли государства в условиях новой цифровой реальности, изучает вопросы развития информационного общества [7; 8; 11; 18]. Отдельная монография, выпущенная под научной редакцией О. Ю. Рыбакова, посвящена актуальным вопросам обеспечения безопасности детства [2].

Работа на кафедре философии и социологии, общение с представителями философской школы МГЮА по-новому раскрывают научный потенциал ученого. О. Ю. Рыбаков все активнее обращается к изучению философских аспектов юридической науки, теории права и государства с позиции аксиологических и онтологических оснований, что находит отражение в его научных публикациях [9; 13; 14; 16]. Он является инициатором и руководителем научного семинара кафедры «Философские беседы о праве», где с представителями вузовской и академической науки обсуждаются с позиции философского осмысления актуальные проблемы права и юридической деятельности.

Сегодня Олег Юрьевич Рыбаков является автором более 200 публикаций, в том числе монографий, учебников, учебных пособий, научных статей, индексируемых в российских и зарубежных базах научного цитирования, членом трех диссертационных советов по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук, членом редакционных коллегий научных журналов, выступает экспертом Российского научного фонда. Под научным руководством профессора О. Ю. Рыбакова успешно защитились 18 кандидатов наук и три доктора юридических наук.

Коллектив редакции желает уважаемому Олегу Юрьевичу Рыбакову новых профессиональных успехов, творческого долголетия на благо российской науки и образования.

Д. А. Пашенцев, главный редактор, доктор юридических наук, профессор

Литература

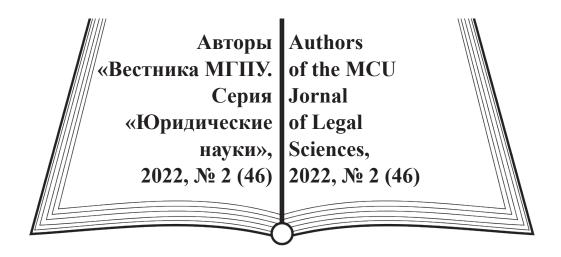
- 1. Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений: сборник материалов круглого стола, проходившего в Саратовской государственной юридической академии 14 мая 2012 г. / под ред. О. Ю. Рыбакова. М.: Статут, 2012. 191 с.
- 2. Безопасность детства: социальные проблемы и правовые способы их решения / под ред. О. Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2021. 424 с.
- 3. Доктрина права: понятие, сущность, национальные особенности / Р. В. Пузиков, Я. Зелински, О. Ю. Рыбаков [и др.]. Тамбов: ТГУ, 2016. 300 с.
- 4. Правовая культура. Правовая политика. Права человека: XXI век. Саратов: Поволжский институт (филиал) ВГУЮ, 2020. 302 с.
- 5. Рыбаков О. Ю. Правовая политика как научная теория в историко-правовых исследованиях / О. Ю. Рыбаков, С. В. Тихонова, Т. А. Желдыбина [и др.]. М.: Статут, 2011. 408 с.
- 6. Рыбаков О. Ю. Качество жизни, благополучие человека, ценность права в условиях цифровой реальности // Человек, общество, право в условиях цифровой реальности. М.: КноРус, 2020. С. 15–31.
- 7. Рыбаков О. Ю. Качество жизни и гуманизм права в информационно-технологическом обществе // Московский юридический форум онлайн. М.: РГ-Пресс, 2020. С. 218–221.
- 8. Рыбаков О. Ю. Онтологические основания предмета конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 120–125.
- 9. Рыбаков О. Ю. Право, отчуждение и согласие в современном Российском государстве. М.: Юрист, 2009. 247 с.
- 10. Рыбаков О. Ю. Политическое отчуждение человека / под ред. О. Б. Манжора. Саратов: Саратовская государственная академия права, 1997. 107 с.
- 11. Рыбаков О. Ю. Правовое значение принципов развития информационного общества в России // Юридическое образование и наука. 2017. № 10. С. 42–47.

- 12. Рыбаков О. Ю. Самореализация человека в политике: дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 1997. 272 с.
- 13. Рыбаков О. Ю. Универсальность права: онтологические основания // Будущее российского права: концепты и социальные практики. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 130–135.
- 14. Рыбаков О. Ю. Философия права: учебник для магистров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. 320 с.
- 15. Рыбаков О. Ю. Ценностные основания российского конституционализма // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок: материалы конференции: в 5 ч. М., 2019. С. 332–335.
- 16. Рыбаков О. Ю. Человек в политике: пути самореализации. Саратов: Саратовский университет, 1995. 196 с.
- 17. Рыбаков О. Ю. Человек и его права в условиях новой реальности (право в условиях новой реальности) // Право и общество в эпоху социально-экономических преобразований XXI века: опыт России, ЕС, США и Китая. Коллективная монография к 90-летию Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2021. С. 29–47.
- 18. Рыбаков О. Ю. Стратегии правового развития России: коллективная монография / О. Ю. Рыбаков, Н. С. Бондарь, В. И. Фадеев [и др.]. М.: Юстиция, 2015. 624 с.
- 19. Рыбаков О. Ю. Человек и государство в правовой политике Нового и Новейшего времени / О. Ю. Рыбаков, Д. А. Герасимова, Ю. А. Музыканкина [и др.]. М.: Статут, 2013. 400 с.

Literatura

- 1. Aktual'ny'e problemy' istorii gosudarstva i prava, politicheskix i pravovy'x uchenij: sbornik materialov kruglogo stola, proxodivshego v Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii 14 maya 2012 g. / pod red. O. Yu. Ry'bakova. M.: Statut, 2012. 191 s.
- 2. Bezopasnost` detstva: social`ny`e problemy` i pravovy`e sposoby` ix resheniya / pod red. O. Yu. Ry`bakova. M.: Prospekt, 2021. 424 s.
- 3. Doktrina prava: ponyatie, sushhnost`, nacional`ny`e osobennosti / R. V. Puzikov, Ya. Zelinski, O. Yu. Ry`bakov [i dr.]. Tambov: TGU, 2016. 300 s.
- 4. Pravovaya kul`tura. Pravovaya politika. Prava cheloveka: XXI vek. Saratov: Povolzhskij institut (filial) VGUYu, 2020. 302 s.
- 5. Ry`bakov O. Yu. Pravovaya politika kak nauchnaya teoriya v istoriko-pravovy`x issledovaniyax / O. Yu. Ry`bakov, S. V. Tixonova, T. A. Zheldy`bina [i dr.]. M.: Statut, 2011. 408 s.
- 6. Ry`bakov O. Yu. Kachestvo zhizni, blagopoluchie cheloveka, cennost` prava v usloviyax cifrovoj real`nosti // Chelovek, obshhestvo, pravo v usloviyax cifrovoj real`nosti. M.: KnoRus, 2020. S. 15–31.
- 7. Ry`bakov O. Yu. Kachestvo zhizni i gumanizm prava v informacionno-texnologicheskom obshhestve // Moskovskij yuridicheskij forum onlajn. M.: RG-Press, 2020. S. 218–221.
- 8. Ry`bakov O. Yu. Ontologicheskie osnovaniya predmeta konstitucionnogo prava // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2018. № 10 (95). S. 120–125.
- 9. Ry`bakov O. Yu. Pravo, otchuzhdenie i soglasie v sovremennom Rossijskom gosudarstve. M.: Yurist, 2009. 247 s.

- 10. Ry`bakov O. Yu. Politicheskoe otchuzhdenie cheloveka / pod red. O. B. Manzhora. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava, 1997. 107 s.
- 11. Ry`bakov O. Yu. Pravovoe znachenie principov razvitiya informacionnogo obshhestva v Rossii // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. 2017. № 10. S. 42–47.
- 12. Ry'bakov O. Yu. Samorealizaciya cheloveka v politike: dis. ... d-ra filos. nauk. Saratov, 1997. 272 s.
- 13. Ry'bakov O. Yu. Universal'nost' prava: ontologicheskie osnovaniya // Budushhee rossijskogo prava: koncepty' i social'ny'e praktiki. M.: RG-Press, 2018. S. 130–135.
- 14. Ry`bakov O. Yu. Filosofiya prava: uchebnik dlya magistrov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2022. 320 s.
- 15. Ry`bakov O. Yu. Cennostny`e osnovaniya rossijskogo konstitucionalizma // Konstituciya Rossijskoj Federacii i sovremenny`j pravoporyadok: materialy` konferencii: v 5 ch. M., 2019. S. 332–335.
- 16. Ry'bakov O. Yu. Chelovek v politike: puti samorealizacii. Saratov: Saratovskij universitet, 1995. 196 s.
- 17. Ry`bakov O. Yu. Chelovek i ego prava v usloviyax novoj real`nosti (pravo v usloviyax novoj real`nosti) // Pravo i obshhestvo v e`poxu social`no-e`konomicheskix preobrazovanij XXI veka: opy`t Rossii, ES, SShA i Kitaya. Kollektivnaya monografiya k 90-letiyu Universiteta im. O. E. Kutafina (MGYuA) / pod obshh. red. V. V. Blazheeva, M. A. Egorovoj. M.: Prospekt, 2021. S. 29–47.
- 18. Ry'bakov O. Yu. Strategii pravovogo razvitiya Rossii: kollektivnaya monografiya / O. Yu. Ry'bakov, N. S. Bondar', V. I. Fadeev [i dr.]. M.: Yusticiya, 2015. 624 s.
- 19. Ry`bakov O. Yu. Chelovek i gosudarstvo v pravovoj politike Novogo i Novejshego vremeni / O. Yu. Ry`bakov, D. A. Gerasimova, Yu. A. Muzy`kankina [i dr.]. M.: Statut, 2013. 400 s.

Азиззода Убайдулло Абдулло — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Таджикского национального университета.

Azizzoda Ubaydullo Abdullo — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Tadjik National University.

 $E\text{-}mail: ubaydullo\_azizov@mail.ru\\$

Алешина Александра Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

Aleshina Aleksandra Vladimirovna — Candidate of Law, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

E-mail: aaleshina23@mail.ru

Антонова Наталья Владиславовна — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

Antonova Natalya Vladislavovna — Candidate of Law, Senior Researcher, Department of Social Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: natalli_an@mail.ru

Белова Ирина Александровна — соискатель кафедры теории права и гражданско-правового образования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Belova Irina Aleksandrovna — Candidate of the Departament of Theory of Law and Civil Law Education Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

E-mail: belov2@tut.by

Грахоцкий Александр Павлович — кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела международных связей, доцент кафедры теории и истории государства и права Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины.

Grahotsky Alexander Pavlovich — Candidate of Law, Head of the Department of International liaison, Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Francisk Skorina Gomel State University, Associate Professor, Gomel, Republic of Belarus.

E-mail: grahotsky@gsu.by

Гуляева Полина Сергеевна — аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

Gulyaeva Polina Sergeevna — post-graduate student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: polina-gulyaeva2016@bk.ru

Дорская Александра Андреевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Dorskaya Aleksandra Andreevna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Дорский Андрей Юрьевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.

Dorsky Andrey Yuryevich — Doctor of Philosophy, Professor, Acting Head of the Department of Mass Communications Management, Saint Petersburg State University.

E-mail: adorskaya@yandex.ru

Косовская Виктория Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Kosovskaya Victoria Aleksandrovna — Candidate of Law, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

E-mail: vkosovskaya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9727-5219

Кононов Виталий Сергеевич — аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

Kononov Vitaliy Sergeevich — post-graduate student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: vs kononov@rambler.ru

Крупнова Татьяна Борисовна — аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

Krupnova Tatyana Borisovna — post-graduate student, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Studies of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: black_rose_1994@mail.ru

Малкин Олег Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Malkin Oleg Yurievich — Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Civil Law, North-Western Branch of Russian State University of Justice.

E-mail: Olem2008@gmail.com

Низамова Елена Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Nizamova Elena Anatolyevna — Candidate of Law, Assistand Professor of the Department of Civil Law, North-Western Branch of Russian State University of Justice.

E-mail: nizamovaea@list.ru

Пашенцева Дарья Дмитриевна — аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

Pashentseva Darya Dmitrievna — post-graduate student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: daryapashentseva@yandex.ru

Попова Наталья Николаевна — начальник Управления по развитию инновационных молодежных программ и профориентации Дипломатической академии МИД России.

Popova Natalya Nikolaevna — the Head of Department for Youth Innovative Programs Development and Career Guidance of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry.

E-mail: nnpopovoi@mail.ru

Сварчевский Константин Геннадьевич — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

Svarchevsky Konstantin Gennadievich — Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, North-Western Branch of the Russian State University of Justice.

E-mail: svarchewsky@yandex.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ И ОФОРМЛЕНИЮ, ПОРЯДОК ПОДАЧИ И РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Юридические науки», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционным советом университета:

- 1. Используемый шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое по 20 мм, правое 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами в светлом курсивном начертании; греческими буквами в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.
- 2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:
- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
  - результаты исследования;
  - литература.
- 3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.
- 4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).
  - 5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:
- инициалы и фамилия автора (полужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
  - место работы, город, страна (курсив);
  - почта;
  - заголовок (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
  - аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
  - ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленном в алфавитном порядке на русском и английском языках, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая запись».

Примеры оформления:

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Викулова Л. Г., Троепольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, Т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники помещаются в тексте в круглых скобках или подстраничной сноской по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения [Электронный ресурс] // QRZ.RU: сервер радиолюбителей России. 2004. URL: http://www.qrz.ru/articles/article260.html (дата обращения: 21.02.2006).

- 8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстраничных сносок и примечаний в статье должно быть однообразным, нумерация сквозная.
- 9. В конце статьи (после списка литературы) указываются на английском языке сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова.
- 10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: PashencevDA@mgpu.ru (в формате doc, docx).
- 11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.
- 12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по требованию главного

или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

- 13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.
- 14. Все статьи, предназначенные для публикации в «Вестнике МГПУ». Серия «Юридические науки», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и Редакционным советом Института права и управления МГПУ.
- 15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте МГПУ (раздел «Наука») в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.
- 16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

И. О. Иванов

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация E-mail: 00000@mail.ru

Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов левиафану

Аннотация. Целью проведенного исследования стало выявление общих закономерностей построения оптимальной модели взаимодействия человека и государства. В процессе исследования использованы методологические подходы постклассической юриспруденции: антропоцентризм и конструктивизм. Государство рассматривается как определенный социальный конструкт, постоянно воспроизводимый действиями людей в соответствии с имеющимися у них ментальными установками и представлениями. По результатам исследования автор высказывает суждение о необходимости выстраивания гармоничной модели взаимоотношений публичной власти и человека, основанной на понимании роли каждого субъекта в повседневном конструировании государства и его институтов. Такая модель характеризуется наличием эффективных механизмов активной реализации прав и свобод личности. Значимость исследования состоит в выработке базовых подходов к пониманию антропологии государства в контексте выявления ключевой роли субъекта в воспроизводстве государственных институтов как определенного социального конструкта.

Ключевые слова: государство; Левиафан; публичная власть; социальный конструкт; общество; антропология; антропоцентризм.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2022, № 2 (46)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: Π И № Φ C77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор Д. А. Пашенцев

Главный редактор выпуска: кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденеева

Редактор: *С. П. Пузырьков*

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка: $A. B. Бармин, O. \Gamma. Арефьева$

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: niic@mpgu.ru

Подписано в печать: 25.05.2022 г. Формат: 70×108 $^{1}/_{16}$. Бумага: офсетная. Объем: 8 печ. л. Тираж: 1000 экз.